g 6/54 z.2

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

ПО РОССІИ,

[illegible]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

[illegible]

[illegible]

9 6/54

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

ПО РОССІИ,

въ 1845 году.

13928-0
Публич. и Румянц. Музеев Библіотека
6 вкл 3 карты

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1848.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 7 Марта 1848 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

2007040222

I.

ОДЕССА. БУЛЕВАРЪ, СОБОРЪ, БИРЖА, МУЗЕУМЪ, ИНСТИТУТЪ.

Юня 30.

Много читавъ и слышавъ о великолѣпіи Одессы, я воображала, что и окрестности этого города должны быть чрезвычайно красивы, и приближаясь къ нему со всѣхъ сторонъ искала какой нибудь прелестной дачи, или картиннаго сада; но впереди ничего не было видно за

густою пылью, а кругомъ тянулась прежняя, томительная степь, и намъ встрѣчались только длинные на волахъ обозы и толпы крестьянокъ въ ихъ безобразныхъ плахтахъ, еще болѣе противныхъ послѣ скромной, красивой одежды Булгарокъ.

Наконецъ съ одной стороны показались молодыя, саженыя деревья, потомъ и съ другой, и мы въѣхали въ Одессу широкою улицею, обстроенною низкими домами. Одни изъ мягкаго камня, который скоро разъѣдаетъ здѣшній воздухъ, казались остатками древнихъ, обветшалыхъ зданій; въ другихъ, красиво оштукатуренныхъ, кругомъ закрыты были отъ жару ставни, какъ будто никто въ нихъ не живетъ. Все это было совсѣмъ не то, о чемъ мечтала я, забывая, что и въѣзжая въ Петербургъ нельзя угадать, какъ величественна и прекрасна новая Русская столица, изумившая міръ своимъ появленіемъ на низкихъ, болотистыхъ берегахъ Невы.

Подвигаясь впередъ, скоро увидѣли мы и лучшія строенія, и болѣе живости по улицамъ, и наконецъ, остановившись, съ полнымъ восторгомъ насладились прохладныхъ морскимъ воздухомъ и очаровательною картиною древ-

няго Понта съ балкона Петербургской гостинницы, надъ славнымъ здѣшнимъ булеваромъ изъ бѣлыхъ, душистыхъ акацій, къ сожалѣнію давно отцвѣтшихъ.—Мы долго ѣздили по городу; всѣ лучшія гостинницы заняты пріѣзжими; только въ Петербургской, въ третьемъ ярусѣ, нашлись, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ недѣлю, двѣ комнаты съ прихожей. И дорого, и тяжело ходить такъ высоко, но комнаты чистыя и веселыя, и мы особенно обрадовались балкону, на которомъ тотчасъ сѣли, прежде всего спросивъ не чаю, а мороженаго. Тутъ, среди густыхъ аллей, за двѣнадцатилѣтнее общеполезное управленіе здѣшнимъ краемъ воздвигнутъ первому здѣшнему градоначальнику, герцогу Ришельё, памятникъ, и при немъ огромная лѣстница изъ тріестскаго камня. Объ этой лѣстницѣ нельзя имѣть понятія не спустившись по ней до самаго моря: — тогда только видно, какое это дивное произведеніе ума и рукъ человѣческихъ, и какъ высокъ берегъ, увѣнчанный прекрасными зданіями. Онъ не совсѣмъ еще отдѣланъ, и это, напоминая, какъ недавно существуетъ Одесса, увеличиваетъ цѣну всего, что успѣли здѣсь сдѣлать.

Три дня послѣ знаменитаго сраженія при Рымникѣ, утвердившаго славу безсмертнаго Суворова, адмиралъ де Рибасъ, 14 Сентября 1789 года, взялъ, на Черномъ морѣ, Турецкую крѣпостцу Гаджи-бей. На это не было обращено большаго вниманія, и сами Турки не много заботились о такой потерѣ, лишившись Очакова и Измаила. Имъ вовсе не приходило на умъ, что бѣдная крѣпостца могла бы имъ вознаградить потерю двухъ богатыхъ городовъ, и какъ будетъ ея пріобрѣтеніе важно для Россіи, уже владѣвшей Тавридою.—Еще не прошло шестидесяти лѣтъ, и вмѣсто мало изѣстнаго, Турецкаго укрѣпленія Гаджи-бей, широко раскинутъ славный Русскій городъ—Одесса. Для этого нужны были только свѣтлая мысль и твердая воля. Положеніе Одессы и гавань ея были справедливо оцѣнены, и на уединенномъ берегу этомъ возникли торговля и промышленость, отъ которыхъ дикія степи скоро превращаются въ богатыя селенія.

Основателемъ Одессы можно почитать Суворова, по плану котораго заложена была крѣпость во взятомъ Гаджи-беѣ. Потомъ былъ здѣсь градостроителемъ адмиралъ де Рибасъ и его сотрудникомъ генералъ де Во-

ланъ, которому еще княземъ Потемкинымъ поручена была постройка Николаевскаго адмиралтейства, а послѣ того и разныхъ крѣпостей по Днѣпровской линіи.—Въ 1796 году пришло сюда шестьдесятъ иностранныхъ судовъ; въ 1803, число это возрасло до трехъ сотъ сорока восьми, а въ 1839 перешло за тысячу, и товаровъ было отпущено слишкомъ на тринадцать милліоновъ серебромъ. То и другое послѣ измѣнялось, но по всему видимому можно надѣяться, что съ помощію Божіей долго процвѣтать будутъ Одесса и прилежащія къ ней области, имѣющія здѣсь вѣрный сбытъ собственныхъ своихъ произведеній.

═

Іюля 1.

Рано проснувшись пошла я на балконъ, радуясь возможности, въ дорогой праздникъ, насладиться дивнымъ зрѣлищемъ солнечнаго восхода. Около береговъ море было свѣтло какъ хрусталь, но далѣе отъ нихъ, постепенно синѣя, сливалось съ красноватымъ небомъ. Вдругъ блеснула тутъ полоса, и какъ будто откры-

лось небольшое жерло, тотчасъ озолотившее близкое къ нему облачко. Это жерло скруглялось, увеличивалось, на него становилось тяжело смотрѣть.—Оно поднималось выше и выше, лучи его заискрились въ водѣ, но какъ будто за то, что я осмѣлилась, незваная, ждать его появленія, черныя пятна завертѣлись у меня въ глазахъ; мнѣ стало казаться, что они носятся около меня по бумагѣ, на которой старалась я изобразить невыразимое зрѣлище. Я должна была отъ него бѣжать, и воротясь въ комнату, гдѣ скользило по обоямъ солнце, готова была подумать, что изображенная на нихъ Психея живая, прощается съ матерью, чтобы слѣдовать за отцемъ, ведущимъ ее къ неизвѣстному супругу.

Пѣтухи громко провозгласили на дворѣ наступленіе дня; по лѣстницамъ тотчасъ заходили люди, и къ приморскимъ купальнямъ стали подъѣзжать экипажи. — Я уже не ложилась спать, и отъ этого, или отъ перемѣннаго воздуха, или такъ, безъ особенной причины, не могла дослушать обѣдню въ соборѣ, и только могу сказать объ немъ, что онъ очень обширенъ. Съ самаго выѣзда изъ Петербурга не чувствовавъ такого разслабленія, я съ ужасомъ подума-

ла, что напрасно льстилась, отправляясь въ дальній путь, избавиться томительной болѣзни, и, признаюсь, это тѣмъ болѣе огорчило меня, что случилось въ день моего рожденія.—Но, воротясь въ гостинницу, я скоро почувствовала облегченіе на балконѣ отъ легкаго морскаго вѣтерка, и мы день провели у Деденевыхъ. Родная сестра Алексѣя Егоровича Деденева была за моимъ умершимъ родственникомъ, Павломъ Аполлосовичемъ Наумовымъ, котораго всѣ его знавшіе уважали за рѣдкую правоту и глубокую преданность престолу и отечеству. Занимавъ важныя должности, онъ могъ нажить сотни тысячь, но оставилъ шестерымъ своимъ дѣтямъ только маленькое родовое имѣніе и безукоризненное имя. Въ награду за его заслуги, обѣ его дочери воспитывались одна въ Смольномъ, другая въ Екатерининскомъ институтѣ, пансіонерками покойнаго Императора, и онѣ дорого цѣня эту милость заслуживаютъ ее тѣсною между собою дружбою и кроткими добродѣтелями.

Съ Алексѣемъ Егоровичемъ живетъ старшая дочь его, украсившая всѣ комнаты собственныхъ трудовъ масляными картинами. Она познакомила меня съ молодою, благород-

ною Черногоркою, Анною Сировицъ, осиротѣвшею въ Одессѣ. Мнѣ это доставило истинное удовольствіе. Въ ней ничего нѣтъ вытверженнаго изъ Французскихъ романовъ, или у наставницъ, пренебрегающихъ ея отечествомъ. Она говоритъ только то, что ей внушаютъ умъ и сердце, и пылкій взоръ ея досказываетъ ея горячія чувства.

═

Іюля 2.

Въ Одессѣ три гавани. Приходящія за хлѣбомъ изъ Средиземнаго моря чрезъ Константинопольскій проливъ, иностранныя суда стоятъ особо въ карантинной гавани, и съ ними обходятся съ величайшей осторожностью; всякій разъ, когда имъ отвозятъ пшеницу, и лодки, и людей на это употребляемыхъ окуриваютъ и обмываютъ, послѣ чего выставляютъ на лодкѣ букву О, то есть очищена, безъ чего ни одна не бываетъ допущена къ берегу. Въ 1842 году сдѣлана здѣсь насыпь, и теперь можно въ сутки нагрузить до тридцати тысячь четвертей пшеницы, въ четверо болѣе прежняго, и прибывшія суда уже не ждутъ, какъ бывало, нѣсколько недѣль. Тутъ близко и паровая

машина, которая при мелководіи выгребаетъ землю, углубляя морское дно. — Въ другой гавани, на противъ, стоятъ Русскія суда изъ Николаева, Таганрога и другихъ мѣстъ. Все это объяснялъ мнѣ Одесскій губернаторъ Д. Д. Ахлестышевъ, которому, какъ и его любезной супругѣ, мы много обязаны. Хорошо познакомившись съ нами, они доставили намъ всѣ средства узнать Одессу и пріятно провести въ ней время.

Биржа Одесская прекрасное зданіе, но тяжело Русскому сердцу, что нѣтъ ни одного Русскаго имени между выставленными на листѣ именами торгующихъ здѣсь богатыхъ купцовъ.—Отъ чего происходитъ это? Когда оно перемѣнится? — Много можно сказать объ этомъ; есть чѣмъ тутъ заняться людямъ государственнымъ.—Я поспѣшила въ залу. Она обширна и красива; на правой сторонѣ, въ углубленіи, портретъ Государя Императора и два выхода на круглую галерею, съ маленькимъ садомъ, обнесенную столбами и чугунною рѣшеткою; на лѣво, изъ залы, дверь на огромную террасу, откуда прелестный видъ на море и ходъ прямо на булеваръ.

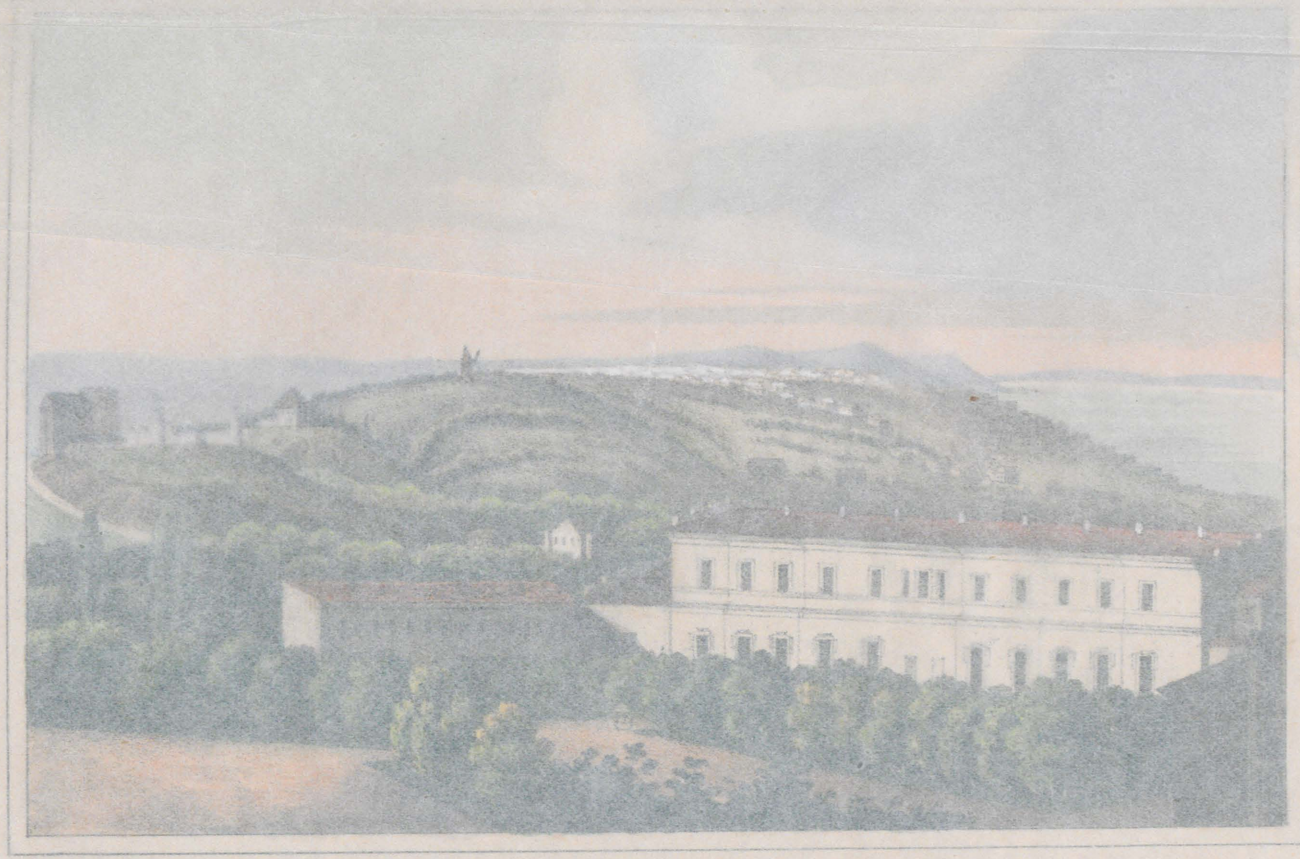
Вмѣстѣ съ биржею музеумъ, въ которомъ,

между разными вещами изъ Египта, двѣ мумiи въ простыхъ большихъ ящикахъ, сверху испещренныхъ разными изображенiями, у третьей ящикъ прекрасно отдѣланъ на подобiе огромной куклы, которую можно держать стоя. Мнѣ было достаточно получить объ этомъ понятiе, и я даже не спросила, можно ли видѣть хранящiяся тутъ набальзамированныя тѣла. — Пирамидки, вершка въ два, замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы изъ того же камня, какъ и славныя Египетскiя пирамиды. Онъ похожъ на красноватый мѣлъ, и самъ по себѣ очень крѣпокъ, но Одесскiй воздухъ такъ для него сыръ, что онъ отъ него разсыпается.—Употребляемыя жителями сѣвернаго Египта копья и стрѣлы, съ желѣзными наконечниками, которые иногда мажутъ ядомъ, отличаются легкостью; нетяжелъ и выпуклый щитъ изъ крокодиловой кожи; онъ очень толстъ и такъ твердъ, что можетъ защитить почти нехуже желѣза. Также употребляется и змѣиная кожа: мы видѣли изъ нея ожерелье и обтянутый ею чубукъ изъ Нильскаго тростника. Первое недурно, но только дикiя женщины захотятъ щеголять такимъ ожерельемъ.

Я не останавливаясь прошла мимо множества древнихъ статуй, любопытныхъ для ученыхъ, но мнѣ показавшихся очень безобразными, но любовалась нѣсколько минутъ глиняной головкой, присланной изъ Керчи, дивясь, какъ уцѣлѣло въ землѣ это маленькое личико со всею его прелестью.—Не разсматривая также, по совершенному моему въ этомъ невѣжеству, Генуэзкихъ и Татарскихъ монетъ, я съ любопытствомъ перебрала рисунки Кіевскаго мѣщанина Василія Барскаго, который, учившись въ Кіевобратскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и погребенъ, отправился въ 1723 году поклониться гробу Христа Спасителя, и цѣлые двадцать четыре года странствовалъ по святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ и Греціи. Онъ побывалъ и въ Египтѣ, и, описавъ путешествіе свое, приложилъ къ нему, имъ самимъ снятые, слишкомъ сто видовъ. Къ сожалѣнію изъ нихъ уцѣлѣло только пятьдесятъ, которыми Архіепископъ Херсонскій Гавріилъ подарилъ Одесское общество исторіи и древностей. Они, кажется, писаны перомъ; рисунокъ въ родѣ Китайскихъ, но отдѣлка очень старательная, и можно имѣть вѣрное понятіе о каждомъ мѣстѣ.

Путешествіе Василія Барскаго напечатано было иждивеніемъ князя Потемкина. Послѣдній, въ первой юности сбиравшійся поступить въ монашество, былъ искренно набоженъ, но иногда рѣшался на дѣла не слишкомъ согласныя съ ученіемъ Евангельскимъ, и, какъ нерѣдко бываетъ, вовсе не заботился о пользѣ частной, стремясь къ цѣли, казавшейся ему полезною.— Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, князь Потемкинъ предписалъ генералу Каховскому платить Евреямъ за каждую дѣвушку, ими доставленную, по пяти рублей. Можно представить, какъ воспользовались этимъ жадные соплеменники Іуды Искаріотскаго, сколько тутъ было обмановъ и насилія!—Приказъ объ этомъ, 1785 года, кажется, мало извѣстный, хранится здѣсь, въ той комнатѣ, гдѣ портреты Рибаса, основателя Одессы, Тучкова, поселившаго въ Измаилѣ запорожскихъ казаковъ, Шевича и Хорвата, начальниковъ переселившихся въ Россію Сербовъ, Палласа и Сестренцевича, писавшихъ о Тавридѣ.

Мнѣ было лестно получить отъ господина Мурзакевича, директора Одесскаго музеума, вышедшій въ прошломъ году первый томъ любопытныхъ записокъ Одесскаго общества

ИНСТИТУТЪ СО СТОРОНЫ ВНУТРЕННЯГО САДА.

въ Одессѣ.

Путешествіе Василія Барскаго напечатано было иждивеніемъ князя Потемкина. Послѣдній, въ первой юности сбиравшійся вступить въ монашество, былъ искренно набоженъ, но иногда рѣшался на дѣла не слишкомъ согласныя съ ученіемъ Евангельскимъ, и, какъ нерѣдко бываетъ, вовсе не заботился о пользѣ частной, стремясь къ цѣли, казавшейся ему полезною.— Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, князь Потемкинъ предписалъ генералу Каховскому платить Евреямъ за каждую дѣвушку, ими доставленную, по пяти рублей. Можно представить, какъ воспользовались этимъ жадные соплеменники Іуды Искаріотскаго, сколько тутъ было обмановъ и насилія!—Приказъ объ этомъ, 1785 года, кажется, мало извѣстный, хранится здѣсь, въ той комнатѣ, гдѣ портреты Рибаса, основателя Одессы, Тучкова, поселившаго въ Измаилѣ запорожскихъ казаковъ, Шевича и Хорвата, начальниковъ переселившихся въ Россію Сербовъ, Палласа и Сестренцевича, писавшихъ о Тавридѣ.

Мнѣ было лестно получить отъ господина Мурзакевича, директора Одесскаго музеума, вышедшій въ прошломъ году первый томъ любопытныхъ записокъ Одесскаго общества

ИНСТИТУТЪ СО СТОРОНЫ ВНУТРЕННЯГО САДА.

въ Одессѣ.

исторіи и древностей, и собственныхъ его трудовъ исторію Генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Продолженіе записокъ, посвященныхъ Августѣйшему покровителю общества, Государю Наслѣднику, будетъ важною услугою всѣмъ желающимъ узнать основательно Тавриду и вообще Новороссійскій край.

Одесскій Екатерининскій институтъ, одинъ изъ старѣйшихъ въ Россіи, основанъ въ 1806 году. Онъ окруженъ густыми садами, что здѣсь особенно драгоцѣнно и полезно здоровью; но зданіе небольшое и все въ немъ очень просто. Зала для собраній и танцевъ только что обширна; у начальницы, генеральши Фитингофъ, три комнаты, и нигдѣ нѣтъ паркетовъ: это хорошо для бѣдныхъ дѣвицъ, которыя, воротясь къ родителямъ, рѣдко находятъ у нихъ и крашеные полы.—По приглашенію почтенной начальницы мы были два раза въ институтѣ, слушали прекрасную музыку и пѣніе, и по всему, что видѣли, можно надѣяться, что здѣшнія воспитанницы, прекрасно образованныя, будутъ утѣшеніемъ семействъ своихъ.

Мнѣ вреденъ Одесскій воздухъ; я такъ ослабѣваю, что меня водятъ подъ руки. Я занемо-

гла, будучи въ первый разъ въ институтѣ, какъ наканунѣ въ соборѣ, и принуждена была также уѣхать прежде времени. По счастію, мучительный недугъ недолго продолжается, если тотчасъ могу отдохнуть въ совершенной тишинѣ.

Послѣ обѣда, заѣхалъ меня провѣдать Д. Д. Ахлестышевъ; увидя, что я сижу одѣтая, предложилъ показать намъ карантинъ. Я очень обрадовалась этому предложенію, какъ будто угадавъ, какъ его исполненіе пріятно займетъ меня и будетъ полезно моему здоровью. Хворая въ Одессѣ, я уже боялась ѣхать въ Крымъ, но увидѣвъ въ карантинѣ много любопытнаго, я притомъ увѣрилась, что сильное движеніе на открытомъ воздухѣ, особенно близь моря, очень мнѣ полезно.—Это была совсѣмъ особаго рода прогулка, и вотъ гдѣ бы разыгралось воображеніе Жоржъ Зандъ, которая, долго плѣнявъ хвастающій просвѣщеніемъ XIX вѣкъ картинами любви, не уважающей ни приличій, ни законовъ, можетъ быть, прочитавъ, какъ Вальтеръ Скоттъ высоко цѣнилъ дарованія Анны Радклифъ, вздумала подражать ей, описывая пещеры, гдѣ заключался наслѣдникъ знатнаго дома Рудольштадъ, котораго она

называетъ мечтателемъ, и котораго смѣло можно, по собственному ея изображенію, назвать помѣшаннымъ. Въ карантинѣ только нѣтъ пещеръ, но есть рѣшетки, за которыми содержатся мужчины и женщины, есть желѣзные запоры, закладенныя ворота, и много такого, что можетъ взволновать пылкое воображеніе.

Чума была здѣсь въ 1829 году, и потомъ въ 1837. Одно это слово, какъ страшное привидѣніе, должно смутить всѣ умы, поразить всѣ чувства! Теперь служба въ карантинѣ не труднѣе другой службы, но когда черное знамя возвѣщаетъ, что въ страшномъ чумномъ кварталѣ есть жители, малѣйшая оплошность, неумѣстное состраданіе, могутъ погубить тысячи людей.

Пріѣзжіе изъ Константинополя должны пробыть въ карантинѣ четырнадцать дней. Каждый можетъ имѣть особую комнату за тридцать копѣекъ серебромъ въ сутки, а кушанье, какъ и въ Петербургской гостинницѣ, по пятидесяти копѣекъ ассигнаціями блюдо. Комнаты эти отдѣлены отъ улицы коридоромъ, по обѣимъ сторонамъ котораго окна съ рѣшетками. Живущіе тамъ занимаются чѣмъ хотятъ, сходятся между собою, и съ проходящими ми-

мо могутъ свободно разговаривать, только последнимъ запрещено касаться стѣнъ, остерегаясь внезапнаго открытія чумы.—Узнавъ насъ, возвращавшійся изъ Константинополя отставный генералъ-маіоръ Нелидовъ сталъ разспрашивать о горячо любимой имъ женѣ и о тещѣ, вдовѣ извѣстнаго адмирала Анастасьѣ Васильевнѣ Сарычевой, которую я сама и всѣ ее знающіе искренно почитаютъ (а), и я, отвѣчая на его вопросы, чуть не оперлась на стѣну.—Бдительный губернаторъ тотчасъ напомнилъ мнѣ, что я бы нарушила этимъ законъ, и сама бы подверглась карантину.

Мы входили въ комнаты, которыя занималъ лордъ Дургамъ по пріѣздѣ въ Россію, гдѣ онъ былъ Великобританскимъ посломъ. Въ нихъ только темнѣе обыкновеннаго, по причинѣ двойныхъ стѣнъ и рѣшетокъ, но можно спокойно прожить двѣ недѣли, назначенныя для совершеннаго удостовѣренія въ добромъ здоровьѣ.—Передъ нами и за нами шли съ булавами гвардіоны (сторожа). Всѣ здѣсь служащіе носятъ красные рукава, чтобы издалека было видно, что они принадлежатъ къ карантину, и

(а) Онѣ обѣ скончались въ тотъ же годъ; нѣжная мать не пережила потери милой дочери.

не должно до нихъ дотрогиваться; на офицерахъ красные шарфы и красная перевязь на лѣвой рукѣ; часовые стоятъ съ заряженными ружьями, готовые выстрѣлить въ дерзкаго, который вздумалъ бы уйдти отъ надзора.—Всѣ эти предосторожности глубоко меня трогали: это какъ родительская забота о дѣтяхъ, которыя вздумали бы играть огнемъ.

Мы прошли въ чумный кварталъ обширнымъ, обнесеннымъ стѣнами, дворомъ, въ которомъ каждый годъ по два раза усыпаютъ дорожки свѣжимъ морскимъ пескомъ, сметая старый. Въ немъ нѣтъ ни одного дерева, ниже кусточка, чтобы между ними не завалилось что нибудь зараженное.—Въ чумномъ кварталѣ, вмѣсто двухъ, четыре рѣшетки отдѣляютъ посѣтителей отъ больныхъ. Даже комната, въ которой осматриваютъ послѣднихъ раздѣлена рѣшеткою; съ одной стороны входитъ въ нее больной, съ другой докторъ. Снятое съ больнаго платье, по одному сомнѣнію, еще вѣрно не зная что онъ зачумленъ, окуриваютъ цѣлые сутки составомъ изъ селитреной кислоты, поваренной соли и марганца и потомъ еще сутки провѣтриваютъ. Ворота, въ которыя привозятъ изъ города, или съ кораблей больныхъ, теперь закладе-

ны; близь нихъ огромный ларь съ крышею для воды, которую въ несчастное время проводятъ изъ-за стѣны трубами, и тутъ же на дворѣ огромная жаровня, на которой жгутъ соръ, выметаемый изъ комнатъ.—Священникъ, коммисаръ, и прочіе чиновники живутъ отдѣльно на дворикѣ, который также, изъ предосторожности, весь вымощенъ камнемъ.—Одесскій карантинъ, по мнѣнію многихъ, лучше иностранныхъ. Отличное заведеніе! Какъ хорошо все здѣсь придумано! Какъ по видимому всѣ усердно и ревностно исполняютъ свои обязанности! Можно надѣяться, что съ помощію Божіей долго будетъ пустъ чумный кварталъ! Я отъ всей души молила Бога наградить этимъ неусыпныя старанія, отвратить страшное бѣдствіе, одна мысль о которомъ заставляетъ содрогаться!

Мнѣ стало легче дышать, когда мы вышли въ товарный кварталъ, гдѣ съ одной стороны магазины, въ которыхъ провѣтриваютъ, или окуриваютъ товары, смотря по свойству ихъ, а съ другой, на открытомъ воздухѣ, лежитъ хлопчатая бумага въ шерстяныхъ, полосатыхъ мѣшкахъ. Эту бумагу расщипываютъ особые люди, и если въ продолженіе сорока двухъ дней никто изъ нихъ не заболитъ, ихъ смѣняютъ, а бумага

идетъ въ продажу. Кварталъ этотъ простирается слишкомъ на сто сажень и также обведенъ стѣною; изъ него выходятъ въ гавань, въ которой стоятъ иностранные корабли. Тутъ маркитантская лавка, большое казенное строеніе, гдѣ нанимающій его купецъ, за умѣренную цѣну, снабжаетъ всѣмъ нужнымъ и находящихся въ карантинѣ, и пристающихъ у него шкиперовъ и матросовъ.—Далѣе въ два ряда валъ, изъ земли разныхъ близкихъ и далекихъ странъ, которую возятъ сюда вмѣсто балласта. Онъ служитъ гуляньемъ ближнимъ жителямъ, ограждаетъ отъ морскихъ разливовъ, и въ случаѣ войны можно ставить на немъ батареи. Еще подалѣе невысокая каменная стѣна идетъ рядомъ съ валомъ, а потомъ другая стѣна окружаетъ маякъ, и около нея лежатъ пушки и ядра, готовыя отразить внезапное нападеніе.

Приходящія суда, для безопасности, хранятъ порохъ свой въ башнѣ при карантинѣ, котораго зданія возвышаются одно надъ другимъ. Прелестная, чудная картина!—Вечерній туманъ увеличивалъ при насъ красу ея; сквозь него, городъ, осеребренный полнымъ мѣсяцемъ, казался небеснымъ явленіемъ надъ широкимъ, издревле знаменитымъ моремъ, берегъ котораго

окаймленъ былъ судами, отвсюду идущими, не за блестящими нарядами, которыми снабжаетъ Францiя, не за плодами и лакомствами, которые привозятъ изъ другихъ земель, но за хлѣбомъ, безъ котораго невозможно жить ни въ бѣдныхъ хижинахъ, ни въ роскошныхъ палатахъ, за хлѣбомъ, котораго урожай несравненно драгоцѣннѣе урожая винограда, или кофею, котораго избытокъ всего вѣрнѣе можетъ обезпечить силу и спокойствiе государства.

II.

АРХІЕРЕЙСКІЙ ДОМЪ, МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ДОМЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА, ЦИТЕРНЫ, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, ТЕАТРЪ, ХУТОРЪ РЕНО.

Іюля 3.

Мы имѣли честь познакомиться со здѣшнимъ архіепископомъ Гавріиломъ, искуснымъ строителемъ и хозяиномъ. Маленькая домовая церковь его можетъ служить образцомъ. Иконостасъ обложенъ мѣдными, посеребреными листами съ золочеными украшеніями, и вмѣсто

обыкновенныхъ колоннъ матовыя, серебряныя пальмы, обвитыя вызолоченными гирляндами, соединяющими густыя пальмовыя вершины. Стѣны обиты краснымъ сукномъ, въ ростъ человѣческій, что очень нарядно и спокойно для богомольцевъ, которые могутъ тутъ прислоняться, не опасаясь испортить стѣну, или отъ нее простудиться. Въ верху легкая живопись дикаго цвѣта, изображаетъ Преображеніе Господне, и разныя притчи Евангельскія. — Жаль, что не удалось въ этой церкви отслушать обѣдню!

Огромныя, бѣлыя акаціи защищаютъ архіерейскій домъ отъ морскихъ вѣтровъ, которые бываютъ здѣсь чрезвычайно сильны, и отъ нихъ поднимается густая, тонкая пыль, очень вредная зрѣнію. По счастію, при насъ погода была тихая и почти не было пыли, однако и отъ малаго ея количества, или отъ яркости солнца мнѣ было тяжело глазамъ, а у Настасьи Петровны они долго послѣ болѣли. — Деревянная лѣстница въ архіерейскомъ домѣ, сдѣланная при нынѣшнемъ архіепископѣ, замѣчательной красоты. Особенно пріятно видѣть въ здѣшнемъ городѣ, гдѣ такъ много иностранцевь, отличный порядокъ и вкусъ въ жилищѣ право-

славнаго архіерея. — Обширный садъ также свидѣтельствуетъ попечительность и дѣятельность Владыки, и изъ него можно съ полнымъ удовольствіемъ любоваться прелестными видами. Съ правой стороны практической гавани, рисуются, на выдавшемся въ море, усаженномъ деревьями высокомъ берегу домъ и бесѣдка князя Воронцова, съ лѣвой домъ и садъ Л. А. Нарышкина. Цѣлый бы день пробылъ здѣсь. — Но запахъ съ лимана очень противенъ, и если правда, какъ увѣряютъ, что онъ здоровъ, не скоро можно къ нему привыкнуть.

Владыко замѣтилъ мнѣ, что берегъ у него въ саду, какъ и вообще въ Одессѣ, наполненъ раковинами, что многихъ заставляетъ думать, что онъ былъ нѣкогда подъ водою, и что море мало по малу отступило и опало.—Я объ этомъ читала, но на мѣстѣ кажется невѣроятно, чтобы когда нибудь море достигало такъ высоко, особенно не хочется вѣрить потому, что утверждающіе это, иностранные путешественники, прибавляютъ, что основаніе Одессы очень непрочно. Но въ Парижѣ дворецъ Луксембургскій и весь многолюдный кварталъ святаго Якова, стоятъ надъ древними каменоломнями

(catacombes) и не проваливаются: можно надѣяться, что плотно лежащія раковины менѣе опасны, нежели подземныя галереи, убранныя костями человѣческими.

Въ Одессѣ только по одной церкви Римской, Лютеранской и Армянской, а православныхъ, кромѣ двухъ вновь строющихся, двѣнадцать. Это доказываетъ, что и здѣсь, на предѣлахъ Россіи, не ослабѣваетъ Русская набожность. Въ 1833 году, усердіемъ здѣшнихъ гражданъ, выстроена, по плану архитектора Торичелли, прекрасная, обширная церковь во имя Архангела Михаила съ придѣлами Ѳеодоровской Божіей Матери и святаго пророка Иліи. При этой церкви, стараніемъ архіепископа Гавріила, тайнаго совѣтника Стурдзы и покойной сестры его графини Едлингъ, съ помощію доброхотныхъ дателей, въ 1844 году открытъ дѣвичій монастырь, и при немъ училище для бѣдныхъ сиротъ.

Въ главномъ алтарѣ, вмѣсто окна, большой крестъ матоваго стекла съ написаннымъ по немъ во весь ростъ Распятіемъ. Чтобы лучше увидѣть Божественное изображеніе, предложили мнѣ взойдти на хоры, гдѣ во время службы поютъ монастырки, и я потомъ еще выше под-

нялась, къ самому куполу, гдѣ между стѣною и колоннами свободный ходъ, и въ большія окна видны море и городъ.—Картина очаровательная! И сколько думъ рождаетъ она! Здѣсь, во святомъ храмѣ, глубокое молчаніе прерывается только молитвами и пѣніемъ во славу Божію; здѣсь просятъ только у Создателя преданности Его волѣ, любви и надежды, съ которыми не нужны богатство и не страшна смерть. Тамъ, на землѣ и на морѣ, житейскія заботы волнуютъ сердца; тамъ, въ великолѣпныхъ чертогахъ, среди роскоши и веселья, пылкія страсти отравляютъ жизнь тѣхъ, которые прилѣпляются не къ Богу, единому вѣрному утѣшителю нашему и помощнику, а къ тлѣнному міру, въ которомъ и любовь и дружба, и счастіе и слава всеминутно измѣняются.

Игуменья и монахини очень привѣтливы; одна изъ послѣднихъ, дочь Кіевскаго схимника, благословила меня прекрасно написаннымъ образомъ Архангела Михаила, который я навсегда хранить буду, въ память пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною во вновь учрежденной, но уже цвѣтущей Михайловской обители.—Она обнесена обширною каменною оградою съ четырьмя

башнями, при ней большой садъ, и всѣ въ ней живущія покойно помѣщаются.

Въ училище принимаютъ сиротъ, преимущественно духовнаго званія, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, и онѣ въ немъ остаются до семнадцати. Въ продолженіе всего этого времени ихъ не отпускаютъ ни къ кому для свиданія, чтобы ничто не развлекало ихъ занятій, и онѣ не услышали сужденій, противныхъ Христіанскимъ правиламъ, имъ преподаваемымъ. Наставница ихъ, дѣвица Боголюбова, прежде бывшая классною дамою въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, была въ Іерусалимѣ, для поклоненія Святому Гробу Спасителя, и видя ея глубокую набожность можно надѣяться, что она будетъ ревностно содѣйствовать утвержденію въ юныхъ сердцахъ благоговѣнія къ вѣрѣ православной, источнику скромныхъ добродѣтелей и душевныхъ радостей.—Сверхъ всякихъ женскихъ рукодѣлій, воспитанницъ учатъ закону Божію, церковному пѣнію, читать и писать по Русски, начальной ариѳметикѣ, краткой исторіи и географіи, и нѣкоторыхъ, имѣющихъ къ тому особенную склонность, рисовать.—Онѣ при насъ обѣдали: пища

простая но вкусно приготовленная, ложки серебряныя, посуда прекрасная. Вообще все на нихъ и около нихъ очень хорошо. Для многихъ время, проведенное ими здѣсь, будетъ счастливѣйшимъ временемъ жизни ихъ. Даже можно опасаться, чтобы онѣ въ послѣдствіи, не имѣя возможности пользоваться тѣмъ, къ чему теперь привыкаютъ, не стали роптать на свой жребій, и, какъ мнѣ случалось видѣть, не рѣшились во что бы ни стало пріобрѣсти прежнее довольство. Я откровенно сказала объ этомъ свои мысли. Мнѣ отвѣчали, что воспитанницы пріучаются ко всѣмъ грубымъ работамъ, и, выростая, сами моютъ полы и платье. Особенно хорошо, что съ пятнадцати лѣтъ начинаютъ онѣ, по очереди, служить больнымъ монахинямъ и своимъ подругамъ.

═

Іюля 4.

Домъ князя Воронцова на прелестномъ мѣстѣ, и самъ служитъ украшеніемъ городу. Въ немъ много достойнаго вниманія, но мы пріѣхали подъ вечеръ и только успѣли, почти не

останавливаясь, обойдти комнаты. Особенно должно быть пріятно отдыхать въ Китайскомъ кабинетѣ съ богатѣйшими Китайскими вазами, когда онъ убранъ цвѣтами, въ чемъ здѣсь вѣрно не бываетъ недостатка; тутъ близко комнатный садъ, освѣщенный съ трехъ сторонъ и сверху, съ солнечными на полу часами.—Изъ картинъ, такъ сказать по догадкѣ, мнѣ особенно хороша показалось посѣщеніе Елисаветы Пресвятою Дѣвою.—Между портретами нашихъ Государей, портретъ Екатерины II замѣчателенъ тѣмъ, что былъ Ею пожалованъ запорожскому войску. По уничтоженіи Сѣчи не знали, куда онъ дѣвался; его отыскалъ архіепископъ Гавріилъ въ бытность его въ Екатеринославлѣ, и подарилъ князю Воронцову.—Большая, вызолоченая, серебряная ваза, поднесена князю, при возвращеніи его въ Россію съ отдѣльнымъ корпусомъ изъ Франціи, гдѣ онъ оставался четыре года для утвержденія мира и внутренней тишины, въ память признательности и преданности его подчиненныхъ, что написано на темномъ бронзовомъ пьедесталѣ съ позолочеными украшеніями. Лестны такія приношенія! Пріятно передавать ихъ потомству!

Только издали, при Дворѣ, видѣвъ князя

Воронцова, уважаю его за все, что сдѣлано имъ полезнаго въ Одессѣ, но особенно за то, что онъ, по волѣ Государя Императора, отрекшись жизни исполненной наслажденій, въ преклонныхъ лѣтахъ, отправился на Кавказъ, гдѣ ждали его вседневные труды и опасности. Вотъ истинная Русская преданность Царю и отечеству, за что всѣ Русскіе, у которыхъ въ груди бьется сердце, обязаны молить Бога, чтобы Онъ благословилъ старанія князя упрочить Россіи спокойное обладаніе Кавказомъ.

Въ Одессѣ въ первый разъ видѣла я цитерны въ дѣвичьемъ монастырѣ и въ домѣ призрѣнія нищихъ. Послѣдній основанъ въ 1832 году на сто человѣкъ. Помѣщеніе и содержаніе равно хороши въ немъ; за два года разведенъ садъ, и теперь строятъ цитерну. Слово это всѣмъ извѣстно, но мы, сѣверные жители, изобилуя водою, только слыхали о цитернахъ, и я съ большимъ любопытствомъ смотрѣла эти чудные колодези, гдѣ хранится вода, не изъ земли, а съ неба. Въ домъ призрѣнія нищихъ особеннаго рода цитерна; въ нее проведена труба съ кровли, и во время дождя будутъ наблюдать, чтобы первая вода, обмывъ кровлю, стекала въ особый каналъ, а только чистая прямо въ

циторну, которую можно уподобить огромному, остроконечному кувшину съ узкимъ горломъ.

═

Іюля 5.

Пробывъ только недѣлю въ Одессѣ, мы не успѣли побывать ни въ Успенскомъ мужескомъ монастырѣ, за нѣсколько верстъ отъ города, ни въ ботаническомъ саду, который гораздо ближе. Мы не были и въ славномъ здѣшнемъ магазинѣ мадамъ Томазини; только знаемъ, что она работаетъ съ большимъ вкусомъ; за то, какъ и славныя модистки Петербургскія, беретъ непомѣрно дорого, особенпо съ пріѣзжихъ. Намъ за умѣренную цѣну сшили по два платья Евреи, искусные портные и закройщики: всюду взяли бы аршинъ по пяти лишнихъ.

Кромѣ гостинаго двора на театральной площади, здѣсь много разныхъ магазиновъ, гдѣ всякіе товары, по большой части гораздо дешевле Петербургскаго, но не все то найдешь, что есть въ Петербургѣ. — На театральной площади, между лавками, есть и гостинницы и кандитерскія. Въ лучшей изъ послѣднихъ, у Каруты, покупали мы сыропъ вдвое доро-

же, но не такъ хорошъ, какъ Кіевскій. — Въ двухъ модныхъ магазинахъ, въ гостиномъ дворѣ, у Француженокъ, или по крайней мѣрѣ у иностранокъ, называющихся Француженками, чепчики и шляпки хуже и дороже, нежели у Русскихъ купцовъ въ Петербургскомъ гостиномъ дворѣ, съ которымъ здѣшній только одно имѣетъ сходство, что также построенъ четвероугольникомъ. Внутри его, откуда входъ въ лавки, посажены бѣлыя акаціи и другія деревья, и со временемъ будетъ здѣсь прекрасный садъ. Теперь болѣе гуляютъ вокругъ лавокъ, по асфальтовой мостовой; она очень гладка, и по ней легче ходить, нежели по камню. Здѣсь два раза въ недѣлю играетъ музыка, и тогда особенно много гуляющихъ: подъ деревьями разставляютъ стулья и столы, за которыми пьютъ чай, ѣдятъ мороженое и конфекты, что все подъ рукою. Лавки кругомъ освѣщены и подъ ногами свѣтится огонь изъ отверстій съ желѣзными рѣшетками, въ которыя видно, что тамъ живутъ.

Я встрѣтила здѣсь многихъ Петербургскихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ изъ любопытства, или для поправленія здоровья морскими ванна-

ми, между прочими Филиппа Филипповича Вигеля, котораго почитаютъ сочинителемъ письма довольно рѣзкаго, но исполненнаго ума и любви къ Россіи, за годъ ходившаго по рукамъ въ Москвѣ, будто бы писаннаго одною графинею, что впрочемъ должно быть ей, какъ и всякому, очень лестно.—Здѣсь множество иностранцевъ; пріѣзжіе отличаются своими бѣлыми и сѣрыми безобразными блузами, и когда, на нѣсколько минутъ, умолкаетъ музыка, со всѣхъ сторонъ слышны различные языки, восточные и западные. Иногда казалось мнѣ, что я въ чужой землѣ, одна между чужими, но Русское слово, Русскій мундиръ напоминали мнѣ, что я въ Россіи, и я тѣмъ болѣе наслаждалась гуляя и отдыхая съ избраннымъ обществомъ, подъ прекраснымъ южнымъ небомъ, въ прохладѣ вечерней.—Русскаго легко узнаешь между иностранцами и безъ мундира, по чертамъ лица, особенно по его выраженію. Настоящій Русскій человѣкъ, преданный вѣрѣ отцевъ своихъ и своимъ законамъ, созданіе высокое. Справедливо и прекрасно изобразилъ его Державинъ, описывая, въ одѣ своей на взятіе Измаила, бѣдственное состояніе Россіи до восшествія на престолъ Михаила Романова.

«Но Богъ, но духъ его великій
«Сотрясъ съ него бѣды толики:
«Расторгнулъ левъ желѣзну вервь!»
.
«Пошелъ:—и кто возмогъ противъ?—
«Отъ шлема молніи скользили,
«И океаны уступили,
«Стопамъ его пути открывъ.
.
«О Россъ! о родъ великодушный!
«О твердокаменная грудь!
«О исполинъ, Царю послушный
«Когда и гдѣ ты досягнуть
«Не могъ тебя достойной славы?
«Твои труды—тебѣ забавы;
.
«Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!
.

Народъ Русскій точно можно уподобить льву, спокойно отдыхающему, мимо котораго всѣ свободно ходятъ; только должно остерегаться толкнуть его ногою, тогда онъ вскочитъ раздраженный, и горе тому, ктоего оскорбилъ, кто не понялъ его!—Это испытала Польша, испытали Швеція и Турція, и самъ могущественный, побѣдоносный Наполеонъ!

Намъ такъ хорошо было на гуляньѣ, что не хотѣлось и въ Итальянскую оперу. Мы отправились туда съ любезною Пелагеей Павловной Ахлестышевой, въ ея ложу, когда уже началось второе дѣйствіе оперы Сафо. Небольшой театръ красивъ и хорошо освѣщенъ. Зрители казались очень довольны пѣніемъ, но я, избалованная Петербургскою оперою, вспоминая Рубини, Віардо и Тамбурини, которыхъ въ продолженіе двухъ зимъ съ восторгомъ часто слушала, нетерпѣливо ждала, чтобы отчаянная Сафо скорѣе утопилась.

═

Іюля 6.

Узнавъ, что мнѣ очень хочется видѣть хуторъ Рено, Дмитрій Дмитріевичъ Ахлестышевъ, всегда готовый сдѣлать удовольствіе, самъ насъ проводилъ туда. Съ нами отправились и Деденевы, и я вѣкъ не забуду этой прогулки по морскому берегу, гдѣ нѣкогда величайшая въ мірѣ Царица изволила помѣщаться въ тѣсномъ домикѣ, ожидая изъ Варны Августѣйшаго Супруга Своего, побѣдившаго Турковъ. На стѣнѣ дома и въ одной комнатѣ надписи о

пребываніи здѣсь Государыни Императрицы съ 14 Іюня по 10 Августа 1828 года. Безъ этихъ надписей никто бы не повѣрилъ, что такая Высокая Особа удостоила Своимъ присутствіемъ эти маленькія, низкія комнаты. Многому можно научиться здѣсь, запасаясь сладкими воспоминаніями.

Хозяйка за границею, и въ опустѣломъ хуторѣ ея все обветшало, дорожки заглохли, бесѣдки и мостики разваливаются; только одно мѣстоположеніе осталось живописно.— Чудное дѣйствіе производитъ на меня море! Оно какъ магнитъ тянетъ меня къ себѣ, гдѣ бы я его не увидѣла, въ Петербургѣ, или здѣсь. Но море Балтійское, съ его сѣрымъ небомъ, съ его низкими, прямыми берегами, заставляетъ уныло мечтать о вѣчности, а смотря на Черное море радостно бьется сердце, вспоминая, что за предѣлами гроба ждутъ насъ вѣчная юность, вѣчное здоровье, вѣчное соединеніе съ нашими ближними.—Не смѣешь этого надѣяться за свои дѣла и чувства, но видя, какъ сливается море съ небомъ, какъ будто они нераздѣльны, съ благоговѣйнымъ трепетомъ воображаешь Того, Кто, среди устрашенныхъ бурею учениковъ своихъ, единымъ словомъ смирилъ

грозныя волны, и крестною Своею смертію искупилъ души грѣшниковъ!

Сидя на скамейкѣ, на высокомъ, песчаномъ берегу, который каждый годъ отрывается, я висѣла надъ бездною, и это не пугало меня; глаза мои устремлены были на небо, безпрестанно измѣнявшееся при солнечномъ закатѣ: то было оно совсѣмъ розовое, то голубое, то лиловое, то золотыя полосы мѣшались на немъ съ красными. Мало по малу тускли и совсѣмъ исчезали яркіе цвѣта эти, и все кругомъ стемнѣло. Я не трогалась съ мѣста, я только съ признательностію взяла назадъ свою записную книжку, въ которой А. А. Деденева, по желанію моему, набросала карандашемъ два очерка мѣстъ, особенно нравившихся Государынѣ Императрицѣ. — Между тѣмъ плавала тутъ какая - то молодая женщина въ широкомъ, черномъ платьѣ. Мнѣ не случалось этого видѣть, и меня изумили искусство и смѣлость незнакомки, которая, то какъ будто спокойно отдыхая на мягкомъ ложѣ, то разводя руками, быстро переносилась съ мѣста на мѣсто. Она скрылась въ темнотѣ, и можно было подумать, что намъ явилась

скромная Наяда, обитательница этой маленькой бухты.

Взошедшій мѣсяцъ нѣсколько минутъ ничего не освѣщалъ; казалось онъ только глядѣлъ на землю, можетъ быть на насъ. Вдругъ лучи его заблестѣли въ волнахъ, и чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ шире пролегъ на морѣ свѣтлый путь, какъ будто въ отвѣтъ на мои думы, указывая мнѣ, что такъ блестящъ и свѣтелъ путь къ вѣчности, гдѣ мы узримъ Творца этого дивнаго неба, этого необозримаго моря!

═

Іюля 7.

Побывавъ на хуторѣ Рено, я послала взять подорожную въ Симферополь, чтобы оттуда ѣхать въ Бакчисарай и на южный берегъ Крыма, что прежде боялась предпринять по слабости моихъ силъ. Но испытавъ, что меня живитъ морской воздухъ, я рѣшаюсь однако ѣхать сухимъ путемъ: время не позволяетъ ждать недѣлю парохода и хочется увидѣть Николаевъ и Херсонъ.

Въ 1803 году, когда герцогъ Ришелье

назначенъ былъ первымъ градоначальникомъ въ Одессѣ, въ ней было около девяти тысячь жителей, и онъ съ трудомъ отыскалъ небольшой домикъ для своего помѣщенія. Теперь, кромѣ войска, котораго болѣе шести тысячь, въ Одессѣ слишкомъ семьдесятъ тысячь жителей обоего пола, и однихъ частныхъ каменныхъ домовъ двѣ тысячи пять сотъ тридцать. — Всего дороже здѣсь дрова; нынче сажень стоитъ семьдесятъ пять рублей ассигнаціями, и это считается очень дешево: бываетъ сто рублей, и еще болѣе. Небогатые люди топятъ кизякомъ, то есть пластами соломы, смѣшанной съ навозомъ, но и онъ недешевъ, свыше двадцати рублей сажень.—Должно надѣяться, что скоро приступятъ къ разработкѣ открытыхъ въ Новороссійскихъ губерніяхъ копей землянаго угля, что будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для всего края. — Съѣстные припасы здѣсь недороги; въ гостинницѣ по полтинѣ ассигнаціями блюдо, очень порядочно изготовленное, и по той же цѣнѣ стаканчикъ мороженаго. Рыбы много и очень дешева; мнѣ особенно полюбилась морская стерлядь; она не такъ нѣжна, какъ рѣчная, но очень вкусна и вареная, и жареная.

Пріѣзжіе, какъ я уже замѣтила въ Кіевѣ, за все платятъ дороже, но поживъ здѣсь, кажется, все можно найдти за сходную цѣну; передъ отъѣздомъ нашимъ, молодая Итальянка, у которой мужъ Русскій, принесла намъ прекрасныхъ конфектовъ по два рубля съ полтиною, и чудеснаго шербету по рублю ассигнаціями фунтъ, ровно за полцѣны противъ Каруты.—Сахаръ рафинадъ съ небольшимъ двадцать рублей ассигнаціями пудъ, но плоды не всегда можно имѣть и за дорогую цѣну. Въ Петербургѣ во все лѣто продаютъ апельсины, а здѣсь только когда придутъ съ ними корабли; или слишкомъ трудно сохранять ихъ, или не хотятъ объ этомъ заботиться. Лимоны теперь здѣсь вдвое дороже Петербургскаго, а апельсиновъ совсѣмъ нѣтъ.

Наканунѣ отъѣзда нашего пріѣхалъ въ Одессу Бессарабскій военный губернаторъ, Павелъ Ивановичъ Ѳедоровъ, въ отсутствіе князя Воронцова управляющій въ сѣмъ здѣшнимъ краемъ.—Съ особеннымъ удовольствіемъ познакомившись съ нимъ, я тѣмъ болѣе жалѣю, что не могу побывать въ Кишеневѣ, который, по общему увѣренію, чрезвычайно процвѣлъ при генералѣ Ѳедоровѣ. Послѣдній разсказалъ намъ

много любопытнаго о Бессарабіи, между прочимъ, что въ 1835 году въ одномъ полѣ на четверть кукурузы родилось четыреста четвертей. Конечно, это не часто бываетъ, но и одинъ такой случай доказываетъ чрезвычайное плодородіе этого края, и какъ онъ можетъ быть полезенъ Россіи.

Прощаясь съ нами, Одесскій знакомый нашъ, Г. Х. Клайгильсъ, подарилъ мнѣ путеводителя по Крыму. Уже десять лѣтъ, какъ написалъ его поселившійся здѣсь Швейцарецъ Монтандонъ, но до сихъ поръ онъ остается лучшею въ этомъ родѣ книгою.—Не лишнее имѣть съ собою и Новороссійскій календарь. Изданный на нынѣшній годъ хорошій указатель, и я оченъ благодарна Кіевскому губернатору И. И. Фундуклею, подарившему меня имъ въ Кіевѣ. Мнѣ очень лестно, что позаботились снабдить меня этими книгами, о которыхъ, признаюсь, вовсе не знала, какъ онѣ нужны путешественникамъ.

ПУБЛИЧ. РУМЯНЦ. БИБЛІОТЕКА

III.

НИКОЛАЕВЪ, КУПЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ, СПАССКІЙ САДЪ, ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ ДЕПО, АДМИРАЛТЕЙСТВО, ОБСЕРВАТОРІЯ.

Іюля 8.

Насъ недолго держали въ Одесской таможнѣ, видя, что мы веземъ только собственныя вещи, и мы въ субботу, въ осьмомъ часу вечера, отправились въ Николаевъ. Дорога шла берегомъ; густыя облака то сливались съ моремъ, то казались высокими горами, и когда взошедшій мѣ-

сяцъ исчезалъ за ними, море чернѣло какъ глубокая, бездонная пропасть, но чрезъ нѣсколько минутъ мѣсячные лучи разсыпались въ немъ алмазами, и широкая, свѣтлая полоса, какъ чистое зеркало, отдѣляло небо отъ земли!—Это были дивныя картины: только развѣ Айвазовскій могъ бы изобразить ихъ своею волшебною кистью!—Вдругъ съ обѣихъ сторонъ окружило насъ море, и мы тихо спускались къ нему не видя другаго пути, не воображая, какъ мы тутъ проѣдемъ. До сихъ поръ не знаю, дѣйствительно ли такъ было, или густой туманъ обаялъ мои чувства, но мнѣ уже казалось, что я слышу шумъ воды, что карета тотчасъ въ нее опрокинется. Ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, и онѣ взлетѣли на гору, гдѣ въ селеніи Аджалыкъ почтовая станція. Можно бы спокойно ночевать тутъ, въ хорошенькой комнатѣ, и мнѣ тотчасъ подали свѣжаго молока, котораго, между Кіевомъ и Одессою, нельзя было достать ни за какія деньги.

Какъ ни тяжело мнѣ ѣхать ночью, потому что вовсе не могу спать въ каретѣ, но я рѣшилась на это, расчитавъ, что иначе пропадутъ цѣлые сутки; особенно не хотѣлось мнѣ остаться безъ обѣдни въ воскресенье и празд-

никъ Казанской Божіей Матери. Пусть смѣются надо мною философы, все приписывающіе собственной мудрости, или оплошности, я не утаю сердечныхъ чувствъ моихъ. Въ 1837 году проѣзжала я вечеромъ чрезъ городъ Скопинъ, именно наканунѣ сегодняшнаго дня, и какъ ни уговаривали меня въ праздникъ отслушать обѣдню, я безъ особенной нужды поѣхала далѣе, и, чего вѣкъ не бывало, ямщики, сбившись утромъ съ дороги, чуть не опрокинули карету въ оврагъ. Я до смерти перепугалась, и потеряла въ четверо болѣе времени заупрямившись уѣхать отъ обѣдни.—Богу не нужны молитвы наши и никакія наши жертвы; Онъ только, по благости Своей, иногда напоминаетъ намъ, что мы, сами собою, безъ Его помощи, ни въ чемъ не можемъ успѣть.

Мы пріѣхали въ Николаевъ въ шесть часовъ утра, карету отправили на паромѣ, а сами въ катерѣ переѣхали широкій Бугъ. Перевощики одѣты были очень чисто, и всѣ въ толстыхъ соломенныхъ шляпахъ, которыя они сами плетутъ. Лица ихъ не Русскія и не Малороссійскія, но я отъ усталости не могла распрашивать о ихъ происхожденіи, и молча наслаждалась прелестнымъ, истинно праздничнымъ утромъ.

Остановившись у полковника Автомонова, котораго первая жена была двоюродная племянница моя, Львова, я не могла уже заснуть, и мы, напившись чаю и кофею, отправились къ обѣднѣ, въ церковь, называемую купеческою, потому что ее украсили и особенно заботятся о ней купцы. Въ ней хорошо поютъ и много иконъ въ серебряныхъ, вызолоченыхъ окладахъ, предъ которыми четыре богатые подсвѣчника, каждый съ тремя въ рядъ толстыми свѣчами, что очень величественно.

Съ самаго выѣзда нашего изъ Кіева не имѣвъ возможности отслушать обѣдню, я истинно насладилась божественною службою, и, не чувствуя болѣе усталости, прямо изъ церкви поѣхала въ Спасскій садъ, основанный княземъ Потемкинымъ при построеніи города. Давно мы не видали такой густой тѣни и такой свѣжей зелени. Это мѣсто очень замѣчательное въ степномъ краю.—Я здѣсь напилась прекрасной ключевой воды. Она проведена съ горъ пятью трубами въ каменный бассейнъ, откуда семь жолобовъ разливаютъ ее въ разныя стороны. Это устроено отлично хорошо; надъ каждою трубою особый въ землѣ проходъ, выложенный кирпичемъ, чтобы всегда было можно

наблюдать не нужно ли что исправить. Рѣчная вода нехороша въ Николаевѣ и почти всѣ пользуются здѣшнею, кромѣ тѣхъ, у кого свои колодези, которыхъ считается въ городѣ слишкомъ тридцать.

Пріѣхавъ изъ саду, имѣла я удовольствіе познакомиться съ супругою Михайла Петровича Лазарева, главнаго начальника Черноморскаго флота. Это было истиннымъ удовольствіемъ. Родная сестра адмирала, воспитанная со мною въ Смольномъ, была замужемъ за покойнымъ двоюроднымъ братомъ моимъ, П. П. Львовымъ. Въ старину я бы считалась по этому роднею и Лазаревымъ, но и нынче я была ими обласкана какъ родная, и очень жалѣю, что не могла долѣе остаться въ гостепріимномъ Николаевѣ.

По воскресеньямъ лучшее здѣшнее общество обѣдаетъ у Лазаревыхъ, а вечеромъ играютъ морскіе музыканты и поютъ матросы на булеварѣ, на берегу широкаго Ингула, гдѣ тутъ можетъ пройдти стопушечный корабль. Это прекрасное гулянье; мы бы долго тутъ пробыли, но насъ ждали въ обсерваторіи, и мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ на нее взглянуть.—Живучи въ Петербургѣ я не собралась,

и Богъ знаетъ соберусь ли когда съѣздить въ Пулковскую обсерваторію, а дорогою, и въ Кіевѣ, и здѣсь, когда мнѣ было свободно посмотрѣть движеніе свѣтилъ на небѣ, оно какъ нарочно покрывалось тучами. Въ Кіевѣ я совсѣмъ не ѣздила въ обсерваторію, а здѣсь поѣхала, и очень этимъ довольна, по крайней мѣрѣ не сочту сказкой, когда случится при мнѣ разговоръ о часахъ, изобрѣтенныхъ, лѣтъ за тридцать помощникомъ Гринвической обсерваторіи, Англичаниномъ Тейлоромъ, которые бьютъ, когда надъ ними проходитъ звѣзда, или объ астрографѣ, изобрѣтенномъ гораздо позже астрономомъ Штейнгелемъ, помощію котораго легко можно сдѣлать карту неба. Все это объяснялъ намъ профессоръ Кнорре, показывая многіе другіе инструменты, и еслибы я могла пожить здѣсь, послушала бы его уроковъ. Они должны быть чрезвычайно занимательны, и въ круглой комнатѣ, гдѣ онъ читаетъ ихъ, самый слабый голосъ пріятно звучитъ.

Обсерваторія обнесена стѣною, за которою телеграфъ, имѣющій сообщеніе съ Очаковымъ. Изъ нее видѣнъ весь городъ съ его церквами и домами, прелестно оттѣненными

зеленью садовъ и посаженныхъ по улицамъ акацій и раинъ. Онъ занимаетъ большое пространство между Бугомъ и впадающимъ въ него Ингуломъ, которые обтекаютъ его съ трехъ сторонъ, и видя ихъ свѣтлыя, широкія воды, нельзя вообразить, что безъ ключей и колодцевъ здѣсь бы нуждались въ хорошей водѣ. За рѣкою село графа Ламберта, Вайваровка, на завидномъ мѣстѣ: есть чѣмъ оттуда полюбоваться.

Николаевъ основанъ въ 1789 году. Прекрасное мѣсто это принадлежало иностранцу Фабри, вѣроятно тому самому, который во вновъ учрежденномъ Херсонѣ завелъ Австрійскую купеческую контору, и онъ тѣмъ охотнѣе продалъ его въ казну, что во время войны жестоко пострадалъ въ немъ отъ Турковъ. Постройка города поручена была княземъ Потемкинымъ кригсъ-коммисару Фалѣеву, изъ богатыхъ купцовъ, заслужившему любовь и довѣренность князя предпріимчивостью своею и дѣятельностію. Онъ и погребенъ здѣсь въ соборѣ, гдѣ къ сожалѣнію не удалось намъ быть. Съ того времени постепенно развиваясь, Николаевъ теперь въ числѣ лучшихъ и многолюдныхъ

Русскихъ городовъ. Онъ еще бы казался красивѣе и величественнѣе, если бы улицы не были слишкомъ широки. Онъ тѣмъ болѣе отъ этого теряетъ, что почти всѣ дома въ одинъ этажъ.

═

Іюля 9.

Я знала, что Михайло Петровичъ Лазаревъ въ молодости своей долго жилъ въ Англіи, и, признаюсь, воображала что онъ напитанъ иностраннымъ духомъ, и, какъ часто бываетъ, пренебрегаетъ всѣмъ Русскимъ. Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ видѣть совсѣмъ противное. Адмиралъ Лазаревъ истинный Русскій дворянинъ, прямой, чистосердечный. И когда онъ показывалъ намъ адмиралтейство и принадлежащія къ нему заведенія, видя во всемъ порядокъ и совершенство, которые могутъ не вполнѣ оцѣнить, по крайней мѣрѣ понять, не одни знатоки дѣла, но всѣ, у кого есть смыслъ человѣческій, нельзя было сомнѣваться, что адмиралъ за тѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ

Англіи, чтобы заимствовать тамъ все полезное для своего отечества.

Прежде всего были мы въ гидрографическомъ депо, гдѣ до 1836 года были мучныя кладовыя. Чрезвычайно любопытно. Въ одной комнатѣ чертежная, въ другой раскрашиваютъ карты, въ третьей гравируютъ ихъ. Послѣднее гораздо труднѣе, нежели я воображала: чтобы сдѣлать карту въ Ватманскій листъ, два человѣка работаютъ года три, и все сквозь увеличительное стекло, что должно очень портить зрѣніе. Такая карта, по заказу стороннимъ, стоила бы тысячь пять рублей ассигнаціями.— Сравнивая карту Россіи съ картами другихъ государствъ, нельзя не изумляться ея обширности. Какъ все ничтожно передъ нею!—Кажется видишь, какъ она все закрываетъ! Кажется слышишь кто-то говоритъ:—это шестая часть свѣта, которой должно имѣть свои особые законы, свои нравы и обычаи; не кстати великану подражать обыкновеннымъ людямъ, ихъ платье слишкомъ будетъ коротко ему и имъ нельзя идти рука объ руку.

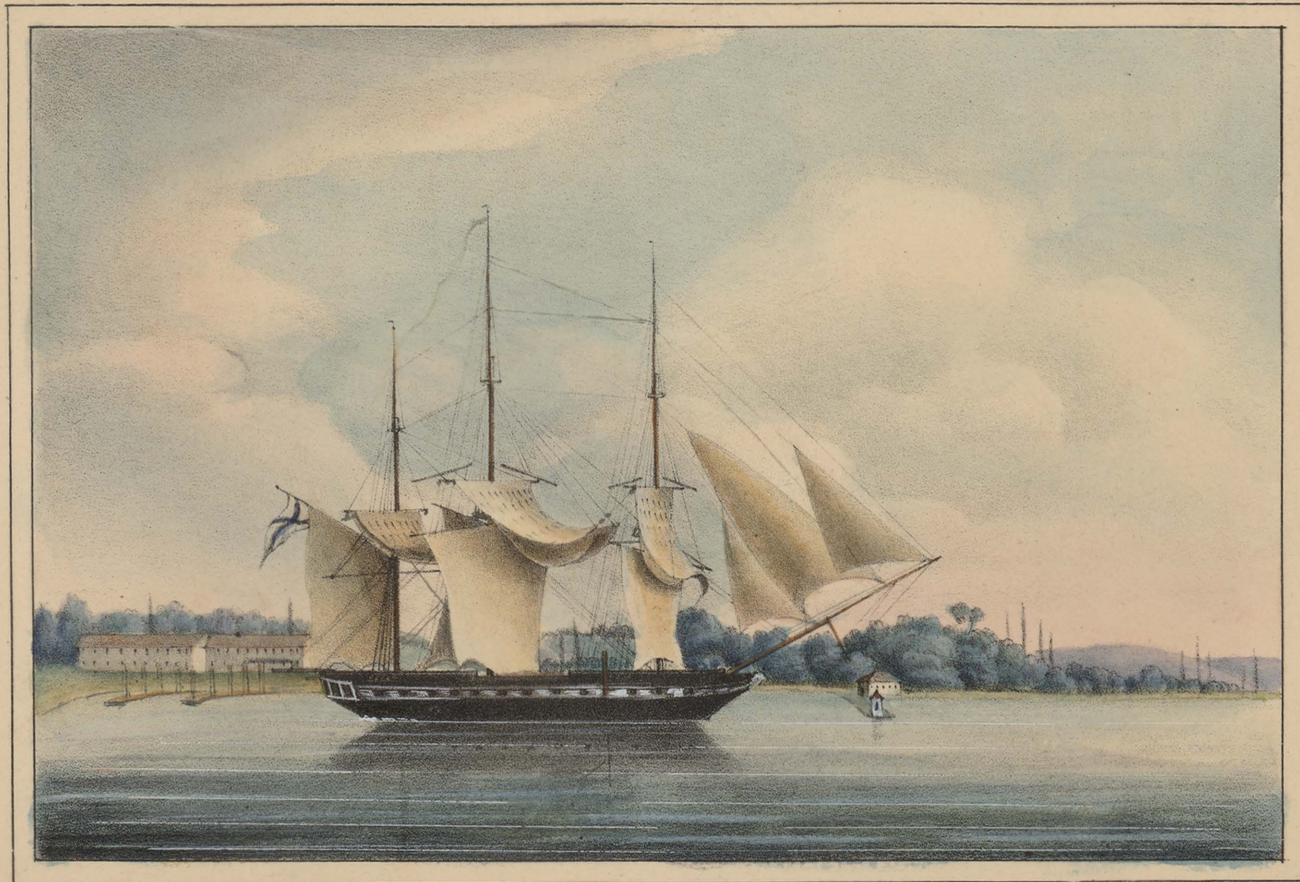
Въ Николаевѣ ясно видно, какія огромныя средства имѣетъ Россія, какъ ей легко во

всемъ успѣвать. Здѣсь все свое, для постройки и отдѣлки кораблей, лѣсъ, желѣзо, мѣдь, пенька. Здѣсь дѣлаютъ и всѣ инструменты, циркули, барометры, даже печатные станки не уступающіе Англинскимъ. Здѣсь и слова льютъ; одинъ человѣкъ въ день на чисто отдѣлываетъ 1200 буквъ, съ небольшимъ въ минуту двѣ буквы: меня это изумляло. — Адмиралъ подарилъ мнѣ маленькій дорожный термометръ, чрезвычайно вѣрный и щегольски отдѣланный. Признаюсь я вовсе не знала, что такія вещи дѣлаютъ у насъ въ Николаевѣ. И какъ, быть можетъ, и многіе этого не знаютъ, считаю обязанностью всѣмъ разсказать объ этомъ, надѣясь, что всѣмъ будетъ пріятно слышать о томъ, что мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть. Вложивъ мнѣ въ альбомъ раскрашенный здѣсь рисунокъ фрегата Флоры, на которомъ Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ имѣлъ плаваніе по Черному морю, Михайло Петровичъ прибавилъ еще къ этому прекраснѣйшую литографію, одного изъ здѣшнихъ художниковъ, съ картины Рафаэловой. Здѣсь разными способами литографируютъ, между прочимъ въ

ФРЕГАТЪ ФЛОРА,
на которомъ имѣлъ плаванiе ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Генералъ Адмиралъ Константинъ Николаевичъ по Черному морю въ 1845 году.

всемъ успѣвать. Здѣсь все свое, для постройки и отдѣлки кораблей, лѣсъ, желѣзо, мѣдь, пенька. Здѣсь дѣлаютъ и всѣ инструменты, циркули, барометры, даже печатные станки не уступающіе Англинскимъ. Здѣсь и слова льютъ; одинъ человѣкъ въ день на чисто отдѣлываетъ 1200 буквъ, съ небольшимъ въ минуту двѣ буквы: меня это изумляло. — Адмиралъ подарилъ мнѣ маленькій дорожный термометръ, чрезвычайно вѣрный и щегольски отдѣланный. Признаюсь я вовсе не знала, что такія вещи дѣлаютъ у насъ въ Николаевѣ. И какъ, быть можетъ, и многіе этого не знаютъ, считаю обязанностью всѣмъ разсказать объ этомъ, надѣясь, что всѣмъ будетъ пріятно слышать о томъ, что мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть. Вклеилъ мнѣ въ альбомъ раскрашенный листъ рисунокъ фрегата Флоры, на которомъ Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ имѣлъ плаваніе по Черному морю, Михайло Петровичъ прибавилъ еще къ этому прекраснѣйшую литографію, одного изъ здѣшнихъ художниковъ, съ картины Рафаэловой. Здѣсь разными способами литографируютъ, между прочимъ въ

ФРЕГАТЪ ФЛОРА,
на которомъ имѣлъ плаванiе ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Генералъ Адмиралъ Константинъ Николаевичъ по Черному морю въ 1845 году.

подобіе гравировки на мѣди; камень плотно покрываютъ черною краскою, и не какою нибудь дорогою, выписною, просто сажею съ вишневымъ клеемъ, и по ней, какъ говорится, нарѣзываютъ, а по моему царапаютъ иглою, задѣвая и камень. Рисунки выходятъ гораздо чище и можно имѣть болѣе оттисковъ.

Все это чрезвычайно занимало меня, но еще много было впереди не менѣе занимательнаго. Модели кораблей и разныхъ судовъ красуются одна передъ другою,—весело смотрѣть на нихъ; размѣръ ихъ уменьшенъ съ фута на дюймъ, и видя ихъ, тотчасъ понятно, какія громады можно сооружать по прекраснымъ образцамъ этимъ.—Нынче строятъ два корабля, одинъ шестидесяти пушечный, другой осьмидесяти четырехъ. Для построенія большихъ кораблей двѣ крышы, и три для прочихъ судовъ; онѣ стоютъ довольно дорого, но построенные подъ ними корабли гораздо долѣе служатъ, вполнѣ вознаграждая за сдѣланныя на крышу издержки.—Въ адмиралтействѣ большой запасъ всего потребнаго для кораблей, отъ якорей до млекихъ гвоздей, отъ огромныхъ мѣдныхъ листьевъ для обшивки корабельнаго дна, до ручекъ къ две-

рямъ. Тутъ и такіе молотки, которыхъ я не могла пошевелить, и обыкновенные, и разной величины пилы, замки, котлы и блоки, и олово, и фонари, и разная посуда, и прекраснѣйшіе стулья изъ Крымскаго чинара, и прочее, и прочее. Для просвѣтовъ въ корабляхъ, изъ одного яруса въ другой, стекла, съ одной стороны гладкія, а съ другой выпуклыя, какъ разрѣзанное яблоко, и такъ крѣпки, что по нимъ таскаютъ пушки.—Но всего любопытнѣе показалась мнѣ парусина, толстая какъ политура; ее рѣжутъ машиною чрезвычайно скоро, и испытываютъ ея прочность, взвѣшивая на ней около тридцати пудъ. При насъ она сдержала безъ малаго сорокъ пудъ.—Паруса шьютъ трехгранными иглами, почти въ четверть длиною, укрѣпляя наперстокъ на ладони, которою втыкаютъ иглы, иначе не достало бы на это силы. — И эту твердую, по видимому вѣковую ткань, въ бурю рветъ вѣтеръ клочками, какъ тонкую бумагу. Невольно преклонишь голову предъ тѣмъ:

«Кого никто постичь не могъ,
«Кто все собою наполняетъ,
«Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
«Кого мы нарицаемъ Богъ!» (а).

(а) Державинъ.

Петербургскіе наши зонтики очень худо защищаютъ отъ здѣшняго солнца, вовсе непохожаго на Петербургское. Чтобы сколько нибудь отъ него укрыться, должно было бы ходить здѣсь съ зонтами отъ дождя. Сшитое въ Одессѣ синее мое платье, изъ шерстяной кисеи, въ одно утро, только на переходахъ по улицамъ, такъ полиняло, какъ будто его стирали въ щелоку. И въ горницахъ, особенно въ верхнихъ, ужасно жарко подъ желѣзными крышами, которыя на солнцѣ раскаляются почти какъ въ огнѣ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ хорошо крыть черепицею, гонтомъ или тесомъ, или хотя картономъ, о которомъ увѣряютъ, что онъ прочнѣе теса.

Послѣ тяжелаго зноя особенно было пріятно прокатиться на катерѣ, и мы, освѣжась этимъ, вполнѣ могли любоваться Царскимъ пароходомъ, Громоносецъ, устроеннымъ и убраннымъ, какъ только можно убрать кабинетъ богатой щеголихи. Я тутъ видѣла прекрасную мебель изъ Американскаго дерева, похожаго на желтый мраморъ. Оно растетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и называется птичій глазъ.

Посмотрѣвъ на часы я изумилась, что уже четыре часа, вовсе не видавъ, какъ прошли цѣ-

лые шесть часовъ, хотя почти все время была на ногахъ.—Благодаря адмирала, я извинялась, что онъ для насъ будетъ такъ поздно обѣдать, обыкновенно садясь за столъ въ два часа. — Онъ отвѣчалъ съ веселымъ видомъ, что и самъ забылъ объ обѣдѣ, и мы вмѣстѣ отправились въ домъ его, гдѣ и наканунѣ пріятно провели большую часть дня.

Проливной дождь, благодать Божія для здѣшняго края, не позволилъ намъ тотчасъ послѣ обѣда посмотрѣть здѣшнее училище для матросскихъ дочерей, и мы уже по дорогѣ въ Херсонъ заѣзжали въ него съ любезною Екатериною Тимофеевной Лазаревой, гдѣ съ нею и простились.—Домъ каменный, въ готическомъ вкусѣ, при немъ хорошенькій садикъ; внутри вся столярная работа изъ ясени. Прекрасное заведеніе, тѣмъ болѣе замѣчательное, что оно обстроено трудами воспитанницъ. Ихъ учатъ закону Божію, читать, писать, и рукодѣлью.—И бѣдные дворяне были бы счастливы, воспитывая дочерей своихъ въ подобномъ заведеніи.

IV.

ХЕРСОНЪ, СОБОРЪ СВЯТЫЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, ПАМЯТНИКИ ВЪ КРѢПОСТИ, УЧИЛИЩЕ ТОРГОВАГО МОРЕПЛАВАНІЯ, ПАМЯТНИКЪ ГОВАРДУ, КАНАТНЫЙ ЗАВОДЪ.

Іюля 9.

Чудна и печальна судьба Херсона! — Какъ внезапно предсталъ онъ среди степей богатымъ и веселымъ городомъ, такъ было непрочно его величіе! — Вѣроятно было бы иначе, если бы онъ выстроенъ былъ не здѣсь, въ тридцати верстахъ отъ устья Днѣпра, а на самомъ широ-

комъ его устьѣ, при Глубокой пристани, гдѣ первоначально основаны были гавань и верфь, по предложенію опытнаго адмирала Сенявина. — Но, какъ тому много примѣровъ, князь Потемкинъ, желая быть единственнымъ творцемъ города, назначаемаго складомъ всѣхъ товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы, и отпускаемыхъ изъ Россіи по Черному морю, построилъ его здѣсь, далѣе отъ моря, на мѣстѣ, откуда можно отправлять только на камеляхъ невооруженные корабли, и гдѣ воздухь очень нездоровъ отъ стоячей, по низкимъ мѣстамъ, воды изъ разливовъ Днѣпра. — По справедливости знаменитый, но слишкомъ тщеславный князь Потемкинъ надѣялся все побѣдить силою ума своего и воли. Дѣйствительно, онъ всѣхъ изумилъ быстрыми успѣхами новаго города; сама Императрица вполнѣ одобрила сдѣланный имъ выборъ, увидя, что въ самое короткое время на верфи Херсонской построены огромные корабли, и всюду въ него стекаются Русскіе и иностранные промышленики. — Князь выпросилъ у Государыни многія преимущества и пособія Херсону, о которомъ онъ особенно заботился, но опустошившая его, при началѣ его существованія, въ 1784 году, чума, какъ будто предвѣстила,

что своенравно выбранное подъ него мѣсто не упрочитъ ему благоденствіе. По мѣрѣ развитія торговли въ Одессѣ, положеніе которой несравненно превосходнѣе, упадалъ Херсонъ, и онъ рѣшительно опустѣлъ, когда въ 1827 году нашли нужнымъ перевести изъ него адмиралтейство въ Николаевъ.

Крѣпость Херсонская, важная до присоединенія Тавриды, послѣ того сдѣлавшись совершенно безполезною, также уничтожена въ 1835 году. Она обнесена землянымъ валомъ, и внутри церковь святыя великомученицы Екатерины, освященная въ 1786 году. Надъ входомъ въ нее, во время пребыванія Импеартрицы, сдѣлана бронзовая надпись. «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.»—Величественная внутренность храма напомнила мнѣ прекрасный въ Кіевѣ Латинскій костелъ. Въ срединѣ большой куполъ на четырехъ столбахъ, и отъ него во всѣ стороны по три арки. Престолъ одинъ. Иконостасъ въ два яруса. Въ нижнемъ Спаситель и Божія Матерь, Архангелъ Гавріилъ, Іоаннъ Богословъ, Андрей Первозванный, Великомученица Екатерина, и Святые Князья Владиміръ Равноапостольный и Александръ Невскій, прекрасно написаны, какъ

сказываютъ, слугою князя Потемкина, учившимся въ Италіи. Прочіе образа должны быть другой кисти. За престоломъ Богъ Саваоѳъ также работы очень хорошей, какъ и на лѣвомъ столбѣ въ самой церкви Пресвятая Дѣва. Всѣ ея черты, неземной красоты, дышутъ любовью и вѣрою, но младенецъ Спаситель и тутъ, и въ иконостасѣ только свѣжее, пригожее дитя.—Предъ Царскими дверьми, вмѣсто паникадила, виситъ серебряный, вызолоченый Ангелъ, на обѣ стороны отдѣланный одинаково; въ правой рукѣ у него подсвѣчникъ съ тремя свѣчами, а въ лѣвой съ двумя, какъ трикиріи, которыми осѣняютъ архіереи. Это вообще употребительно въ здѣшнемъ краю, но только въ здѣшнемъ соборѣ видѣла я, въ память Голгоѳы, большой черный крестъ съ терновымъ вѣнцемъ, копьемъ и лѣстницею, на деревянной горкѣ съ мертвою головою и костями. Его ставятъ, въ Страстную пятницу, противъ плащаницы, между двумя большими вазами, въ которыхъ курится ладонъ. Не знаю начала этого обычая, но онъ соотвѣтствуетъ печальному торжеству, и долженъ питать въ сердцахъ умиленіе.—Екатерина прислала въ соборъ золотый крестъ, съ жемчугомъ и драгоцѣнными кам-

нями, сдѣланный Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ дворцовую Кремлевскую церковь Спаса Нерукотвореннаго, и Евангеліе, данное Петромъ Первымъ въ ту же церковь, по братѣ Его Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и супругѣ Его Марѳѣ Матвѣевнѣ.—Еще показываютъ Евангеліе Запорожца Андрея Кичкена, 1748 года, съ отличною подписью уставомъ.—Странно, что здѣсь нѣтъ никакого вклада князя Потемкина.—Какъ онъ, при извѣстной его набожности, и особенно любивъ здѣшній городъ, не вздумалъ, въ память потомству, снабдить храмъ этотъ богатою утварью! Удивительно, что и родственники его объ этомъ не позаботились, похоронивъ его здѣсь. Онъ лежитъ въ склепѣ подъ церковью, и прежде тамъ горѣла при гробѣ лампада, но уже давно задѣланъ туда ходъ, и только указываютъ мѣсто, у праваго столба, подъ которымъ уединенно покоится великолѣпный князь Таврическій.

По правую сторону собора, обнесеннаго круглою оградою, памятникъ Принцу Александру Виртембергскому, умершему въ Галацѣ. Надъ нимъ корона и гербъ Виртембергскій съ надписью: «Праху во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ скончавшагося героя.»—Около и на

другой сторонѣ собора нѣсколько каменныхъ, уже обветшалыхъ гробницъ, въ которыхъ по большой части погребены перевезенные сюда княземъ Потемкинымъ генералы и полковники, убитые при взятіи Очакова. Это дѣлаетъ ему честь, и въ послѣдствіе и ему сооруженъ здѣсь памятникъ въ городскомъ саду.—Онъ заслужилъ это: конечно, онъ ошибался, поступки его бывали и странны и обидны, но онъ горячо любилъ Россію и ревностно старался ее возвысить.

Училище торговаго мореплаванія оченъ полезное заведеніе, въ немъ учатъ и рисовать. Домъ небольшой, библіотека небогатая: тѣмъ лестнѣе мнѣ было увидѣть въ ней моего Князя Скопина - Шуйскаго. — Въ саду, посаженное Императрицею Екатериною абрикосовое дерево изумляетъ своей огромностью. Оно все осыпано плодами, которыми радушно подчивалъ насъ инспекторъ, но еще мало было зрѣлыхъ, и они вообще очень мелки, потому что дерево не бывало привито. Оно отъ самой земли тройчатое; быть можетъ Императрица, для вѣрнѣйшаго успѣха, положила рядомъ три зерна. Прошлою зимою одну вѣтвь сломило гололедицею и съ тѣхъ поръ всѣ онѣ подвязаны канатами. Около

дерева чугунная рѣшетка съ мѣдною доскою, на которой вензель Екатерины и надписи:

«Все насажденное Тобой
«Для насъ хранить есть долгъ святой»,

и ниже. «Великая Императрица Всероссійская «Екатерина II соизволила вседержавною десни-«цею своею посадить абрикосъ сей въ Херсон-«скомъ Адмиралтействѣ 1787 года, Мая 12 дня.»

Трогательно видѣть это дерево и надписи, усердно хранимыя въ уныломъ Херсонѣ. Въ немъ и теперь жителей обоего пола около тридцати тысячъ, но, не знавъ этого прежде, не угадаешь такого населенія: по улицамъ не видать народа, одни дома обветшали, другіе разваливаются: ни одинъ изъ самыхъ малолюдныхъ губернскихъ городовъ не имѣетъ такой грустной наружности. Въѣздъ, со стороны Николаева, мимо кладбища, и тутъ же множество простыхъ вѣтреныхъ мельницъ, какъ въ селѣ, не имѣющемъ средствъ завести водяныя.

Въ 1833 году, Государь Императоръ изволилъ пожаловать полтораста тысячь въ пособіе хозяевамъ, строющимъ въ Херсонѣ купеческія суда, и въ поощреніе мореплаванія и торговли дарованы многія льготы всѣмъ Русскимъ подданнымъ, владѣющимъ

судами. Но эти милости возбудили только признательность, а не дѣятельность. Всего на все купцовъ здѣсь восьемдесятъ девять (а), на половину Евреевъ: между ними нѣтъ ни одного первой гильдіи, и только пятеро второй.

Близь кладбищенской церкви, надъ могилою Англичанина Говарда, извѣстнаго его человѣколюбіемъ, высокая пирамида изъ бѣлаго камня съ его бюстомъ, вокругъ котораго надпись изъ Святаго Евангелія: «Болѣнъ «бѣхъ и посѣтисте мя, въ темницѣ бѣхъ и «пріидосте ко мнѣ,» въ низу: «Говардъ скончался 20 Января 1790 года на шестьдесятъ пятомъ году отъ рожденія.» Кругомъ въ три ряда ступени, въ нѣкоторомъ разстояніи акаціи, все вокругъ обнесено стѣною.

Климатъ здѣсь очень жаркій и хлѣбъ не слишкомъ хорошо родится: гораздо выгоднѣе имѣть сады. Возлѣ выше описаннаго абрикосоваго дерева, въ одно съ нимъ время, только неизвѣстно кѣмъ посаженное грушевое дерево, также огромно, и также осыпано плодами: судя по нимъ нельзя сомнѣваться, какъ было бы полезно здѣсь завести большія посадки деревьевъ по примѣру Воз-

(а) Новороссійскій календарь на 1845 годъ.

несенска. Въ саду училища еще плѣнилъ меня альпійскій айлаптусъ, просто называемый оленій рогъ. Его разводятъ и сѣменами, и отъ корня; онъ растетъ очень скоро, листъ похожъ на акацію, но гораздо крупнѣе, цвѣты бѣлые, висятъ кистями, потомъ зеленѣютъ. — Садъ этотъ поливаютъ изъ обширнаго, особенно хорошо устроеннаго колодца. Онъ выкопанъ въ 1839 году глубиною въ десять сажень съ половиною, и одна лошадь вертитъ въ немъ колесо, на которомъ укрѣплено слишкомъ шестьдесятъ бадей. Каждая изъ нихъ, поднявшись въ верхъ, выливаетъ зачерпнутую ею воду въ большое корыто, и она изъ него течетъ по жолобамъ куда нужно. Бадьи эти, для прочности, мажутъ смолою, отъ которой, въ жаръ, сильный дегтярный духъ, но утромъ и вечеромъ вода чиста, и люди могутъ употреблять ее.

Намъ предложили еще посмотрѣть принадлежащій морскому вѣдомству канатный заводъ. Я подумала, что это будетъ для насъ совсѣмъ лишнимъ, и только изъ вѣжливости не отказалась отъ сдѣланнаго предложенія, за что и была награждена. Одно отдѣленіе, гдѣ вьютъ канаты, шириною двѣнадцать саженъ,

а длиною двѣсти сорокъ, безъ малаго полверсты, заслуживаетъ особенное вниманіе. Я невольно остановилась въ дверяхъ, не видя противоположной стѣны, не понимая, какъ можетъ держаться кровля на такомъ пространствѣ; но зданіе, хотя деревянное, очень прочно, и никто въ немъ не помышляетъ объ опасности. Въ низу о четырехъ лошадяхъ машина, отъ которой въ верху огромное колесо вертитъ одинъ человѣкъ, а двѣнадцать прядутъ пеньку руками, обвертывая ихъ толстымъ сукномъ, чтобы не попадала кострига.—Въ другомъ отдѣленіи, на полу, два отверстія: въ одно бросаютъ пряжу въ огромный котелъ съ кипящею смолою, въ другое она поднимается на машину, которая въ мигъ до суха выжимаетъ ее.—Я закричала отъ ужаса, увидѣвъ, что одинъ работникъ по локоть опустилъ руку въ смолу; я была увѣрена, что она у него отвалится, но онъ смѣясь показалъ, что она невредима, и прибавилъ, что хотѣлъ позабавить насъ, что кипящая смола какъ парное молоко, но когда она только закипаетъ, или начнетъ простывать, то уже нельзя съ нею шутить.—Признаюсь, не знаю, какъ объяснить это, хотя въ старые годы и училась въ Смольномъ физикѣ. Только мнѣ теперь

понятнѣе, что не одно проворство рукъ заставляетъ насъ дивиться Боско, Андерсону и другимъ подобнымъ чародѣямъ, а и знаніе ихъ разныхъ таинствъ природы и наукъ.

Мы обѣдали у супруги здѣшнаго губернатора Е. Н. Рославецъ, дочери храбраго генерала Панкратьева. Она ѣдетъ на дняхъ въ Таганрогъ погостить у родной сестры своей, которая замужемъ за тамошнимъ градоначальникомъ, княземъ А. К. Ливеномъ. — Мнѣ было очень пріятно, чрезъ осмьнадцать лѣтъ, возобновить здѣсь знакомство съ роднымъ внукомъ статсъ-дамы, княгини Шарлотты Карловны Ливенъ, воспитавшей Великихъ Княженъ Александру, Елену, Марію, Екатерину и Анну, дщерей Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она вполнѣ оправдала оказанную ей высокую довѣренность, стараясь развить природныя добродѣтели и дарованія своихъ Царственныхъ питомицъ, и, какъ-будто въ награду за это, достигнувъ глубокой старости, постоянно пользовалась особенною благосклонностью всего Императорскаго семейства, и всѣ ея приближенные искренно почитали ее. — Когда, послѣ отъѣзда Великой Княгини Екатерины Павловны со вторымъ супругомъ Ея

въ Стутгардъ, бывъ пожалована фрейлиною Государынѣ Императрицѣ, я стала жить въ Зимнемъ Дворцѣ, княгиня Ливенъ, бывшая тогда графинею, поручила мнѣ писать за нее Русскія и Французскія письма, которыя она только подписывала. Я по этому обыкновенно проводила у нее утро, а иногда и вечеръ, видѣла высшее общество, слышала много замѣчательнаго, и притомъ отвѣчала на всѣ письма кромѣ родственныхъ. — Сначала это затрудняло меня по незнанію моему, какъ расположена княгиня къ тѣмъ, отъ кого получала она разнаго содержанія письма. Мало по малу я стала понимать это и такое занятіе день ото дня становилось мнѣ пріятнѣе.— Княгиня всегда принимала меня съ материнскою ласкою, когда я возвращалась отъ моихъ родителей, съ которыми въ послѣдніе годы жизни ихъ обыкновенно проводила лѣто. Однажды, не выходивъ по нездоровью изъ своей спальни, оставшись одна со мною, она сказала, чтобы я ближе къ ней сѣла, и, чего прежде не бывало, крѣпко прижала меня къ своей груди, увѣряя, что всегда меня любила. Чрезъ нѣсколько дней узнала я, что это было послѣднимъ ея со мною прощаньемъ. Кон-

чина ея очень меня огорчила; я долго не могла привыкнуть заниматься по утрамъ дома, наконецъ отъ скуки начала писать первый историческій романъ мой, Князя Скопина-Шуйскаго. По всему этому можно представить, какъ была мнѣ пріятна встрѣча съ княземъ Ливеномъ, котораго я видала у почтеннѣйшей его бабки. Мы не могли о ней наговориться; все прошлое ожило въ нашей памяти. — Случай этотъ живо вспомнить время, когда я была молода и здорова, считаю я счастливымъ предзнаменованіемъ по дорогѣ въ Тавриду, куда я ѣду искать не молодости, которая невозвратно проходитъ, о чемъ и жалѣть не должно, зная мудрую цѣль Создателя, но здоровья, съ которымъ и въ старости можно вполнѣ наслаждаться жизнью!

V.

АЛЕШКИ, ПЕРЕКОПЬ, СИМФЕРОПОЛЬ.

Іюля 11.

Мнѣ совѣтовали въ Одессѣ ѣхать изъ Херсона въ Крымъ, не большою дорогою на Береславль, а водою прямо въ Алешки, увѣряя, что это будетъ гораздо пріятнѣе и много сократитъ дорогу, къ чему прибавила умная, пріѣзжая дама, что этимъ путемъ, по Днѣпру, ѣзжали

въ Кіевъ Печенѣги. Мы только что воротились тогда съ дачи Рено, и я, восхищенная прогулкою по необработанному, но живописному морскому берегу, услышавъ о Кіевѣ, обрадовалась случаю прокатиться по рѣкѣ, въ которой крестился народъ Кіевскій.—Въ Херсонѣ не удивились, что мнѣ хочется ѣхать въ Алешки, потому что тутъ дѣйствительно ближе тридцатью верстами; но какъ же я сама удивилась, когда, сѣвъ въ лодку, узнала, что мы поѣдемъ не славнымъ издревле Днѣпромъ, а вовсе неизвѣстною рѣчкою Конкою, впадающею въ Днѣпръ. Невозможно было перемѣнить это, давно отправивъ впередъ карету, и не на кого было пенять, кромѣ себя самой, что, худо зная географію, не позаботилась обо всемъ этомъ разспросить въ Херсонѣ; но я такъ плѣнилась поэтическимъ разсказомъ любезной Н. Ѳ. Н., что даже совершенно забыла о грабежахъ и разбояхъ Печенѣговъ, помня только, что съ ними старались дружиться и Русскіе Князья и Греческіе Императоры.

Нѣсколько минутъ сидѣла я повѣся голову, стыдясь своей ошибки; наконецъ мой маленькій Кашташа своими ласками разогналъ хандру мою, и я изумилась, увидя на высотѣ, окружен-

ный водами большой, прекрасный городъ. Я спросила, какой это городъ, зная, что Алешки должны быть гораздо далѣе, и съ трудомъ повѣрила, что это тотъ самый Херсонъ, гдѣ мы видѣли такъ много развалинъ. Но развалины скрылись за возвышавшимися однѣ надъ другими церквами и садами, и на главахъ первыхъ играло заходящее солнце, освѣщая живописную картину. Я помирилась съ бѣдною Конкою, показавшеюся мнѣ въ началѣ большою лужею. Она точно непохожа на рѣку, а какъ будто между болотами озеро, гдѣ вода стоитъ наравнѣ съ берегами, по которымъ растетъ камышъ, употребляемый здѣсь вмѣсто дровъ.

Херсонъ видѣнъ до самыхъ Алешекъ, но издали онъ уже кажется не дѣйствительнымъ городомъ, а какъ-будто смутнымъ видѣніемъ, напоминающимъ что-то великолѣпное. — Это походитъ на судьбу Херсона, любимой игрушки любимца счастія, князя Потемкина, напоминая его собственную судьбу, какъ онъ послѣ дивныхъ его праздниковъ, прогремѣвшихъ въ Европѣ, окончилъ жизнь завернувшись въ свой плащъ среди степей.

У насъ правилъ рулемъ отставный матросъ, а пятеро гребцовъ были съ торговыхъ судовъ;

у всѣхъ были умныя лица, и они были одѣты очень чисто. Мнѣ понравились ихъ черныя лакированныя шляпы; ихъ дѣлаютъ Жиды изъ бумаги и продаютъ по шестидесяти копѣекъ серебромъ; онѣ очень легки, и каждая можетъ служить два года.

Мы проѣхали отъ Херсона до Алешекъ, двѣнадцать верстъ, полтора часа. — Алешки, маленькій уѣздный городъ Таврической губерніи, гораздо живѣе Херсона. Подъѣзжая къ нему встрѣтили мы судно, на которомъ каталась толпа женщинъ, занимающихся мытьемъ шерсти со значительныхъ овчарныхъ заводовъ въ здѣшнемъ уѣздѣ. Онѣ казались въ самомъ веселомъ расположеніи, но едва ли бы кого развеселили пѣсни ихъ, больше похожія на рѣзкій визгъ. Странно, что простыя женщины почти всегда и вездѣ такъ визжатъ, какъ будто нарочно портя голоса свои. — Не такъ пѣли на берегу артиллеристы, поившіе лошадей. Они пѣли, какъ мы привыкли слышать хорошія Русскія пѣсни, съ тою звучностью, которая раздается въ сердцѣ, съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое тотчасъ пробуждаетъ мысль о всѣхъ прежде бывшихъ радостяхъ и печаляхъ. Имъ вторили выстрѣлы ихъ товарищей, учив-

шихся въ нѣкоторомъ разстояніи. Давно не видали мы такой дѣятельности, такой веселой суетливости. Мы насилу пробрались между множествомъ лодокъ, и потомъ между толпами народа.

Увидя насъ стали запрягать лошадей въ ожидавшую насъ карету, а мы пошли между тѣмъ въ ближайшій, опрятный домикъ. Хозяева, мѣщане, уѣхали вь Херсонъ; насъ приняла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, и я все время съ нею проговорила, дивясь ея остротѣ и вѣжливости. Уменъ Русскій народъ, и гдѣ, какъ говорится, просторъ уму его, творитъ чудеса!

Не знаю, какова большая дорога на Берeславль, но за Алешками первая станція такъ песчана, что гораздо лучше проѣхать лишнія тридцать верстъ по хорошей дорогѣ. Такихъ песковъ я еще не видала, по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ ночью. Мѣсяцъ, изрѣдка проглядывая сквозь густыя тучи, какъ будто нехотя освѣщалъ однѣ бѣлыя, песчаныя степи, пересѣкаемыя такими же холмами. Ямщики уныло перекликались, выискивая мѣсто гдѣ бы не такъ глубоко вязла карета, и можно было чувствовать, съ какимъ напряженіемъ бѣдныя лошади, впрочемъ очень добрыя, тащили насъ впередъ. Это была тяжелая ночь; въ добавокъ

негдѣ было на станціяхъ остановиться; мы принуждены были ѣхать, не отдыхая, слишкомъ сто верстъ, и я такъ утомилась, что не могла сойдти съ мѣста въ Перекопи, гдѣ намъ отдали въ распоряженіе цѣлый покойный домъ, и подали хорошій обѣдъ. Если не ошибаюсь, путешественники обязаны этимъ управляющему здѣшними соляными промыслами, господину Озерецковскому, при которомъ вообще началъ процвѣтать городъ. Жаль, что онъ въ отсутствіи; отъ него можно было бы узнать много любопытнаго: теперь я какъ-будто не бывала въ Перекопи.

Въ трехъ верстахъ отъ Перекопи, въ Армянскомъ базарѣ, вышла я изъ кареты взглянуть на гостиный дворъ, гдѣ торгуютъ по большой части Армяне и Евреи. У одного изъ первыхъ купили мы оченъ дешево прекрасной помады, Московскаго фабриканта Самохотова, и намъ дали для рѣдкости краски, которою Татары красятъ волосы и ногти. Она гороховаго цвѣта, но краснѣетъ въ водѣ; женщины вседневно употребляютъ ее, не потому только, что воображаютъ скорѣе этимъ понравиться, но по какому-то преданію, почитая это дѣломъ богоугоднымъ.

Отъ Перекопи до Симферополя, сто тридцать три версты, мы очень скоро проѣхали; ямщики всѣ Русскіе, молодцы, и лошади славныя. Но по дорогѣ не на что засмотрѣться: однѣ и тѣ же степи; однако и въ однообразныхъ степяхъ этихъ пріятенъ воздухъ Тавриды, пріятна и мысль, что мы достигаемъ самой дальней цѣли нашего путешествія, что мы уже въ странѣ, издревле знаменитой, которою равно стремились обладать и народы образованные, и хищные дикари; что чрезъ нѣсколько часовъ увидимъ мы вѣковыя красы дивной природы, многихъ плѣнявшей болѣе всего, что можно увидѣть въ Греціи и Италіи.

Спокойно, быстро, совершенно безопасно ѣхали мы по Крыму, котораго одно имя нѣкогда страшило Русскихъ, гдѣ, съ небольшимъ за шестьдесятъ лѣтъ, жили злобные враги нашего отечества, откуда вырывались свирѣпыя толпы опустошать Россію.—Силы мои оживали, и я стала жалѣть, что ничего не видала въ Перекопѣ, этомъ нѣкогда крѣпкомъ городѣ, защищавшемъ входъ въ Крымъ, между морями Чернымъ и Сивашемъ, на семиверстномъ перешейкѣ, укрѣпленномъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ съ каменными башнями. Онъ

неоднажды взятъ былъ Русскими. Когда его бралъ, въ 1736 году, фельдмаршалъ Минихъ, находившiйся при немъ издатель извѣстныхъ записокъ, Манштейнъ, бывшiй тогда капитаномъ Санктпетербургскаго гренадерскаго полка (а), разсказываетъ, что ровъ былъ двѣнадцати шириною и семи сажень глубиною, а возвышавшiйся надъ нимъ валъ въ семьдесятъ футъ, и что сначала солдаты наши, смущенные сильною непрiятельскою стрѣльбою, отчаявались преодолѣть столько трудностей, но потомъ, спустясь въ ровъ, въ которомъ по счастiю не было воды, смѣло полѣзли изъ него на противную сторону, по пикамъ и штыкамъ. Устрашенные этимъ Татары тотчасъ разсѣялись, и городъ не замедлилъ сдаться.—Выходя изъ него, чрезъ три мѣсяца, графъ Минихъ взорвалъ крѣпость, срывъ мѣстами и линiю, то есть валъ и башни по перешейку. Татары поспѣшили это исправить, но въ 1771 году, князь Долгорукiй, взявъ Перекопь, снова разрушилъ его укрѣпленiя, которыя Россiи уже не нужно возобновлять.

О нынѣшнемъ Перекопѣ пишутъ очень раз-

(а) Записки историческiя, политическiя и военныя о Россiи. Часть 11.

лично. Одни говорятъ, что въ немъ нѣтъ ничего достойнаго примѣчанія; по увѣренію другихъ, крѣпость его еще недавно была въ хорошемъ состояніи.—Разсказывая то, что я видѣла, и какъ оно казалось мнѣ, я не стану обсуживать чужія повѣствованія и повторять, что было уже многими сказано, о происхожденіи, нравахъ и обычаяхъ Тавровъ, Готѳовъ, Козаровъ и другихъ народовъ, одинъ за другимъ владѣвшихъ Тавридою. Это совсѣмъ не мое дѣло, и безтолково исполнивъ его, я бы только заставила зѣвать читателей, которымъ давно объявила, что я сама чувствую, какъ мои очерки слабы и недостаточны.

═

Іюля 12.

Мы пріѣхали въ Симферополь къ ночи, и, въ хорошо освѣщенной гостинницѣ, нашли покойныя комнаты, гдѣ намъ тотчасъ подали чай и плоды. — Проспавъ нѣсколько часовъ, я встала утромъ съ пріятною мыслью, что увижу городъ, который, по Татарскимъ преданіямъ, слишкомъ за триста лѣтъ основалъ нѣкто Ибрагимъ-Бей, на землѣ, подаренной ему Ха-

номъ за побѣду, одержанную надъ Русскими, и гдѣ теперь владычествуетъ Россія, заботясь о благѣ покоренныхъ ею Татаръ.

Мѣстоположеніе Симферополя, на берегу Салгира, очень красиво, но самъ Салгиръ не всегда достоинъ своего громкаго, поэтическаго имени. Мы его видѣли смиреннымъ ручейкомъ, тихо пробиравшимся среди раскинутыхъ широко камней, которые онъ, когда случится буря, съ шумомъ и ревомъ ворочаетъ, затопляя берега. При насъ ходили чрезъ него куры, и мы сами могли бы легко перейдти его, только камни слишкомъ остроугольны, и трудно ступать по нимъ въ тонкихъ башмакахъ.

Разведенный на берегу городской садъ со временемъ будетъ очень пріятенъ. Теперь въ немъ еще мало тѣни, но виды прелестные; съ одной стороны густые, плодовитые сады, съ другой городъ съ красивыми, новыми домами; вдали горы: — по нимъ, играло солнце, и онѣ то ярко были освѣщены имъ, то темнѣли въ тѣни. — Надъ всѣмъ этимъ, за двадцать верстъ, поднимался исполинъ здѣшнихъ мѣстъ, пресловутый Чатыръ-Дагъ, или Палатъ-гора, такъ названная по ея широкой, плоской вершинѣ,

издали казавшейся совсѣмъ лиловою. Чудныя картины: и сердцу и глазамъ пріятно смотрѣть на нихъ!

Вообще Симферополь имѣетъ веселую наружность: особенно, долго ѣхавъ степями, отрадно смотрѣть на него; все подаетъ въ немъ надежду, что онъ быстро процвѣтетъ.—Соборъ, во имя благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, основанъ покойнымъ Императоромъ, и постройка его стоила двѣсти пятьдесятъ тысячь. Жаль, что стѣны внутри красныя: онъ отъ этого много теряетъ.

Противъ собора, на площади, прекрасный памятникъ князю Василью Михайловичу Долгорукову-Крымскому воздвигнутъ его внукомъ княземъ Долгоруковымъ. Бюстъ изъ бѣлаго мрамора на пьедесталѣ изъ Крымскаго порфира, похожаго на гранитъ, съ барельефами, изображающими подвиги князя.

Передѣлки въ странноприимномъ домѣ Бѣлозерова-Таранова не позволили намъ быть въ немъ; снаружи зданіе прекрасное, и очень хвалятъ его внутреннее устройство.—Намъ могли показать только, при городской больницѣ, непышное, но благодѣтельное заведеніе для дѣтей, которыхъ отцы сосланы въ

Сибирь. Мальчиковъ по девятому году отсылаютъ въ кантонисты, а дѣвочекъ стараются пристроить къ мѣсту, оставляя ихъ въ училищѣ до совершеннаго возраста.

Полагаютъ, что близь Симферополя, надъ Русскою деревнею Петровское, гдѣ живутъ потомки поселенныхъ здѣсь княземъ Потемкинымъ солдатъ, былъ на горѣ древній городъ Неаполисъ, въ развалинахъ котораго находятъ монеты. Мы проѣхали мимо въ Салгирку, дачу съ хорошимъ домомъ и большимъ тѣнистымъ садомъ, купленную княземъ Воронцовымъ у Н. Ѳ. Нарышкиной, урожденной графини Ростопчиной. Городскіе жители свободно пользуются этимъ гуляньемъ. Возвращаясь оттуда мы заходили въ мастерскую, гдѣ дѣлаютъ изъ Крымскаго мрамора памятники и разныя вещи. Отдѣлка очень чистая, но въ лавкахъ все продается гораздо дешевле: мнѣ предлагали тамъ за десять рублей серебромъ довольно большую, прекрасную вазу, которая въ Петербургѣ стоила бы втрое дороже. Пріятно было бы пріобрѣсти ее, но должно было отъ этого отказаться по невозможности взять ее съ собою.

Симферополь, названный основателемъ его

Акмечеть, или бѣлая мечеть, былъ у Татаръ второю столицею. Въ немъ живали намѣстники Ханскіе, Калга-Султаны, часто назначаемые Ханами изъ ближнихъ ихъ родственниковъ, и которые по кончинѣ Хана, до избранія другаго, управляли государствомъ.

Воздухъ здѣсь очень здоровый; прежде читавъ объ этомъ, я совершенно въ этомъ увѣрилась, познакомившись съ А. С. Ершовой, выпущенной изъ Смольнаго гораздо прежде меня. Посмотрѣвъ на насъ обѣихъ, всѣ скажутъ, что я старѣе десятью годами. Она уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Симферополѣ, и купивъ здѣсь домъ, пріятно проводитъ время между богомольемъ и угощеніемъ путешественниковъ.

Бакчисарай отсюда въ тридцати верстахъ, и намъ бы слѣдовало прямо туда ѣхать, но, какъ уже съ нами случалось, мы очутились на ночь совсѣмъ не тамъ, гдѣ располагали быть. — Насъ увѣрили, что село Альминское гораздо болѣе достойно вниманія, нежели Бакчисарай. Чудно казалось это увѣреніе, но я не рѣшилась спорить съ туземцемъ, занимающимся розыскомъ здѣшнихъ древностей. Я

вообразила, что мы увидимъ что нибудь особенно любопытное, еще неизвѣстное путешественникамъ, или дивное мѣстоположенiе, или вновь открытыя средства къ обогащенiю всего края, или наконецъ Татарское семейство отъ племени Гиреевъ, сохранившее всѣ привычки и преданiя восточной роскоши. Много мечтала я дорогою о наслажденiяхъ, насъ ожидающихъ, и мы не насладились ничѣмъ, ничего не видали, кромѣ низкаго, очень обыкновеннаго дома, и обширнаго плодовитаго сада, въ которомъ нынѣшнiй годъ не было вовсе яблоковъ, потому что прошлаго года ихъ было такъ много, что деревьямъ нужно было отдохнуть.—Именно за тѣмъ насъ и привезли сюда, чтобы мы посмотрѣли почтенныя эти деревья, которыя въ хорошiй годъ даютъ пятнадцать тысячь рублей и болѣе дохода и подивились близлежащей долинѣ.—Но и въ средней Россiи много доходныхъ садовъ и маленькихъ, зеленыхъ долинъ, и, разсчитавъ прежде всѣ часы, я очень жалѣла, что пропало столько времени, которое мы провели бы въ Бакчисараѣ. Невозможно было ѣхать туда ночью, должно было покориться судьбѣ, или лучше сказать запла-

тить за свое легковѣріе. Мы отказались отъ ужина и, напившись только чаю, спокойно ночевали, за что тѣмъ болѣе благодарны радушно принявшей насъ молодой хозяйкѣ, что она вовсе не ждала незнакомыхъ гостей, и очень грустна была, заботясь о нездоровомъ дитяти.

VI.

БАКЧИСАРАЙ, ДВОРЕЦЪ ХАНСКІЙ. МЕЧЕТИ. КЛАДБИЩЕ. САДЫ. СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ.

Іюля 12.

Покоренная Татарами въ первой половинѣ XIII-го вѣка, ограбленная ими и облитая кровью, знаменитая Таврида скоро лишилась и своего имени. Она названа была Крымомъ по богатому городу Крыму, въ которомъ имѣлъ пребываніе Татарскій Ханъ Ман-

гу (а), положившій основаніе независимости своего владѣнія. Другіе Ханы живали въ Карасубазарѣ, въ Кафѣ и Чуфутъ-Кале, называвшемся Киркоръ. Наконецъ, послѣ взятія Турками Константинополя, признавшій надъ собою господство Порты Менгли-Гирей Ханъ поселился въ Бакчисараѣ, гдѣ жили и его преемники, до самаго присоединенія Крыма къ Россіи.

Въ первую минуту странно кажется учрежденіе столицы въ ущельѣ, между голыми утесами, на берегу ничтожной рѣчки; но скоро мѣсто это такъ плѣняетъ, что нельзя вообразить, чтобы гдѣ нибудь можно было лучше наслаждаться жизнью. И если это теперь такъ кажется, когда все кругомъ опустѣло, и въ комнатахъ и на дворахъ,—что же было, когда всюду толпились здѣсь люди, въ богатыхъ одеждахъ, готовые исполнять всѣ повелѣнія своихъ владыкъ, когда всюду блистали алмазы и золото, когда, изъ дальнихъ и ближнихъ странъ, являлись съ дарами послы сильныхъ государей, ревностно искавшихъ союза съ Крымскими Ханами,

(а) Histoire du royaume de la Chersonése Taurique par Siestrzencevicz.

для спасенія своихъ подданныхъ отъ грабежей и разбоевъ ихъ кровожадныхъ шаекъ.

Мы почти не видали Татаръ въ Симферополѣ, и не успѣвъ заглянуть тамъ въ старый городъ, въ новомъ видѣли все Русское, Европейское: въ Бакчисараѣ настоящій востокъ—какъ намъ объ немъ извѣстно по разсказамъ путешественниковъ. Узкая улица, версты на полторы длиною, по которой въѣзжаютъ въ городъ, очень дурно вымощена большими, неровными камнями. По обѣимъ сторонамъ ея лавки, одна возлѣ другой, открытыя, какъ у насъ въ гостиномъ дворѣ; но въ этихъ лавкахъ занимаются не одною торговлею, а всѣми ремеслами и потребностями жизни; въ нихъ и пекутъ, и жарятъ, и кроятъ, и шьютъ, и куютъ лошадей. Тутъ висятъ, на жару, и ощипанныя птицы, и части мяса, и съ отвращеніемъ отъ нихъ отворачиваясь, видишь сидящихъ на прилавкахъ, поджавъ ноги, Татаръ, въ бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ бараньихъ шапкахъ.—Онѣ очень пристали къ ихъ загорѣлымъ, по большой части угрюмымъ, почти дикимъ лицамъ, которыя показались мнѣ еще безобразнѣе, когда я увидѣла робко пробиравшихся женщинъ, съ головы до ногъ, какъ мертвецы,

закутанныхъ бѣлыми простынями. Несчастныя эти обречены вѣчному и совершенному рабству; въ нихъ замерли всѣ понятія человѣческія; вся ихъ мудрость и добродѣтель заключаются въ томъ, чтобы не показаться мужчинамъ съ открытымъ лицемъ.—И можетъ быть у многихъ изъ нихъ предки были Христіане, которыхъ жестокими муками (а) принудили отказаться отъ святой вѣры ихъ, свирѣпые побѣдители, всюду ревностно распространявшіе льстящее ихъ самовластію и страстямъ ученіе Магомета, который, называясь посланникомъ Божіимъ, проповѣдывалъ мщеніе (б). — Надъ лавками возвышаются хижины, какъ будто гнѣзда, прилѣпленныя къ скаламъ, съ которыхъ, кажется, готовы сорваться огромные камни. Все это потрясаетъ чувства и не знаешь, во снѣ или на яву это видишь.

Проѣхавъ въ ворота на дворцовую площадь, гдѣ мечеть съ двумя минаретами, мы остановились подъ другими воротами, и пошли на право, по выкрашенной красною краскою и покрытой цыновками деревянной лѣстницѣ: только съ низу нѣсколько ступеней изъ бѣлаго кам-

(а) Siestrzencevicz. — Livre XVI.

(б) Le Koran, chapitre II. — 173—175 (примѣчаніе 3).

ня.—Проворно обѣжали мы вверху всѣ комнаты; на это не много надо времени, но съ одного разу ничего не упомнишь, кромѣ пестроты цвѣтовъ и неправильной постройки;—одна комната выше, другая ниже, то поднимешься, то опустишься,—иныя горницы выдвинуты впередъ, и въ нихъ съ двухъ, даже съ трехъ сторонъ окна.—Нѣтъ ни плана, ни фасада; все какъ будто брошено по мгновенной прихоти владѣльца дома, но все такъ красиво, вездѣ такъ хорошо можно расположиться, что, кажется, ничего нельзя лучше придумать, и вѣкъ не нужно совѣтоваться съ архитекторами.

Государь Императоръ изволилъ быть здѣсь въ первый разъ еще Великимъ Княземъ, въ 1816 году, и потомъ въ 1837 вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, Государемъ Наслѣдникомъ и Великою Княжною Маріей Николаевной. Это написано на доскѣ въ одной изъ комнатъ, которыя занимали Они, гдѣ нѣкогда жили Ханы.—По близости показываютъ двѣ небольшія горницы съ особымъ выходомъ, будто бы принадлежавшія Маріи Потоцкой, о которой безпрестанно вспоминаютъ въ Бакчисараѣ. Пушкинъ прославилъ это имя; но еще прежде, когда путешествовалъ Муравьевъ-Апо-

столъ, здѣсь уже толковали о рѣдкой красотѣ и достоинствахъ душевныхъ Христіанской любимицы Керимъ-Гирея, утверждая, что она была не Грузинка, какъ это гораздо достовѣрнѣе, а Полячка, Марія Потоцкая.

Насъ остановили въ маленькомъ кабинетцѣ, который весь въ окнахъ, чтобы указать бассейнъ, извѣстный по фонтану Бакчисарайскому. Мы не замедлили оглядѣть его. Онъ очень тѣсенъ, но для затворницъ и это было веселымъ убѣжищемъ, и онѣ дѣйствительно могли «ронять тутъ серьги золотыя, «не опасаясь чтобы онѣ затерялись. Кругомъ обветшалая, деревянная рѣшетка, по которой вьется виноградъ. Все это, конечно, было въ иномъ, лучшемъ видѣ, но только уцѣлѣли вода и виноградъ, и гдѣ нѣкогда пѣсни и пляски развлекали скуку роскошныхъ и праздныхъ Хановъ, можно теперь уединенно размышлять о тщетѣ всего земнаго.

Фонтаны для меня гораздо привлекательнѣе бассейна, особенно въ большихъ сѣняхъ, устланныхъ мраморомъ, мраморный фонтанъ слезъ. Онъ такъ многими былъ описанъ, что уже мнѣ нечего прибавить; но чѣмъ болѣе кто читалъ о немъ, тѣмъ пріятнѣе и любопытнѣе его разсматривать, слушать тихое журчанье свѣтлыхъ его

Гробница Маріи въ Бакчисараѣ; видъ съ башни въ Гаремъ.

стахъ, здѣсь уже толковали о рѣдкой красотѣ и достоинствахъ душевныхъ Христіанской любимицы Керимъ-Гирея, утверждая, что она была не Грузинка, какъ это гораздо достовѣрнѣе, а Полячка, Марія Потоцкая.

Насъ остановили въ маленькомъ кабинетцѣ, который весь въ окнахъ, чтобы указать бассейнъ, извѣстный по фонтану Бакчисарайскому. Мы не замедлили оглядѣть его. Онъ очень тѣсенъ, но для затворницъ и это было веселымъ убѣжищемъ, и онѣ дѣйствительно могли ронять тутъ серьги золотыя, «не опасаясь чтобы онѣ затерялись. Кругомъ обветшалая, деревянная рѣшетка, по которой вьется виноградъ. Все это, конечно, было въ иномъ, лучшемъ видѣ, но только уцѣлѣли вода и виноградъ, и гдѣ нѣкогда пѣсни и пляски развлекали скуку роскошныхъ и праздныхъ Хановъ, можно теперь уединенно размышлять о тщетѣ всего земнаго.

Фонтаны для меня гораздо привлекательнѣе бассейна, особенно въ большихъ сѣняхъ, устланныхъ мраморомъ, мраморный фонтанъ слезъ. Онъ такъ многими былъ описанъ, что уже мнѣ нечего прибавить; но чѣмъ болѣе кто читалъ о немъ, тѣмъ пріятнѣе и любопытнѣе его разсматривать, слушая тихое журчанье свѣтлыхъ его

Гробница Маріи въ Бакчисараѣ; видъ съ башни въ Гаремѣ.

струекъ, переливающихся изъ чаши въ чашу, чувствовать ихъ свѣжесть. Надъ одной частью сѣней этихъ, большая комната со множествомъ угловъ и оконъ, раздѣленная на четверо занавѣсами. Въ двухъ мѣстахъ сѣни открыты, воздухъ свободно проникаетъ въ нихъ, и есть гдѣ укрыться отъ солнца.—Тамъ, гдѣ часто идетъ дождь, это было бы очень непріятно; но здѣсь, гдѣ его считаютъ благословеніемъ небеснымъ, можно съ истиннымъ наслажденіемъ сидѣть подъ кровлею, когда около нея шумитъ и льется дождевая вода. Эти сѣни, вѣроятно сооруженныя Греческими художниками, которыхъ заставляли на себя работать Ханы, дѣлаютъ честь ихъ искусству.—Тутъ еще другой фонтанъ больше, но обыкновеннѣе, и нѣсколько дверей. Прежде всего вошли мы въ большую залу, гдѣ нѣкогда, какъ сказываютъ, судили преступниковъ. Это лучшая комната во дворцѣ и вѣроятно служила не на одно такое употребленіе. Стѣны въ ней толстыя, аршина въ полтора, и съ двухъ сторонъ по пяти оконъ въ два яруса. Въ верхнихъ, довольно большія, бѣлыя стекла искусно обложены въ узоръ мелкими стеклами, синими, оранжевыми, зелеными и золотистыми. Подъ нѣкоторыми, стеклян-

ныя двери отворяются въ садъ, гдѣ цвѣты и деревья чудной красоты.—Но всего чуднѣе въ Бакчисараѣ воздухъ; онъ такъ веселитъ умъ и сердце, что уже ничего не хочется, только бы всегда дышать такимъ воздухомъ.

Мы обѣдали въ судейской комнатѣ, и я могла вполнѣ изучить ее: полъ мраморный, потолокъ расписанъ золотомъ, красною и черною краскою, на подобіе великолѣпной Азіятской парчи. Стѣны намалеваны просто и грубо; но при такомъ потолкѣ, такихъ окнахъ, такихъ дверяхъ, все прочее кажется прекрасно. При этой залѣ небольшая комната, также съ разноцвѣтными окнами, изъ которой выходъ прямо подъ ворота на большой дворъ, и вѣроятно прежде тутъ водили къ допросу преступниковъ, которые стояли за перилами передъ судьями, сидѣвшими на диванахъ. Самъ Ханъ, невидимо присутствуя, могъ все наблюдать сквозь деревянную рѣшетчатую перегородку, изъ верхнихъ его покоевъ. Онъ, конечно, не всегда тутъ слѣдилъ за судомъ, но всегда должно было ожидать этого, и при государѣ кроткомъ, твердомъ и справедливомъ это должно было имѣть благодѣтельное вліяніе.

За обѣдомъ подчивали насъ здѣшними лакомыми блюдами, шишлыкомъ, то есть мелкими

кусками баранины, изжаренной на спичкахъ, и соусомъ изъ баклажанъ. Это родъ огурцовъ, лиловаго цвѣта, которыхъ мы проѣздомъ видѣли въ лавкахъ огромныя кучи. Мнѣ не полюбились эти кушанья; но черная шелковица, которой я также прежде не ѣдала, показалась мнѣ очень вкусна. Она видомъ похожа на Русскую ежевику, но крупнѣе, сочнѣе и гораздо пріятнѣе. Она освѣжила меня лучше абрикосовъ и сливъ, которыхъ цѣлое большое блюдо принесъ здѣшній голова, Татаринъ почтеннаго вида.

Близь судейской залы, съ особымъ входомъ изъ тѣхъ же сѣней, четыреугольная комната съ возвышенными диванами; въ ней уже не одни окна, а вся нижняя стѣна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, за которыми прелестные кусты и деревья, странно оттѣняемыя, кажется, просятся въ комнату, чтобы насладиться свѣжестью бьющаго по срединѣ, одѣтаго бѣлымъ мраморомъ фонтана. Потолокъ красный съ золотомъ: вообще потолки здѣсь красные, голубые, или зеленые, деревянные подъ лакомъ; по нимъ клѣтками золоченые брусочки съ золочеными звѣздочками. Надъ дверьми красная, или другаго цвѣта столярная работа съ выпуклыми, золочеными цвѣтами, а на самыхъ дверяхъ грубо написан-

ные съ цвѣтами кувшины или пеизажи съ золотыми и черными обводками.—Все это возобновлено, по старымъ рисункамъ, въ 1837 году, къ пріѣзду Императорскому. Тогда же въ замѣнъ бывшихъ при Ханахъ парчей и бархатовъ, отъ которыхъ ничего не осталось, куплены въ Константинополѣ шитыя золотомъ и серебромъ шелковыя матеріи. Мы ихъ видѣли въ кладовыхъ, гдѣ теперь хранятся онѣ вмѣстѣ съ зеркалами восточнаго вкуса, рамы которыхъ также изъ зеркалъ, или разрисованы на стеклѣ, по темному грунту цвѣтами, а по красному арабесками, черною и бѣлою краскою съ золотомъ. Чѣмъ все это пестрѣе, тѣмъ выше цѣнится, и дѣйствительно, очень красиво: можно бы и у насъ дѣлать такія рамы.—Камины, говорятъ, всюду были мраморные, но вмѣстѣ съ дорогими столами и ящиками, давнымъ давно, разными людьми, разнесены въ разныя стороны. Теперь они вовсе не роскошны, просто каменныя, или кирпичныя башенки, въ которыхъ дрова горятъ почти на полу. Только окна остались въ первобытной красотѣ своей; у насъ еще не отдѣлываютъ ихъ такъ хорошо.

Изъ тѣхъ же сѣней съ фонтанами входъ и въ домовую мечеть, основанную Селаметъ-Ги-

реемъ, въ 1740 году. Въ ней въ низу окно въ садъ, гдѣ бассейнъ, и еще нѣсколько оконъ вверху. Она совсѣмъ оставлена, и кажется невозможно, чтобы тутъ, въ Ханскомъ дворцѣ, была когда нибудь, какъ нынче многіе думаютъ, церковь для любимой Ханской жены Маріи, какъ назвалъ ее Пушкинъ, или Дильяры, какъ зовутъ Татары.—То лько самъ обратившись въ Христіанство, могъ на это согласиться Керимъ-Гирей, не заботясь о слѣдствіяхъ: иначе онъ не могъ рѣшиться на поступокъ, который равно бы раздражилъ и его дикихъ подданныхъ и Турецкаго султана, распоряжавшаго его участью.

Другая обширная мечеть чрезъ дворъ, обсаженный раинами и разными деревьями. На задней стѣнѣ ея глубокая впадина съ лѣпною работою, въ которой хранится коранъ; его читаютъ по пятницамъ, и для этого двѣ каѳедры, одна на подобіе башенки, куда всходятъ по довольно высокой лѣсенкѣ съ перилами, другая проще и ниже съ подставною лѣстницею.—Эта часть мечети, назначенная двору и вельможамъ, ступенью выше. По бѣлымъ стѣнамъ съ разноцвѣтными окнами надписи изъ корана. На рединѣ вмѣсто паникадила красная, деревянная звѣзда, со множествомъ лампъ и яицъ. По-

толокъ также красный; съ трехъ сторонъ хоры съ частыми деревянными рѣшетками.—Я подумала, что тутъ молятся женщины, но мулла сказалъ мнѣ, что, хоры сдѣланы для народа, а женщины молятся дома, что ихъ не допускаютъ въ мечети. Услышавъ это, при самомъ началѣ, мы опасались идти впередъ, но старшій мулла почтительно приглашалъ насъ все осмотрѣть, и самъ подвелъ къ своему святилишу, гдѣ, какъ я уже сказала, хранится коранъ.—Не странно ли такое почтеніе къ женщинамъ, по мнѣнію ихъ невѣрнымъ, и пренебреженіе къ своимъ матерямъ, женамъ и сестрамъ? Не показываетъ ли это, что они только по привычкѣ и невѣжеству чествуютъ Магомета, забывая, что самъ онъ призналъ Мессіей Іисуса, а Марію Святою Дѣвою (а).

Мулла видѣлъ, какъ я крестилась въ мечети, усердно молясь Спасителю міра, чтобы Онъ просвѣтилъ умы этого народа, среди котораго родился мой предокъ, умершій въ Россіи ревностнымъ Христіаниномъ, о которомъ отъ всей души жалѣла я, видя, что у него подобныя мнѣ женщины наравнѣ съ домашними животными, зная, что и за предѣлами гроба всѣ они

(а) Le Koran.—Chapitre III,—40.—(Примѣчаніе 4.)

Ханская мечеть на дворѣ Бакчисарайскаго Дворца

толокъ также красный; съ трехъ сторонъ хоры съ частыми деревянными рѣшетками.—Я подумала, что тутъ молятся женщины, но мулла сказалъ мнѣ, что, хоры сдѣланы для народа, а женщины молятся дома, что ихъ не допускаютъ въ мечети. Услышавъ это, при самомъ началѣ, мы опасались идти впередъ, но старшій мулла почтительно приглашалъ насъ все осмотрѣть, и самъ подвелъ къ своему святилищу, гдѣ, какъ я уже сказала, хранится коранъ.—Не странно ли такое почтеніе къ женщинамъ, по мнѣнію ихъ невѣрнымъ, и пренебреженіе къ своимъ матерямъ, женамъ и сестрамъ? Не показываетъ ли это, что они только по привычкѣ и невѣжеству чествуютъ Магомета, забывая, что самъ онъ призналъ Мессіей Іисуса, а Марію Святою Дѣвою (а).

Мулла видѣлъ, какъ я крестилась въ мечети, усердно молясь Спасителю міра, чтобы Онъ просвѣтилъ умы этого народа, среди котораго родился мой предокъ, умершій въ Россіи ревностнымъ Христіаниномъ, о которомъ отъ всей души жалѣла я, видя, что у него подобныя мнѣ женщины наравнѣ съ домашними животными, зная, что и за предѣлами гроба всѣ они

(a) Le Koran.—Chapitre III,—40.—(Примѣчаніе 4.)

Р. И. Дарманъ

Ханская мечеть на дворѣ Бакчисарайскаго дворца.

ждутъ только чувственныхъ наслажденій (а). Особенно жаль мнѣ стало ихъ послѣ молебствія, или лучше сказать пляски дервишей, которую смотрѣли мы вечеромъ съ хоръ. Дервиши стояли на коврѣ кружкомъ, одинъ пѣлъ, другіе хоромъ повторяли: алла. Сначала звуки были довольно пріятны, но мало по малу пѣвцы воспламенялись, голоса ихъ сипли; они сошли съ ковра, обнялись по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, кричали громче, алла, алла.—Наконецъ крикъ ихъ превратился въ лай: мнѣ стало тяжело, даже стало страшно, и мы обѣ ушли изъ мечети, не дождавшись конца этого безумства.

Близь мечети два восьмиугольныя зданія съ куполами, называемыя дюрбе, надъ которыми, на четырехъ мѣдныхъ шарахъ, возвышается луна. Въ нихъ четырнадцать гробницъ; Ханскія, съ подъемными крышами, отличаются поставленными въ головахъ зелеными чалмами, обернутыми бѣлымъ полотномъ; прочія Ханскихъ женъ или дѣтей, просто накрыты чернымъ бархатомъ; во всѣхъ вообще насыпана земля, а тѣла погребены въ подпольѣ.

(а) Le Koran. — Chapitre III—13,—Chapitre XIX.—62, 63.— (Примѣчаніе 5.)

Особенно замѣчательны гробницы Девлетъ-Гирея и Магмутъ-Гирея, съ Турецкими надписями и богатою выпуклою работою.

Въ первой дюрбе восемь оконъ и столько же дверей. По срединѣ, какъ въ мечети, деревянная звѣзда изъ трехъ треугольниковъ со стеклянными лампадами и деревянными яицами: число три изображаетъ у Магометанъ имя Соломоново. Въ углахъ двѣ впадины, куда ставятъ свѣчи, но объ этомъ только сказали намъ: мы не видали ни свѣчь, ни корана. Въ другой дюрбе почти все то же, только ўже окна.

Большая часть Хановъ съ ихъ семействами погребены на открытомъ воздухѣ. Мы остановились у красивой бѣлой, мраморной гробницы Керимъ-Гирея. На ней стоятъ горшки съ цвѣтами, и я сорвала на память вѣтку левкоя. Между гробницами ростутъ плодовитыя деревья; муллы потрясли ихъ, и около насъ цѣлыми сотнями посыпались сливы, абрикосы и груши. — Деревья эти не питались прахомъ истлѣвшихъ подъ каменными памятниками Хановъ; они только были свидѣтелями усердія потомковъ Ханскихъ рабовъ, которыхъ, во время жизни ихъ, во-

все не заботились беречь тѣ, чьи могилы теперь такъ усердно сберегаются. И трогательно и страшно видѣть это благоговѣніе Татаръ къ давно умершимъ ихъ, по большой части, жестокимъ властителямъ.—Неужели они жалѣютъ о временахъ губительныхъ набѣговъ? или, можетъ быть, увлекаются они невольнымъ чувствомъ признательности за то, что Ханы ихъ, разучась побѣждать, передали Крымъ Россіи за спокойствіе, которымъ теперь наслаждаются, за темное предчувствіе, что рано или поздно будутъ они имѣть счастіе исповѣдывать истинную вѣру.

Гаремъ, прежде примыкавшій ко дворцу, былъ очень обширенъ; большая часть его разобрана за ветхостью; осталось немного комнатъ, довольно веселыхъ, съ разноцвѣтными большими окнами и шкафами съ этажерками. На улицѣ, у самой стѣны, мраморный фонтанъ, и среди двора другой: пріятно было бы прожить тутъ лѣто.—Еще прекрасный фонтанъ, въ такъ-называемомъ Персидскомъ саду, въ бесѣдкѣ съ колоннами, льется широкою кистью въ бѣлый мраморный бассейнъ; кругомъ возвышеніе, на которомъ, вѣроятно, были диваны, и,

по уцѣлѣвшимъ сверху окнамъ, нельзя сомнѣваться, что и внизу между столбами сплошь были стекла. Едва ли не тутъ Пушкинъ придумалъ Бакчисарайскій ѳонтанъ свой: тутъ гораздо удобнѣе могли рѣзвиться и играть жалкія затворницы, ожидая своего властелина, нежели въ саду около бассейна, положеніе котораго несходно и съ описаніемъ поэта.

Садовникъ принесъ намъ тарелку плодовъ; онъ былъ въ черной бараньей шапкѣ и полосатой курткѣ съ узкими, короткими рукавами, изъ-подъ которыхъ висѣли широкіе, точно такого покроя, какъ наши модные рукава Греческіе. Любопытно знать, случайно ли это вышло, или кто нибудь вздумалъ вывезти отсюда эту моду, забавляясь, что въ Петербургѣ будутъ восхищаться, дорого платя за новый ѳасонъ рукавовъ, которыми здѣсь даромъ снабдили бы Татарскіе мужики.

Противъ большихъ воротъ, по незастроенной сторонѣ двора, остатки нѣкогда великолѣпныхъ Ханскихъ садовъ, въ четыре уступа; верхній не шире, кажется, трехъ саженъ. Всюду можно гулять въ самый зной подъ тѣнью огромныхъ орѣшинъ и другихъ плодовитыхъ деревьевъ, а иногда и совсѣмъ подъ крышею густо

сплетшагося винограду.—Все это одичало, всюду пусто; но мнѣ кажется, не дорого бы стало все возобновить, только бы найдти человѣка, искуснаго въ хозяйствѣ, который бы истинно любилъ природу и, не слишкомъ заботясь о собственной прибыли, ревностно стремился доказать, что подъ Русскимъ скипетромъ все цвѣтетъ и совершенствуется. Здѣсь не пропадутъ труды и издержки: подъ рукою опытною и усердною они будутъ скоро съ избыткомъ награждены. Мнѣ сказывали въ Симферополѣ, что случалось отъ одной яблони, конечно не со всякой, въ годъ получать восемъ сотъ рублей ассигнаціями, и два, три Татарскія семейства живутъ здѣсь доходомъ съ одного орѣховаго дерева.

Виды всюду прелестные, особенно съ высокой рѣшетчатой башни, куда приходили гаремныя невидимки тайно любоваться живописнымъ городомъ съ его домами, садами и раинами, за которыми поднимаются сѣрыя каменныя горы, откуда всюду проведена чистая, здоровая вода, равно необходимая людямъ, скоту и растеніямъ. Снабжая ею, безчисленные фонтаны прохлаждаютъ воздухъ. Между ними особенно замѣчателенъ фонтанъ новѣйшихъ временъ,

съ Турецкимъ вензелемъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича.

На желѣзныхъ дворцовыхъ воротахъ надписи: 1. «Владѣтель воротъ этихъ, пріобрѣвшій эту «область, высочайшій Ханъ Хаджи-Гирей, «сынъ Менгли-Гирея! Да удостоитъ Господь «Богъ даровать верховное блаженство Менгли-«Гирей Хану, отцу его и матери.» По ниже: «2. Сооруженіе этихъ воротъ повелѣно владыкою «двухъ морей и двухъ областей, Хаджи-Гирей «Ханомъ, сыномъ Менгли, Гирей Хана, султана, «сына султанскаго, въ 953 году (1540).»

Въ Крыму царствовали два Менгли-Гирея, но по выставленному году видно, что ворота сдѣланы сыномъ перваго, избравшаго столицею Бакчисарай. Сестренцевичъ изображаетъ Хана этого, неоднажды опустошавшаго Польшу, свирѣпымъ, безсовѣстнымъ разбойникомъ, но мы должны иначе судить о немъ, помня, какъ дорожилъ его дружбою положившій твердое основаніе могуществу Россіи Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, великій саномъ и дѣлами. Безъ тѣснаго съ нимъ союза едва ли бы могъ онъ свергнуть ослабленное, но еще тяжелое и позорное иго Золотой орды. Правда, по кончинѣ Великаго Князя, Менгли, за обѣщанные ему

ежегодно Польшею пятнадцать тысячь червонцевъ, допустилъ сыновей своихъ грабить Россію, но въ глубокой старости онъ былъ уже невольнымъ орудіемъ своихъ приближенныхъ.

Бакчисарай взятъ былъ фельдмаршаломъ Минихомъ въ 1736 году, Іюня 27, и онъ, овладѣвъ имъ, по разсказу очевидца, капитана Манштейна, сжегъ и городъ и дворецъ. Съ того времени Ханы, постепенно теряя свое могущество, уже не имѣли прежнихъ средствъ удовлетворять роскошныя свои прихоти, и нельзя сомнѣваться, что прельщающіе теперь насъ Бакчисарайскіе чертоги далеко отстали отъ прежнихъ, какъ называетъ ихъ Манштейнъ, огромныхъ зданій (а). Можетъ быть отъ нихъ уцѣлѣли только желѣзныя ворота, которыя удалось скрыть въ горахъ съ другими туда увезенными вещами.

Домовая мечеть построена Селаметъ Ханомъ, спустя четыре года послѣ взятія Бакчисарая, а знаменитый фонтанъ слезъ здѣланъ уже въ 1763 году Керимъ-Гиреемъ.—Но какъ и теперь здѣсь хорошо; разноцвѣтныя стекла, уменьшая блескъ солнечныхъ лучей, разливаютъ нео-

(а) Записки историческія, политическія и военныя о Россіи. Часть 11.

быкновенный, таинственный свѣтъ; душистый воздухъ и журчанье фонтановъ располагаютъ къ сладостнымъ мечтамъ!—Воображаю, каково было Шагинъ-Гирею навсегда покинуть очаровательныя мѣста эти, преклонить колѣна передъ женщиною, переселиться среди торжествующихъ Христіанъ!—Екатерина присоединила Крымъ къ Россіи, въ 1783 году, не одною силою оружія, но и искусными переговорами. Когда она чрезъ четыре года посѣтила древнюю столицу Ханскую, ее съ восторгомъ приняли Татары, и съ тѣхъ поръ у въѣзда въ дворцовыя ворота двуглавый орелъ какъ будто наблюдаетъ, съ бѣлаго каменнаго столба, за спокойствіемъ вновь ввѣреннаго ему края. Подъ нимъ надпись: «Блаженной памяти Императрица «Екатерина изволила быть въ Бакчисараѣ 1787 «года Маія 14.»

Получая приличное высокому сану его содержаніе, Шагинъ-Ханъ вообразилъ, что ему гораздо будетъ пріятнѣе жить въ Константинополѣ, нежели въ Калугѣ, куда переѣхалъ онъ изъ Воронежа (а), и отправился туда по согласію Екатерины, но тотчасъ по его прибытіи Султанъ сослалъ его на островъ Родосъ, неоднаж-

(а) Кіевскій Синопсисъ 1836.

ды служившій мѣстомъ заточенія его предшественникамъ, и онъ, бѣдственно погибая отъ рукъ своихъ единовѣрцевъ (а), долженъ былъ горько жалѣть, что не захотѣлъ умереть между Христіанами, неспособными мстить за все, что нѣкогда Русскіе Князья и вся Россія потерпѣли отъ Татаръ.

Мы нашли во дворцѣ, кромѣ живущаго здѣсь полицеймейстера, господина Бларамберга, сына извѣстнаго ученаго, оставившаго много любопытныхъ сочиненій о древностяхъ здѣшняго края. Онъ присланъ сюда все изготовить къ пріѣзду Великаго Князя Константина Николаевича, и вмѣстѣ съ П. Г. Максимовичемъ, прежде бывшимъ флотскимъ офицеромъ, всюду провожалъ насъ.

Насъ пригласили посмотрѣть свадебный Татарскій пиръ. Съ радостью принявъ это предложеніе, мы отправились въ маленькой бричкѣ, по той же длинной, тряской улицѣ съ лавками, по которой въѣзжали въ городъ, въ домъ квартальнаго, нѣкогда служившаго фельдфебелемъ въ Петербургѣ, въ Крымскомъ эскадронѣ, гдѣ онъ произведенъ былъ въ офицеры. У него женился сынъ, и онъ, встрѣтивъ насъ

(а) Siestrzencevicz. Livre XVI.

на дворѣ, представилъ намъ въ сѣняхъ жену свою, и женщины, подхвативъ насъ обѣихъ подъ руки, повели въ комнату и тамъ посадили на низенькій диванъ.—Надъ нами, по всему потолку, висѣли на снуркахъ, вмѣстѣ съ приданымъ молодой, вышитые платки и полотенцы, которые она задолго до свадьбы начала готовить для будущаго мужа.

Провожавшіе насъ мужчины остались на дворѣ, гдѣ очень не дурно плясали Татары, по нестройной Цыганской музыкѣ, и кривлялся шутъ въ дурацкомъ калпакѣ, котораго Бларамбергъ нарисовалъ мнѣ на оборотѣ визитной карточки, не имѣвъ другаго лоскутка бумаги. Окна были отворены, и съ улицы можно было хорошо видѣть женщинъ, сидѣвшихъ безъ покрывалъ на диванахъ и разостланныхъ на полу тюфякахъ. Нѣкоторыя были очень нарядны, въ бархатныхъ и атласныхъ распашныхъ платьяхъ, кругомъ, а у иныхъ и по всѣмъ швамъ, обшитыхъ галунами, и въ шитыхъ золотомъ широкихъ поясахъ съ огромными серебряными застежками прекрасной работы. Но почти всѣ были или совсѣмъ босыя, или въ желтыхъ сафьянныхъ туфляхъ на босую ногу.

Всѣхъ пригожѣе собою была молодая; по

ихъ обычаямъ, она цѣлыя шесть недѣль нико-
му не должна показываться, но по особенному
снисхожденію ее вывели къ намъ на нѣсколько
минутъ. Шея и грудь были у нее совершенно
закрыты снизанными въ нѣсколько рядовъ
золотыми Турецкими монетами, и свекровь ея
открыла намъ ея лице, сверхъ дымковаго по-
крывала закутанное шелковымъ.—Принужден-
ная прежде цѣловаться со всѣми подходившими
ко мнѣ Татарками, я поцѣловала съ большимъ
удовольствіемъ молодую, милую женщину, ко-
торой черты выражали величайшую кротость.
Но я не могла уговорить, чтобы ее возлѣ меня
посадили, и она, ставъ на колѣна хотѣла, поцѣ-
ловать у меня руку, а между тѣмъ накинули
намъ обѣимъ на головы аршина по два выши-
той шерстью кисеи. Это былъ подарокъ моло-
дой, за который, вовсе не предвидѣвъ этого,
мы могли отдарить ее только деньгами, которыя
нашлись въ кошелькахъ нашихъ.

Это былъ истинный востокъ. Намъ кланя-
лись приложивъ руки ко лбу, подавали все на
колѣнахъ, и, хотя мы были не у вельможъ, все
было очень вкусно, кофе и шербетъ, и въ пре-
красной посудѣ.—Все время плясали женщи-
ны; пляска ихъ напоминаетъ Русскую, но во-

все не имѣетъ той пріятности, и кромѣ одной богато одѣтой, ловкой дѣвочки, у которой на груди была широкая жемчужная рѣшетка, всѣ плясали съ задумчивымъ и унылымъ видомъ, слишкомъ выставляя впередъ тѣло.

VII.

ЦЕРКОВЬ УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ЧУФУТЪ-КАЛЕ, КОРАЛЕСЪ, МАНГУПЪ-КАЛЕ, ЧЕРКЕСЪ-КЕРМЕНЬ.

По дорогѣ въ Успенскій монастырь, въ кругломъ зданіи, погребены Хаджи-Гирей Ханъ и сынъ его Менгли Гирей Ханъ. Тутъ, говорятъ, былъ и дворецъ съ большимъ прудомъ и фонтанами; теперь стоятъ бѣдная мечеть и медресе, то есть училище. — По

близости живутъ Цыгане; они долго провожали насъ, пока не догадались мы кинуть имъ деньги, со своею дикою музыкою, впрочемъ согласною съ ихъ дикими лицами и чудною картиною высокихъ, каменныхъ скалъ, между которыми ѣхали мы въ тѣсномъ ущельѣ. Эти скалы, съ отверстіями, похожими на окна, можно почесть стѣнами древней крѣпости, или лучше сказать нѣсколькихъ, огромныхъ крѣпостей.—Но что бы стоило вѣковыхъ доходовъ сильнѣйшихъ въ мірѣ Царствъ и милліоновъ рукъ человѣческихъ, было воздвигнуто единымъ словомъ. Я не боялась, чтобы овцы, укрывавшіяся подъ утесами, мѣстами внизу обвалившимися, или выломленными, были ими задавлены, увѣренная, что Всемогущая рука, создавшая эти громады, не допуститъ кроткихъ животныхъ подъ ними погибнуть.

Подъѣхавъ къ монастырю, вѣрнѣе сказать къ церкви Успенія Божіей Матери, мы по высокой, высѣченной въ камнѣ лѣстницѣ взошли на деревянный балконъ, непонятно какъ укрѣпленный въ такомъ мѣстѣ, и я, посмотрѣвъ на глубокое подо мною ущелье, на крутую противъ меня гору, на ясно голубое небо, съ уми-

ленiемъ почуствовала, что здѣсь не нужны мiрскiя удовольствiя, и вполнѣ можно насладиться однимъ созерцанiемъ величiя Божiя. Есть преданiе, будто бы тонувшiе на Черномъ морѣ плаватели, бывъ спасены въ день Успенiя Божiей Матери, по данному ими обѣту, выдолбили здѣсь въ каменной горѣ существующую нынѣ церковь съ куполомъ. Она довольно пространна, и въ ней все, даже подсвѣчники, изъ того же камня.—Мы просили отслужить намъ молебенъ. Трогательно было это молебствiе. Престарѣлый протопопъ Бакчисарайскаго собора, кромѣ котораго нѣтъ теперь здѣсь другаго священника, усердно молился, какъ настоящiй отшельникъ, предпочетшiй мiру эту пустыню, и ликъ Божiей Матери, чрезвычайно привлекательный, казалось приглашалъ насъ оставить здѣсь всѣ заботы и думы житейскiя.

Мы заходили въ келейку, гдѣ живетъ старушка, посвятившая себя смотрѣнiю за церковью; мнѣ хотѣлось съ нею поговорить, но мы были не далеко отъ Чуфутъ-Кале, который также любопытно было поглядѣть, и время не позволяло медлить. Я однако простояла минуту на выдавшейся изъ горы площадкѣ, гдѣ погреба-

ютъ Христіанъ, и на памятникѣ изъ Крымскаго порфира прочла, что тутъ лежитъ семьнадцатилѣтняя дочь генерала Потапова. Дивное кладбище; здѣсь не засыпаютъ землею гробы, а ставятъ ихъ, будто въ склепѣ, вырубая мѣсто въ горѣ; иныхъ по желанію хоронятъ также въ церкви.

Изумленная всѣмъ, что видѣла, я еще болѣе изумилась, когда вдругъ, на вершинѣ огромнаго, прямаго утеса, показался, какъ будто изъ него высѣченный, рядъ домовъ. Но прежде, нежели успѣла я разсмотрѣть ихъ, бричка наша остановилась, и насъ встрѣтилъ раввинъ Соломонъ-Бейшъ, приглашая посѣтить Чуфутъ-Кале, жилище здѣшнихъ Караимовъ. Онъ повелъ насъ въ такъ-называемую долину Іосафатову, гдѣ издревле кладбище Еврейское. Вѣковые дубы и другія деревья осѣняютъ тамъ множество каменныхъ гробницъ, испещренныхъ Еврейскими надписями, и раввинъ сказалъ намъ, что тутъ погребено уже сорокъ тысячь человѣкъ. Можетъ быть: въ 1840 году, ученый Караимъ Авраамъ Фирковичъ отыскалъ здѣсь гробницу Исаака Сангари, умершаго слишкомъ за тысячу лѣтъ, который, по преданію, обратилъ въ Еврейскій законъ владѣвшихъ тогда Та-

вридою Козаръ (а). Гордясь этимъ, раввинъ непремѣнно хотѣлъ показать намъ гробницу Исаака, но вдругъ пошелъ дождь, и мы, распустивъ бывшіе съ нами по счастью зонты, не оглядываясь побѣжали въ Чуфутъ-Кале къ раввину, который тотчасъ принялся насъ подчивать чаемъ, вареньями, и, что всего было лучше, Константинопольскими конфектами. У него очень чисто въ комнатѣ, убранной въ Татарскомъ вкусѣ, съ разметанными по потолку золочеными звѣздочками. Домъ стоитъ на краю отвѣсной горы; окна съ трехъ сторонъ и виды прелестные. Когда прошелъ дождь, вдали заиграли въ морѣ лучи заходящаго солнца. Очень жалѣю, что не училась рисовать съ натуры.

Осматривая комнату, увидѣла я на стѣнѣ, въ рамкѣ, неизвѣстныя мнѣ письмена. Я спросила объ нихъ хозяина.

—«Это, отвѣчалъ онъ, мое сочиненіе, слабое подражаніе извѣстному народному гимну «Боже Царя храни» знаменитаго Василья Андреевича Жуковскаго,» и по желанію моему обѣщалъ мнѣ доставить переводъ, который предлагаю вмѣстѣ съ подлинникомъ.

(а) Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. — Томъ 1.

ГИМНЪ БОГУ.

1.

Во свѣтлости лица Царева жизнь. О Ты, Спаситель, живущій вовѣки, внемли воплю Израиля!

Ниспошли свѣтъ Твой, чудное спасеніе Твое, на славу Царя крѣпкаго и благочестиваго—славы силъ нашихъ!

2.

Призри съ высоты небесъ на народъ Твой, призывающій имя Твое во гласѣ молитвы и моленія своего!

Внемли, Отецъ небесный, молитвамъ его (твоего народа), которыя онъ возноситъ къ тебѣ въ своихъ собраніяхъ!

3.

Ты, Царю вселенной, ниспосылаешь Монархамъ спасеніе, на которое они уповаютъ. Благослови и споспѣшествуй пути Царя правосуднаго, неоцѣненнаго, чтущаго Тебя (Боже), дивный и праведный!

4.

Великій Государь! Крѣпость и утвержденіе наше! Счастіе его постоянно увеличивается; имя его преславно, и какъ благъ совѣтъ его!

1.

בְּאוֹר פְּנֵי מֶלֶךְ חַיִּים

שׁוֹכֵן עַד הַגּוֹאֵל ·· פְּנֵה נָא אֵל
שַׁוְעַת יִשְׂרָאֵל
שְׁלַח אוֹרְךָ ·· הַפְלֵא עֶזְרְךָ
עַל הוֹד
אַדִּיר מֶלֶךְ ·· יְקָר הוֹלֵךְ
גְּאוֹן עֻזֵּנוּ

2.

הַבֵּט מִשָּׁמֶיךָ ·· עַל עַמֶּךָ
קוֹרְאִים שְׁמֶךָ
בְּקוֹל רִנָּתָם ·· וּבִתְחִנָּתָם
הַקְשֵׁב
לְרֹב שִׂיחָתָם ·· בְּמַקְהֵלוֹתָם
אַתָּה אָבִינוּ

3.

נוֹתֵן לַמְּלָכִים ·· יֶשַׁע חוֹכִים
מוֹשֵׁל פְּלָכִים
אָנָּא תְּבָרֵךְ ·· תַּצְלִיחַ דֶּרֶךְ
תָּמִים
מֶלֶךְ יוֹקִירֶךָ ·· אֵין לוֹ עֶרֶךְ
אַדִּיר צִדְקֵנוּ

4.

אִמְפֶּרַאטוֹר גָּדוֹל ·· עוֹז וּמִגְדּוֹל
טוּבוֹ לֹא יֶחְדַּל
מְכֻבָּד שְׁמוֹ ·· וּמַה טּוֹב טַעְמוֹ

Онъ милосердъ, благочестивъ, прекрасенъ, праведенъ и незлобивъ! Онъ вѣнецъ главъ нашихъ!

5.

Кто, будучи подобенъ Богу, въ праведности исправляетъ недостатки, пожигаетъ терніе, изливаетъ щедроты на бѣдствующій, трепещущій и скитающійся народъ? Не узрятъ несчастія тѣ, которые тщательно будутъ исполнять слово Царя нашего.

6.

Родъ Его возвеличенъ, окруженъ всѣми благами. Августѣйшая Его Супруга, первородный Сынъ Его и все Августѣйшее Потомство и блаженное сѣмя Его, избранника Божія, свидѣтельствуютъ о его добродѣтеляхъ.

7.

Да наслаждаются Они долголѣтіемъ безмятежной жизни; да умножится радость Ихъ, да возвеличится благодать Ихъ, да облекутся Они въ блестящую славу, да увеличится счастіе Ихъ, ибо—въ этомь спасеніе наше!

8.

Всѣ правители, всѣ подданные Его, повинующіеся волѣ его, хранящіе Его велѣнія, да процвѣтаютъ во спасеніи, да освѣщаются свѣ-

רַחֲמָן
יָקָר כְּנֹעֲמוֹ׃ צַדִּיק כְּתָמָר
נֵזֶר רֹאשֵׁנוּ

5.

מִי כָאֵל צֶדֶק׃ תִּקֵּן בֶּדֶק
וּמְכַלֶּה חֶדֶק
גּוֹמֵל חֲסָדִים׃ לִנְעִים נְדָבִים
עַם דַּל
לֹא יִרְאוּ אֵידִים׃ כָּל הַחֲרֵדִים
לִדְבַר מַלְכֵּנוּ.

6.

בֵּית מְרוֹם מוֹעֲדוֹ׃ לְטוֹבָה עֵד
בְּרוֹב כָּל מִסְעָד
כְּרַת יְקָרוֹ׃ בְּנוֹ בְּכוֹרוֹ
עִם כָּל
יַלְדֵי פְאֵרוֹ׃ וְזֶרַע אָשְׁרוֹ
בְּחִיר צוּרֵנוּ

7.

יִמְצְאוּ רֹב חַיִּים׃ לְשִׁבְעָתַיִם
בְּאוֹן יָדַיִם
יִרְבֶּה שְׂשׂוֹנָם׃ וַיִּגְדַּל חֵנָם
וַעֲצָמָם
צְבִי גְאוֹנָם׃ וְיָרוּם קַרְנָם
כִּי זֶה יִשְׁעֵנוּ.

8.

כָּל שָׂרָיו עֲבָדָיו׃ תַּחַת יָדוֹ

*

томъ, да будетъ счастливъ путь ихъ во всемъ, да живутъ въ радости, по волѣ Творца нашего!

9.

Преклонимъ колѣна, простремъ руки наши къ небесамъ!

10.

Боже невидимый! Споспѣшествуй миру Цареву! Велѣнія властителя нашего блестящи, какъ сафиръ и алмазъ.

11.

Да преклонятся предъ Нимъ всѣ возстающіе на Него, да успокоятся и да насладятся миромъ Его народы. Да исполнитъ Спаситель Его всѣ Его желанія, да процвѣтаетъ миръ въ Его воинствѣ, спокойствіе въ предѣлахъ Его государства, и посреди нашего народа (Евреевъ).

12.

Господи силою Твоею возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло, сказано въ Писаніи (а).

(а) Переводъ исправленъ въ С. Петербургѣ, господиномъ Профессоромъ Левисономъ, и много отъ этого выигралъ.

שׁוֹמְרֵי פִּקּוּדָיו

יֶשַׁע יִפְרָחוּ · · בְּאוֹר יִזְרְחוּ

דַּרְכָּם

בְּכָל יַצְלִיחוּ · · יִחְיוּ יִשְׂמְחוּ

כִּרְצוֹן קוֹנֵנוּ.

9.

נִכְרַע עַל בִּרְכַּיִם · · לִפְנֵי שָׁמַיִם

נִפְרֹשׂ כַּפַּיִם

10.

אֱלֹהֵי עוֹלָם · · תְּקַדֵּם הֲלוֹם

פָּנָיו

מֶלֶךְ בְּשָׁלוֹם · · סַפִּיר יַהֲלוֹם

גִּזְרַת מוֹרֵנוּ

11.

יִכְרְעוּ לוֹ קָמָיו · · יְנַהֲלוּ עַמָּיו

יִשְׂמַח בִּשְׁלוֹמָיו

יָפִיק גּוֹאֲלוֹ · · אֶת כָּל מִשְׁאֲלוֹ

יִפְרַח

שָׁלוֹם בְּחֵילוֹ · · שַׁלְוָה בִּגְבוּלוֹ

וּקְהַל עַמֵּנוּ.

12.

כַּכָּתוּב ה״ בְּעָזְּךָ יִשְׂמַח מֶלֶךְ וּבִישׁוּעָתְךָ

מַה יָּגֶל מְאֹד

Соломонъ Бейшъ, человѣкъ довольно образованный, предложилъ мнѣ, напечатанную за два года, въ прибавленіи къ Таврическимъ губернскимъ вѣдомостямъ (а), любопытную статью о Караимахъ, какъ называются Евреи, буквально слѣдующіе библіи. Вообще Евреи, Талмудисты, или Раввинисты, прибавляютъ къ библейскимъ книгамъ разныя преданія, будто бы завѣщанныя праотцами, отъ чего происходитъ много различія не только въ обрядахъ, но и въ самомъ законѣ. Талмудисты женятся на братнихъ вдовахъ, что запрещено Караимамъ; за то первые гнушаются многоженствомъ, а последніе могутъ имѣть четырехъ женъ, что у нихъ осуждается однимъ общимъ мнѣніемъ. Впрочемъ Караимы пріобрѣли гораздо болѣе довѣрія, и имъ предоставлены разныя права, которыми не пользуются прочіе Евреи. Въ Крыму восемь сотъ Караимскихъ семействъ; въ одномъ Чуфутъ-Кале ихъ около полутораста.

—Въ Россіи, сказалъ Соломонъ, живетъ нашихъ братій болѣе нежели въ какой нибудь другой землѣ: нигдѣ не поступаютъ съ нами такъ милостиво.»

(а) № 44—1843.

—«Нельзя этому дивиться,» отвѣчала я, съ душевнымъ удовольствіемъ выслушавъ горячую похвалу раввина Караимскаго Царямъ нашимъ, «наши Государи въ полномъ смыслѣ Христіане.»

Раввинъ за это не разсердился, и потомъ, послѣ Царской эктеньи, помолился и обо мнѣ.— И я молилась о Евреяхъ, какъ прежде молилась о Магометанахъ. «Да будетъ едино стадо, и «единъ пастырь» (а). «Отъ человѣка сіе невоз«можно есть, отъ Бога же вся возможна» (б).

Дождь помѣшалъ намъ придти во время въ синагогу; наканунѣ субботы не зажигали въ ней огня и мы могли только разсмотрѣть, что въ ней очень много лампадъ. Положенное число ихъ семь, въ память семидневнаго сотворенія міра: лишними жертвуютъ по усердію.

Взглянувъ на красивый памятникъ дочери Ханской, бывшей, какъ разсказываютъ, жертвою любви ея къ Христіанину, пошли мы къ бричкѣ, ждавшей насъ у воротъ древней крѣпости, здѣшнею большою, но притомъ очень тѣсною улицею, съ самородною каменною мостовою. По обѣимъ сторонамъ ея одни дома разваливаются; изъ другихъ хозяева, соскучивъ въ

(а) Св. Евангеліе отъ Іоанна.

(б) Св. Евангеліе отъ Матѳеа.

этой каменной пустынѣ, переѣхали въ Бакчисарай, въ Евпаторію и въ Одессу. Темные проулки не шире, коли не уже двухъ аршинъ, пересѣкаютъ эту улицу.—Все здѣсь странно; это особый міръ; это похоже на волшебную сказку, на смутное сновидѣніе.

На возвратномъ пути въ Бакчисарай провожали насъ съ огнемъ; безъ этого нельзя было бы безопасно доѣхать. Ночь была темная, горы еще чернѣе; тѣмъ казались онѣ выше, тѣмъ ярче блисталъ огонь, тѣмъ величественнѣе предсталъ чудный, роскошный дворецъ.—Воздухъ благоухалъ: въ немъ какъ будто носилась жизнь, исполненная здоровья, чувствъ и мыслей. Такая жизнь, верхъ земнаго блаженства, никого не утомитъ, никому не наскучитъ; старики и молодые равно могутъ наслаждаться ею! Жалки тѣ, въ комъ такая ночь, такой воздухъ, такія горы не пробуждаютъ горячей любви и безусловной покорности ко Всесильному, Благому ихъ Зиждителю.

Іюля 13.

Только что встали мы, заложили намъ карету, и мы отправились въ Коралесъ къ княгинѣ

Балатуковой, вдовѣ извѣстнаго князя Адиль-Бея, посмотрѣть, какъ живетъ знатная Татарская госпожа, и отъ нее съѣздить въ Мангупъ-Кале и Черкесъ-Кермень. День былъ чудесный; гладкая, живописная дорога, то шла между виноградниками и орѣховыми деревьями, то между зелеными горами, съ огромными каменными вершинами. Мы не видали какъ проѣхали пятнадцать верстъ, и вдругъ явился передъ нами гостепріимный домъ, хозяева котораго владѣютъ обширными и плодоносными землями. Княгиня еще хороша собою и видъ имѣетъ важный и благородный. Къ сожалѣнію она не знаетъ по Русски; у насъ былъ переводчикомъ единственный ея сынъ Сеферъ-Бей, скромный и ловкій мальчикъ пятнадцати лѣтъ, воспитывающійся въ Симферополѣ.

Мы три раза заѣзжали въ Коралесъ, первый разъ изъ Бакчисарая завтракали, въ другой изъ Мангупа обѣдали, въ третій изъ Черкесъ-Керменя пили чай. Но мы видѣли только двѣ комнаты, просто убранныя по Европейски; подъ окнами садъ, густые деревья котораго защищаютъ отъ солнца и вѣтра, и откуда вѣялъ исполненный благоуханія легкій вѣтерокъ.—Обѣдъ былъ изобильный, Татарскія блюда не очень

нравятся намъ, но супъ и наловленныя въ Ко-ралескомъ ручьѣ форели очень были вкусны. Угощая насъ съ величайшимъ радушіемъ, княгиня была очень довольна, когда мы что ни-будь хвалили.—Послѣ обѣда пришли четыре ея дочери, старшая, лѣтъ шестнадцати, уже помолвлена, двѣ маленькія еще дѣти: у всѣхъ пріятныя лица; особенно пріятно въ нихъ выраженіе невинности и кротости. Сверхъ бѣлыхъ шерстяныхъ платьевъ были на нихъ парчевые полукафтанья, по Татарски джеба. У невѣсты на шеѣ не на одну тысячу было золотыхъ монетъ, а на головѣ изъ золотаго глазета шапочка съ бахрамою, изъ-подъ которой кругомъ висѣло косичекъ пятдесять или болѣе. Каково ждать, пока заплетутъ ихъ; это стоитъ старинныхъ, взбитыхъ тупеевъ. Княгиня показала намъ дары, приготовленные дочерью жениху ея, разныя шитья шелками и золотомъ: въ Парижѣ подивились бы такой работѣ. Молодая, милая княжна провела лучшіе годы своей жизни за пяльцами, работая для мужа, котораго узнаетъ, когда будетъ уже совершенно рѣшена ея участь.—Мнѣ казалось, что я въ старинномъ Русскомъ, боярскомъ домѣ, когда, въ бѣдственныя времена владычества Татаръ, женщины и дѣвицы жили

въ теремахъ занимаясь только рукодѣльемъ. Но онѣ ѣздили по церквамъ и монастырямъ, гдѣ свободно наслаждались зрѣлищемъ великолѣпныхъ священныхъ обрядовъ, слушая Божественное ученіе Евангельское, охраняющее права ихъ въ здѣшнемъ мірѣ, и въ вѣчности имъ обѣщающее, за всякое лишеніе и печаль, сладостное вознагражденіе среди ликующихъ, у престола Божія, небесныхъ силъ. Татарокъ не допускаютъ и въ мечети; имъ только велятъ молиться дома Богу и почитать Магомета. Но можно ли, съ малѣйшею разсудительностью, почитать его, зная, что, назвавшись посланникомъ Божіимъ, онъ хвалился, что самъ Богъ предоставилъ ему владѣть неопредѣленнымъ числомъ женъ, и отбирать ихъ всюду, гдѣ онъ вздумаетъ, не уважая ни родства, ни закона (а).

Я слышала, что княгиня Балатукова, женщина умная и твердая, жаждетъ Европейскаго образованія; она свободно принимала опекуновъ своихъ дѣтей, и разговорясь съ однимъ изъ нихъ, сказала, что у Татарокъ три могилы, то у отцовъ онѣ какъ въ могилѣ, то у мужей, и наконецъ когда умираютъ.

(а) Le Koran. Chapitre XXXIII.—47—*Примѣчаніе.* 6.

— «Княгиня, спросила я у нее чрезъ Сеферъ-Бея, вамъ конечно извѣстно, что и въ Россіи женщины, по примѣру завоевавшихъ ее Татаръ, долго жили, какъ вы теперь живете, въ заперти; но Императору Петру угодно было, чтобы онѣ, наравнѣ съ мужчинами, пользовались свободою;—что бы вы сказали, если бы благополучно царствующій Императоръ Николай то же бы приказалъ?

У княгини заблистали глаза; она съ жаромъ проговорила нѣсколько словъ, и сынъ ея, усмѣхнувшись, отвѣчалъ мнѣ, что мать его была бы очень этимъ довольна и пора бы это приказать.

Оставивъ карету въ Коралесѣ, мы отправились послѣ завтрака въ некрасивой, неспокойной, но очень полезной намъ бричкѣ въ Мангупъ-Кале, со всѣми, пріѣхавшими съ нами изъ Бакчисарая охотниками посмотрѣть развалины крѣпости, столь древней, что даже не могутъ согласиться, кѣмъ она построена. Къ намъ присоединились молодой князь Балатуковъ съ Русскимъ чиновникомъ, управляющимъ его имѣніемъ, и нѣсколько Татаръ прекрасно одѣтыхъ. Всего было пятнадцать конниковъ. Сначала

они ѣхали вмѣстѣ, потомъ стали разсыпаться, то отставали отъ брички, то неслись впередъ по горамъ, и слыша восточные гики, и видя чудную отвагу, мы сами смѣло слѣдовали по опаснымъ крутизнамъ; сердце сладостно билось, глаза были очарованы дивными картинами! — Кто не бывалъ въ Крыму, не знаетъ какъ хорошъ міръ!

Уже показывались давно опустѣлыя, полуразвалившіяся, но издалека еще грозныя башни и стѣны Мангупа, когда я вдругъ увидѣла, что мы ѣдемъ по самому краю отвѣснаго утеса, что мы почти висимъ надъ глубокою пропастью; я закричала отъ ужаса, и не смотря на всѣ увѣренія, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, что Татарскія лошади никогда и нигдѣ не спотыкаются, мы обѣ предпочли идти пѣшкомъ. До крѣпости казалось меньше полуверсты, но она гораздо была далѣе, и на палящемъ солнцѣ чрезвычайно тяжело было взбираться на крутую, нѣкогда неприступную высоту.—Наконецъ мы на нее вскарабкались, и со всѣхъ сторонъ открылись предъ нами обворожительныя картины, всюду горы, сѣрыя, зеленыя, бѣлыя, поднимаются одна надъ другою—

изумляя своимъ разнообразіемъ, за ними блеститъ море, и на берегу его, за тридцать верстъ, на ясномъ, голубомъ небѣ, рисуется Севастополь. Смотря издали на этотъ новый, цвѣтущій городъ, гдѣ все кипитъ жизнью, гдѣ безпрестанно прибываетъ населеніе, не такъ грустно видѣть одичалый Мангупъ, нѣкогда также многолюдный и богатый. — Послѣдній владѣтель его былъ Князь Исайка, Православнаго исповѣданія. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III прочилъ дочь его въ невѣсты старшему сыну своему Іоанну Іоанновичу, и отправивъ въ Крымъ, къ Менгли Гирею, посломъ Алексѣя Старкова, поручилъ ему развѣдать, какое приданое Мангупскій Князь даетъ за своею дочерью (а). Но между тѣмъ Турки, взявъ Кафу, овладѣли и Мангупомъ, куда скрылось много бѣжавшихъ изъ разграбленной Кафы Генуэзцовъ, и тяжело вспомнить: главною причиною его гибели было безразсудство одного изъ вождей, выѣхавшаго на охоту, когда непрестанно должно было ожидать нападенія Турковъ (б).

(а) Исторія Карамзина. Томъ VI.—(б) Siestrzencevicz. Livre XV.

Къ сожалѣнію, одинъ оставшись съ нами, морякъ Максимовичъ, никогда не бывавъ здѣсь, вмѣсто того, чтобы идти на право, повелъ насъ на лѣво, и мы, преодолѣвъ всѣ трудности, не видали самой любопытной части Мангупа, попеременно принадлежавшаго разнымъ народамъ, разныхъ вѣрованій, гдѣ бывали заключены и Русскіе послы и родные Ханскіе братья. Сестренцевичъ еще нашелъ здѣсь, въ 1786 году, жителей, которые по чертамъ ихъ показались ему потомками древнихъ Готѳовъ, долго имѣвшихъ здѣсь свою столицу. Теперь кругомъ пусто, и по всему можно надѣяться, что со временемъ и на Кавказѣ крутизны и овраги перестанутъ служить убѣжищемъ врагамъ Россіи.

Окинувъ глазами обширныя развалины крѣпости на плоской высотѣ горы, и не видя нашихъ товарищей, которыхъ тщетно громко кликали бывшіе съ нами Татары, мы пошли вдоль зубчатой стѣны, съ двумя четыреугольными и тремя круглыми башнями, спускавшейся съ горы въ лощину и оттуда поднимавшейся на другую гору, чтобы всюду пресѣчь средства овладѣть Мангупомъ. Очень трудно было идти между густыми кустами, по изрытой, ка-

менистой землѣ; но вооружившись толстыми палками, мы пробралися къ средней, большой, круглой башнѣ. Она можетъ быть давно бы разрушилась, если бы не скрѣпилъ ее плющь, который, самъ въ низу подрубленный, пустилъ новые корни въ разсѣлинахъ древняго зданія. Когда я это разсматривала, оторвавшійся съ трескомъ камень упалъ къ моимъ ногамъ. Онъ чуть меня не задѣлъ, но я не испугалась: никакія заботы земныя не смущали мыслей моихъ, устремленныхъ къ Богу. Вся природа гласила о Его могуществѣ, все Имъ созданное, за нѣсколько тысячъ вѣковъ, также было величественно и прекрасно, какъ въ первую минуту созданія, а все, что воздвигли люди, было давно обезображено и разрушено.

Не легко намъ было отыскать свою бричку; версты двѣ, или около того, шли мы все спускаясь съ горъ, и часто такъ было круто, что должно было обѣими руками держаться за кусты,—и въ этомъ положеніи, не помышляя объ опасности, съ восторгомъ любовалась я неизобразимыми красотами.

Товарищи наши прежде насъ воротились въ Коралесъ, несомнѣваясь, что мы тамъ ждемъ ихъ, не доѣхавъ до Мангупа. Узнавъ о всемъ

съ нами случившемся, они уже послѣ обѣда, когда мы отправились въ Черкесъ-Кермень, не уѣзжали слишкомъ далеко впередъ, и мы всѣ вмѣстѣ осмотрѣли тамъ нѣсколько пещеръ: чтобы побывать во всѣхъ, мало было бы цѣлыхъ сутокъ. Пещеры эти все отдѣльныя; въ иныя входъ какъ въ комнату, въ другія вѣроятно спускались по подставнымъ лѣстницамъ; въ нѣкоторыхъ, какъ полагаютъ, хранили хлѣбъ. Въ обширной пещерѣ со столбами была церковь. Принужденные скрываться въ нѣдрахъ земли отъ жестокихъ гоненій за вѣру, древніе Христіане вмѣстѣ съ жилищами устраивали себѣ церкви, всего болѣе дорожа утѣшеніемъ слышать слово Божіе. По уцѣлѣвшимъ здѣсь остаткамъ иконъ Спасителя и Успенія Божіей Матери нельзя сомнѣваться, что это была церковь Православная, и горько мнѣ было видѣть, что теперь Татары загоняютъ въ нее скотину. Не трудно было бы запереть туда входъ, — равнодушіе наше къ нашимъ святынямъ внушаетъ иновѣрцамъ пренебреженіе и къ нимъ, и къ намъ самимъ.

Въ 1778 году въ Черкесъ-Керменѣ было жестокое сраженіе, когда Татары, по наущенію Турковъ, возмутились противъ пре-

даннаго Россіи Шагинъ - Гирей Хана, и въ этомъ сраженіи особенно отличилось, подъ начальствомъ Генерала П. С. Потемкина, Албанское войско изъ переселившихся Грековъ, уже неоднажды доказавшихъ храбрость свою и преданность Россіи.

Здѣсь необыкновенный колодезь въ скалѣ гдѣ пещеры, и къ нему оттуда древняя, внутренняя лѣстница съ особымъ въ низу выходомъ. Но, уже за одиннадцать лѣтъ, когда писалъ Монтандонъ, лѣстница эта считалась опасною; только Бларамбергъ рѣшился спуститься по ней; онъ исчезъ въ темной пропасти, и чрезъ нѣсколько минутъ мы услышали голосъ его въ долинѣ: Татаринъ благополучно провелъ его къ дивному источнику.—Мы сошли потомъ другою дорогою, и едва могли вѣрить, что были на вершинѣ скалы, такъ она снизу высока и отвѣсна. Сюда можно ѣздить изъ Кораleса только въ самую хорошую погоду; дорога очень узка и камениста, и по ней тихо струится ручеекъ. Если бы вдругъ, какъ здѣсь неожиданно случается, набѣжало облако и пошелъ дождь, этотъ едва примѣтный ручеекъ, тотчасъ обратившись въ бурный потокъ, опрокинулъ бы нашу бричку, и мы бы легко могли въ немъ

погибнуть. Но небо кругомъ было ясно, и беззаботно можно было любоваться чудными горами;—иная точно великолѣпный замокъ съ огромными башнями; на другой будто стоитъ исполинская статуя.—Хорошъ и высокій, одинокій тополь, издали казавшійся пирамидою, воздвигнутою кому нибудь изъ воиновъ, падшихъ среди пустынныхъ, неприступныхъ скалъ этихъ, гдѣ одинъ храбрый рыцарь долго могъ защищаться.

Безъ насъ княжны забавлялись примѣривая шляпу нашей молодой горничной и наряжая ее въ свои шапочки и ожерелья.—Жаль мнѣ васъ, милыя дѣвицы! Красота ваша и любезность увянутъ какъ заглохшій въ крапивѣ цвѣтокъ. Вѣрно изобразилъ вашу участь поэтъ:

Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводятъ (а).

Княгиня очень унимала насъ ночевать, но на слѣдующій день насъ ждали уже въ Севастополѣ. Я получила любезное письмо отъ супруги командира порта, Елисаветы Максимовны Авиновой, въ которомъ она, напоминая мнѣ

(а) Пушкинъ. Бакчисарайскій фонтанъ.

знакомство наше въ первые годы нашей молодости, приглашала остановиться у нее въ Севастополѣ. Съ признательностью принявъ это предложеніе, я назначила день пріѣзда нашего, и притомъ не хотѣлось мнѣ въ воскресенье прогулять обѣдню. Но я очень жалѣла, что не могла воспользоваться случаемъ, въ такомъ миломъ семействѣ, узнать короче Татарскій бытъ, и прощаясь съ княгиней и дѣтьми ея искренно пожелала имъ всякаго благополучія.

═

Іюля 14.

Бѣденъ соборъ Бакчисарайскій! Непохожъ онъ на соборы Русскіе! При немъ нѣтъ и колокольни, иконы дурно написаны, поютъ нескладно. Грустно видѣть это въ Магометанскомъ городѣ. Поставьте здѣсь одну изъ нашихъ Кіевскихъ или Петербургскихъ церквей съ ихъ причтомъ и пѣвчими, и это всего вѣрнѣе привяжетъ къ намъ, неразрывными узами, народъ, воображеніе котораго всего болѣе поражаетъ наружность.

Предъ нашимъ отъѣздомъ изъ Бакчисарая, когда уже закладывали намъ лошадей, вдругъ

сдѣлалась жестокая буря съ дождемъ и громомъ. Это не долго продолжалось; но земля хорошо промокла, и жители чрезвычайно были этимъ обрадованы. Буря эта заставила насъ ждать слишкомъ часъ, пока можно было проѣхать по мосту, который глубоко залила выступившая изъ береговъ Чурукъ-Су. Мы обошли еще дворецъ, посмотрѣли на бассейнъ Маріи и на городъ, посидѣли на обнесенномъ рѣшетками балконѣ, гдѣ мы по утрамъ пили кофе, всюду жалѣя, что слишкомъ мало пробыть могли въ прелестныхъ мѣстахъ этихъ.

Съ трудомъ переѣхавъ Чурукъ-Су, мы сами увидѣли, о чемъ прежде слышали, какъ здѣшніе рѣчки и ручьи въ дождь дѣлаются тотчасъ опасны. Шумно и сердито текла во всѣ стороны раздувшаяся Чурукъ-Су, вполнѣ оправдывая цвѣтомъ своимъ названіе Гнилой, какъ будто въ ней густо разведена была глина.

Въ Дуванкѣ, большой деревнѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Бакчисарая, нѣкогда живали князья, и двѣ уцѣлѣвшія съ чалмами гробницы ихъ почти уперлись въ окна убогаго домика. Мы тутъ останавливались у старшины, всюду насъ провожавшаго, и еще въ первый разъ сидѣли на настоящихъ Татарскихъ диванахъ въ

четверть аршина вышиною. Передъ нами стоялъ круглый подносъ съ плодами и медовыми вареньями, и хозяинъ, угостившій насъ сверхъ того прекраснымъ кофеемъ, иначе не могъ насъ подчивать, какъ на колѣнахъ. Онъ показалъ намъ двухъ женъ своихъ въ особой горницѣ. Бѣдныя женщины: закоснѣвъ въ невѣжествѣ и рабствѣ, онѣ дѣйствительно вообще здѣсь кажутся гораздо низшими созданіями, нежели мущины.

VIII.

СЕВАСТОПОЛЬ, ГЕОРГІЕВСКОЙ МОНАСТЫРЬ, РАЗВАЛИНЫ ХЕРСОНЕСА, ИНКЕРМАНЪ.

Іюля 15.

Только въ Россіи можно въ три, четыре часа, изъ города совершенно Азіатскаго, населеннаго Магометанами, переѣхать въ приморскій городъ Европейскій, гдѣ ничто не напоминаетъ ни Азіи, ни Магомета. Пріятно было въ Бакчисараѣ видѣть дворецъ и сады восточные,

полные красоты и роскоши, воображая, что созданные Татарами, отъ которыхъ нѣкогда гибла Россія, они сдѣлались достояніемъ Русскихъ Государей; —еще того пріятнѣе, на Черномъ морѣ, на мѣстѣ убогой Татарской деревушки Ахтіаръ, видѣть Русскій городъ Севастополь, по Гречески, «знаменитый городъ.»—Истинно знаменитъ онъ, и рѣдкимъ удобствомъ одной изъ лучшихъ въ мирѣ гаваней, и сильнымъ флотомъ, ограждающимъ Россію съ юга, и своею красотою, и своими укрѣпленіями. Знамениты и окрестности его, бывшія нѣкогда особыми царствами и потомъ областью Римскою: не мало надо времени, чтобы все осмотрѣть.

Мы пробыли пять дней въ Севастополѣ въ гостепріимномъ домѣ Авиновыхъ. Мнѣ очень было пріятно познакомиться съ почтеннымъ адмираломъ, супругу котораго, дочь адмирала Коробки, давно видала я у покойной сестры моей игуменьи, въ Новгородѣ, гдѣ она гащивала со своею матерью, по примѣру которой съ самаго юнаго возраста была очень набожна. Сохранивъ это чувство, залогъ истиннаго счастія, Елисавета Максимовна Авинова также по прежнему любезна и добра.—Старшая дочь ея

недавно выпущена изъ Смольнаго, гдѣ я видала ее у начальницы, вмѣстѣ со мною воспитанной, и, что мнѣ очень дорого, навсегда оставшейся мнѣ другомъ Марьи Павловны Леонтьевой.—Меньшая прелестное, милое дитя, которое увидя невольно захочешь расцѣловать.

═

Іюля 16.

На другой день пріѣзда нашего въ Севастополь были мы утромъ въ близь лежащемъ отъ него новомъ Херсонесѣ, какъ вообще зовутъ здѣсь Греческій Херсонъ, взятіе котораго Великимъ Княземъ Владиміромъ слишкомъ за восемь вѣковъ предвѣстило здѣшнему краю владычество Россіи. Насъ провожалъ туда, а потомъ и по другимъ мѣстамъ, капитанъ перваго ранга Захаръ Андреевичъ Аркасъ, которому я обязана приложенными къ книгѣ этой, достойными особеннаго вниманія видами и планами Херсона или Херсонеса, и всего полуострова Ираклійскаго. Такой проводникъ несравненно полезнѣе печатныхъ описаній, которыя почти всѣ противорѣчатъ одно другому, и, не имѣя возможности рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе, невольно сомнѣваешься во всемъ. Указывая гдѣ

прежде находились разныя зданія опустошеннаго Херсона, капитанъ Аркасъ такъ увлекательно говорилъ объ этомъ, что въ глазахъ моихъ рисовался богатый и многолюдный городъ, изъ развалинъ котораго отчасти построенъ Севастополь.—Въ 1363 году Литовскій Князь Ольгердъ разграбилъ Херсонъ, и онъ съ того времени, начавъ упадать, уже цѣлые два вѣка былъ необитаемъ, когда присоединена была къ Россіи Таврида. Развалины его быстро исчезаютъ; мы видѣли только на берегу основаніе круглой башни и другую, далѣе, полуразрушенную съ остаткомъ стѣнъ, въ которыхъ не такъ крѣпки камни, какъ связывающій ихъ цементъ. Мы взяли съ собою отпадшій кусокъ послѣдняго и никто не могъ его разломить. Въ короткомъ, но весьма занимательномъ обзорѣ здѣшнихъ древностей капитана Аркаса, сказано, что цементъ этотъ составлялся изъ извести, хряща и толченой черепицы.

Внутри крѣпостныхъ стѣнъ, имѣвшихъ, какъ можно видѣть по уцѣлѣвшимъ ихъ основаніямъ, двѣ съ половиною версты, или немного болѣе въ окружности, между простыми камнями валяются обломки колоннъ и капителей превосходной работы, и мелкіе куски бѣлаго мрамо-

ра и Этрусскихъ вазъ.—Изъ трехъ здѣсь бывшихъ церквей, только у ближайшей къ берегу цѣлы въ низу стѣны, и видно по нимъ, что она была крестообразная съ круглымъ алтаремъ. По мѣстному преданію въ этой церкви крестился, и потомъ сочетался бракомъ Великій Князь Владиміръ.—На это нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ, но пріятно воображать, что стоишь на мѣстѣ, гдѣ храбрый Князь нашъ, овладѣвшій Херсономъ, отказался отъ своего завоеванія, чтобы пріобрѣсти иную славу, иныя надежды, славу просвѣтителя Россіи истинною вѣрою, надежду на блаженство вѣчное.—Сладко вспоминать это, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно видѣть въ развалинахъ эту церковь, которой скоро можетъ быть не будетъ и слѣдовъ. Теперь еще можно, бережно разобравъ ея остатокъ, по самому этому плану, изъ тѣхъ же камней, которыхъ кругомъ много лежитъ, съ нѣкоторою прибавкою, возстановить небольшой храмъ въ память безсмертнаго событія, въ свидѣтельство величія Россіи.

Сестренцевичъ (а) утверждаетъ, что супруга Владимірова была не сестра, а племянница Императоровъ Греческихъ, дочь Булгарскаго

(a) Histoire du royaume de la Chersonése Tauridue. Livre V.—

Государя, и что онъ и крестился въ Булгаріи, ссылаясь на Епископа Іоахима, жившаго прежде Нестора, при чемъ прибавляетъ, что самъ Несторъ родился въ Херсонѣ. Но этого нигдѣ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, а о бракѣ Владиміра съ Греческою Царевною писали историки Арабскіе, Византійскіе и Нѣмецкіе (а).

Мнѣ очень было лестно предложеніе посмотрѣть доки, батареи и военный сто-двадцати пушечный корабль.—Не изъ одной праздности, а по глубокому участію во всемъ, отъ чего зависятъ безопасность и польза отечества, желала я взглянуть на заготовляемыя къ тому средства, и, замѣтивъ это, не скучали моими распросами, не смѣялись, что я все записываю, боясь положиться на память мою, нѣкогда чудную, но внезапно убитую сильнымъ испугомъ.—Я записывала все собственно для себя, своими словами; но для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, желаютъ имѣть хотя слабое понятіе о всемъ замѣчательномъ, скажу только, что въ докахъ разомъ можно починивать три корабля и два фрегата, которые изъ корабельной бухты вводятъ по каналу, съ четырьмя воротами и нѣсколькими шлюзами, въ

(а) Исторія Карамзина. Томъ 1, примѣчаніе 452.

огромный бассейнъ, возвышенный надъ моремъ на тридцать футовъ, и тамъ, поставивъ ихъ каждый особо на гранитныхъ подмосткахъ, воду, по которой они приплыли, всю до суха выпускаютъ въ море подземными каналами. Стѣны бассейна, построенныя амфитеатромъ, съ тремя огромными уступами, выложены бѣлымъ камнемъ, а три при нихъ лѣстницы для людей и два ската для лѣсу изъ Крымскаго чрезвычайно прочнаго порфира.

Въ южной бухтѣ совсѣмъ другаго устройства, маленькіе доки для корветъ, пароходовъ и прочихъ мелкихъ судовъ; ихъ тащатъ тамъ, съ помощію людей, машиною по наклоннымъ рельсамъ. — По близости адмиральтейство и магазины съ пятью огромными погребами, въ одномъ изъ которыхъ хранится двѣнатцать тысячь пудовъ масла. Еще предполагаютъ построить пять такихъ погребовъ. Всюду продолжаютъ работать, кладутъ стѣны, срываютъ горы : умъ, знаніе и деньги побѣждаютъ всѣ препятствія. — Мы нѣсколько минутъ стояли у машины, которою бьютъ сваи. Шесть человѣкъ поднимаютъ и опускаютъ, между двумя деревянными столбами, чугунную бабу, въ тридцать пять пудовъ, вертя на колесѣ канатъ.

Вообразить нельзя какъ, просто, скоро и легко она дѣйствуетъ. Все это видя, пріятно вспомнить слова Писанія: «что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію.»

Англичанинъ, подполковникъ Уптонъ, строитель доковъ, не забылъ показать намъ и удивительную свою цитерну, все толкуя очень ясно и понятно. Небольшое зданіе раздѣлено на три части; первое, чрезъ чугунныя трубы, наполняется водою изъ впадающей въ море рѣчки Черной, откуда она переливается въ другое отдѣленіе, въ которомъ слоями насыпаны песокъ и уголь, и тамъ, поднимаясь до круглаго отверстія, течетъ уже совсѣмъ очищенная въ цитерну, а изъ нее, чрезъ подземную трубу, въ краны, изъ которыхъ ее наливаютъ прямо въ корабельныя бочки.

Іюля 17.

Въ восемь часовъ утра отправились мы, съ любезною Елисаветой Максимовной, въ открытой коляскѣ къ обѣднѣ, за двѣнадцать верстъ отъ Севастополя, въ Георгіевскій монастырь. Я много читала и слышала о живописномъ его положеніи на высокомъ морскомъ берегу, и что

стоитъ онъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ знаменитый Діанинъ храмъ, въ которомъ была жрицею Ифигенія, дочь Агамемнона и Клитемнестры (а).—Вспоминая повѣсть эту, я нетерпѣливо желала увидѣть мѣсто, прославленное древними и новыми писателями; но тщетно смотрѣла я во всѣ стороны; только вновь посаженные, вовсе не живописные виноградники и чахлыя миндальныя деревья изрѣдка пересѣкали однообразіе, не совсѣмъ плоской, но не менѣе того скучной степи. Наконецъ показалась колокольня, потомъ вновь строющаяся церковь, при ней нѣсколько памятниковъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи колодезь.—Я хотѣла спросить, кто вздумалъ тутъ селиться, дивясь, что не выбрали красивѣе мѣста; но коляска остановилась у низенькихъ, бѣдныхъ воротъ, надъ которыми прибитъ вызолоченный великомученикъ Георгій на красномъ полѣ, и Елисавета Максимовна сказала, что мы пріѣхали.—Я изумилась. Гдѣ же, подумала я, этотъ дивный, живописный берегъ, издревле знаменитый? Гдѣ бурное море, по которому сюда приплыли Орестъ и Пиладъ? Гдѣ слѣды всѣхъ этихъ преданій, слишкомъ три тысячи лѣтъ воспла-

(а) Siestrzencevicz. Jntroduction.

менявшихъ поэтовъ и историковъ? Неужели все это только снилось мнѣ, или теперь мнѣ снится, что я стою среди изсохшей степи? Я не могла вымолвить слова, не понимала, что со мною происходитъ.

Скоро отворили ворота, но вмѣсто ожидаемой обители увидѣла я только длинный сводъ, какъ будто примыкавшій къ лѣсу, котораго зеленыя вѣтви показались вдали, когда мы стали спускаться по каменнымъ широкимъ ступенямъ. Я спѣшила узнать, куда ведетъ таинственный входъ этотъ и остановилась въ сладостномъ восторгѣ. Какъ будто волшебная сила внезапно перенесла меня въ иной міръ, какъ будто ослѣпшіе глаза мои прозрѣли. Вмѣсто выгорѣвшей, пыльной пустыни, за минуту меня томившей, увидѣла я безграничное, синее море, съ неприступными среди его утесами, съ крутымъ, гористымъ берегомъ, съ густыми вѣковыми деревьями. Отвсюду вѣяла благовонная прохлада; и въ волнахъ морскихъ, и на древесныхъ вѣтвяхъ, и по горамъ играли золотые лучи, падавшіе съ ярко-голубаго неба. Съ каждымъ шагомъ представлялось что нибудь новое, поразительное; на каждой въ низъ ступени шире и шире развивалась дивная, очаровательная картина. Я

устремила глаза къ небу. Сердце мое было полно благоговѣйныхъ чувствъ. Все казалось мнѣ прообразованіемъ того, что ждетъ насъ при смерти. Я воображала, что, какъ теперь пройдя темнымъ сводомъ, внезапно увидѣла я, вмѣсто оставшейся за нимъ печальной, знойной степи, прелестные, богатые берега, такъ, но въ тысячу разъ сладостнѣе будетъ праведнику, когда онъ, оставивъ грустный, бѣдный здѣшній міръ, увидитъ уже не дивное только созданіе Божіе, но самаго Создателя!

Благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ мои размышленія, и мы, оставивъ въ правѣ гору, пошли мимо саду и келій управляющаго монастыремъ, Греческаго митрополита Агафагелла, въ небольшую церковь съ куполомъ и четырьмя столбами у фронтона. Въ ней все просто, но все хорошо. Иконостасъ свѣтлоголубой съ золотомъ, и золотая, по темно синей краскѣ, надъ царскими дверьми надпись: «Утвержденіе на мя надѣющихся. Утверди Господи церковь юже стяжалъ честною своею кровью.»

У правой стѣны на бронзовой доскѣ вырѣзано, когда посѣщали обитель разныя особы Царскаго дома, а на лѣвой погребенъ умершій въ помѣстьѣ его на южномъ берегу князь А. Н.

Голицынъ. Въ ногахъ у него, за стѣною, лежитъ бывшій начальникомъ Новороссійскихъ военныхъ поселеній, графъ Витте. Надъ нимъ прислоненъ къ стѣнѣ камень, на которомъ написано, что онъ былъ генералъ отъ кавалеріи, и родился 1780 года Іюня 24, скончался 1840 года Іюля 4.—Тутъ же подъ стекломъ, довольно уже ветхое печатное изображеніе Спасителя въ черной рамочкѣ, и на ней слова: «Упокой «Господи душу графа Витте.» Эта бѣдная вклада на могилѣ богатаго вельможи, свидѣтельствуя искреннее усердіе, конечно, положена другомъ, о преданности котораго, быть можетъ графъ Витте и не зналъ во время жизни его.

Послѣ обѣдни пригласилъ насъ къ себѣ почтенный Митрополитъ, всегда радушно принимающій богомольцевъ. Онъ живетъ очень просто, какъ истинный отшельникъ, но усердно заботится объ устройствѣ древней обители. Въ ней теперь укрѣпляютъ осыпающійся противъ церкви берегъ, кругомъ подводя стѣны; на верхнихъ уже сдѣлана, прочно и красиво, каменная терраса.—Работники всѣ Русскіе. Камень ломаютъ зимою на вершинѣ горы, и потомъ, когда начинаются работы, спускаютъ въ

ящикахъ на канатахъ по слезямъ, то есть подмосткамъ, на подобіе катальной горы.

Не понимаю, какъ не догадалась я спросить у Митрополита, когда построена обитель, и о ея существованіи во время владычества Татаръ. Въ Россійской Іерархіи объ этомъ ничего не сказано; въ ней только списано изъ географическаго словаря, что Георгіевскій монастырь основанъ Греками, когда еще процвѣталъ Херсонесъ.

Мы побывали въ хорошенькомъ домикѣ, построенномъ для отдыха богомольцевъ на площадкѣ по скату горы между церковью и моремъ. Но мы не рѣшились спуститься до самаго моря: слишкомъ круто. Можно иначе увидѣть монастырь, какъ будто прилѣпленный къ горѣ; стоитъ только войти въ него не въ ворота, а не доѣзжая выше упомянутаго колодезя, поворотить на право. И этотъ видъ очень хорошъ, но его сравнить нельзя съ первымъ. Здѣсь прелестная картина, тамъ райское видѣніе.

И на живописномъ берегу этомъ, гдѣ все возбуждаетъ любовь и признательность ко Всевышнему Творцу, нѣкогда дикіе жители приносили захваченныхъ ими въ плѣнъ

людей въ жертву бездушному истукану. Я бы не пожалѣла объ Ифигеніи, разлученной съ родителями, братьями и женихомъ, если бы привезенная сюда она могла жить здѣсь въ неизвѣстности. Осужденіе ея на казнь за то, что отецъ ея охотясь убилъ дикую козу въ лѣсу, посвященномъ Діанѣ, и особенно требованіе Греческихъ вождей, славившихся умомъ и мужествомъ, чтобы исполненъ былъ безразсудный, звѣрскій приговоръ оракула, разительно доказываютъ, какъ счастливы мы, что живемъ послѣ пришествія Христа Спасителя, узнавъ отъ него истинную вѣру. — Какая Христіанка, даже самая слабая, самая нечувствительная, не предпочтетъ смерти обязанности всегда быть готовою на убійство, обагряться кровью людей, ей вовсе неизвѣстныхъ, ничѣмъ ее не оскорбившихъ. Воспитанная въ язычествѣ, царевна, дочь Агамемнонова, спокойно покорилась страшному ея назначенію, рука ея дрогнула только, когда она узнала, что подъ ножемъ ея стоитъ родной ея братъ. Можно вообразить, съ какимъ трепетомъ, въ эти времена, мимо ужаснаго этого берега проходили суда, прислушиваясь къ воплямъ несчастныхъ,

закалаемыхъ неумолимою жрицею, или встрѣчая носившіеся по морю трупы, которыхъ отрубленныя головы безсмысленные дикари ставили надъ своими жилищами, въ залогъ удачныхъ грабежей (а). Теперь гонимые бурею плаватели съ надеждою обращаютъ глаза на мірный храмъ Христіанскій, гдѣ молятся о спасеніи рода человѣческаго, гдѣ въ темную ночь блестятъ лампады предъ святыми ликами, гдѣ слышно пѣніе иноковъ, прославляющихъ величіе и милосердіе Божіе!

Я не надѣюсь когда нибудь увидѣть природу прелестнѣе какъ въ Георгіевскомъ монастырѣ; едва ли увижу и корабль совершеннѣе корабля двѣнадцати Апостоловъ, который видѣла послѣ обѣда въ тотъ же день. Это цѣлый сокращенный городъ, гдѣ можно найти все желаемое для удовольствія и безопасности, можно танцовать въ прекрасной залѣ, прогуливаться на открытомъ воздухѣ, читать на балконѣ, отдыхать на мягкихъ диванахъ, не страшась бурь, противъ которыхъ приняты всѣ предосторожности, еще менѣе опасаясь непріятелей, для отраженія которыхъ за-

(а) Siestrzencevicz. — Livre I.

готовлены всѣ средства.— И, первое средство вѣра, безъ которой и на морѣ и на землѣ можно внезапно погибнуть. Передъ иконою двѣнадцати Апостоловъ, молитвамъ которыхъ какъ будто особенно порученъ огромный корабль, въ залогъ благоговѣйныхъ чувствъ, безпрестанно горитъ свѣча, и нельзя видѣть равнодушно блестящій издали, тихій свѣтъ, озаряющій лики дивныхъ сподвижниковъ Божественнаго Искупителя.

Сто двадцати пушечный корабль двѣнадцати Апостоловъ въ шесть ярусовъ, и въ немъ можетъ помѣститься тысяча человѣкъ, для которыхъ на четыре мѣсяца заготовляется тридцать тысячь ведръ прѣсной воды и всѣ припасы. Какъ все здѣсь хорошо придумано и распредѣлено! Ничего нѣтъ лишняго, ничего безполезнаго. Напримѣръ, сабли съ одной стороны, какъ обыкновенно, оружіе для защиты или нападенія, съ другой пилы, пилить дерево или что понадобится.—Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривала я машину для спасенія утопающихъ. Это два мѣдные, пустые шара, между которыми зажигается родъ обернутой политурою свѣчи (фальшфейеръ) изъ пороха, селитры и сѣры. Если кто ночью упадетъ въ море, ма-

шина опускается съ удивительною быстротою, и съ зажженнымъ, также въ одно мгновеніе, фальшфейеромъ, который, плавая по морю, горитъ цѣлые полчаса яснымъ, голубоватымъ огнемъ. Видя огонь этотъ, утопающій старается ухватиться за мѣдные шары и его легко поднимаютъ на нихъ.

═

Іюля 18.

Конечно всѣ, кому только извѣстно имя Константина Палеолога, жалѣли о судьбѣ храбраго этого государя, тщетно старавшагося съ горстью людей отразить Турковъ, осаждавшихъ Константинополь, паденіе котораго должно было на многіе вѣка прекраснѣйшія области Христіанскія покорить Магометанамъ, истребившимъ въ нихъ, съ лучшею частью ихъ населенія, науки, художества и богатство.—Геройская смерть послѣдняго Греческаго Императора спасла его отъ позорнаго рабства, и имя его навсегда осталось въ числѣ именъ, прославленныхъ великодушною твердостью. Мнѣ лестно было воображать, что я хожу по слѣдамъ его въ Инкерманѣ, какъ переименовали Турки владѣніе Ѳеодори, откуда былъ Константинъ призванъ

на престолъ Императорскій (а). Онъ зналъ уже, что не на сладкій покой, а на тяжелые труды зовутъ его въ Византію, и великая душа его не позволила ему отказаться отъ вѣнца терноваго. — Покидая Ѳеодори, онъ можетъ быть утѣшался предчувствіемъ, что нѣкогда, послѣ многихъ превратностей, роднымъ его краемъ будутъ владѣть единовѣрные его государи.

Что Ѳеодори въ эти времена принадлежала родственникамъ Греческихъ Императоровъ, подтверждается находящимся въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя, въ принадлежащей графинѣ Лаваль деревнѣ Сабли, неизвѣстно когда и кѣмъ найденномъ камнѣ, съ Греческою надписью 1427 года:

«Довершенъ храмъ сей съ благословенною «крѣпостью, которую нынѣ видите, во дни «господина Алексія владѣтеля города Ѳеодори и «приморскаго берега, и ктитора святыхъ все«ленныхъ Боговѣнчанныхъ великихъ Государей «Константина и Елены, мѣсяца Октября, инди«кта 6, лѣта 6936» (б).

(а) Siestrzencevicz. Livre IV. Thounmann, description de la Crimée.

(б) Сборникъ Кеппена.

Высѣченная на этомъ камнѣ половина двуглаваго орла показываетъ, что Алексій былъ или самъ по себѣ, или по своей супругѣ родственникомъ Императорскимъ. Спустя шесть лѣтъ Алексію удалось овладѣть Балаклавою, принадлежавшею Генуэзцамъ, но послѣдніе обратно взяли ее чрезъ годъ, и наконецъ, въ одно время съ Кафою, и Ѳеодори покорена была Турками въ 1475 году.

Инкерманъ значитъ по Турецки пещерная крѣпость. Названіе это, данное Ѳеодори Турками, показываетъ, что уже тогда существовали высѣченныя въ каменной горѣ церкви, комнаты и лѣстницы, остатки которыхъ привлекаютъ любопытныхъ посѣтителей не менѣе развалинъ самой крѣпости, издревле построенной на вершинѣ горы. Это заставляетъ сомнѣваться въ справедливости мнѣнія, что пещеры эти сдѣланы были гонимыми Христіанами: не вѣроятнѣе ли, что и здѣсь, во время владычества Грековъ, благочестивые отшельники изготовляли себѣ подземныя жилища, какъ у насъ въ Кіевѣ, изъ ревности къ богомыслію, чтобы ничто не развлекало ихъ набожныхъ думъ. Какъ бы то ни было, теперь издалека вся гора представляется какъ древній, нѣкогда много-

людный за́мокъ.—И точно тутъ много могло помѣщаться жителей, и они имѣли не только между собою, но и съ построенною надъ ними крѣпостью свободное сообщеніе, чрезъ вырубленные въ скалѣ переходы и лѣстницы. Костями ихъ, вѣроятно снесенными изъ разныхъ мѣстъ, наполнены небольшія пещеры, мимо которыхъ проходили мы. Я заглянула только въ одну; грустно видѣть эти бѣдные остатки людей, нѣкогда исполненныхъ дѣятельности, чувствъ и мыслей.—Неизвѣстно, были ли при началѣ этихъ трудныхъ, для нашего поколѣнія непостижимыхъ работъ, пробиты здѣсь окна, или послѣ сдѣлались отверстія, въ которыя отъ обвалившихся камней любовалась я прелестными видами на небольшую долину съ остатками дубоваго лѣса, ясеней и вербъ, на маякъ, возвышающійся на совершенно обнаженной и какъ мѣлъ бѣлой горѣ, на рѣчку Черную, по Татарски Чоргунь или Узенъ, на узкую полосу закрытаго отселѣ моря, по которому пріѣхали мы въ адмиральскомъ катерѣ. Всего лучше сохранились здѣсь двѣ церкви, одна маленькая, другая по близости, длиною кромѣ сѣней, въ четыре, а шириною и высотою въ три сажени. Въ стѣнѣ, гдѣ былъ ал-

тарь, прекрасной работы каменный крестъ и остатокъ живописи, изображавшей распятіе Спасителя. Далѣе сохранилась Греческая надпись, которую перевелъ намъ капитанъ Аркасъ. «Господи, спаси раба твоего Ѳому.» Въ церкви этой три арки и были колонны, къ сожалѣнію увезенныя; судя по всему оставшемуся, нельзя сомнѣваться, что онѣ были изящной архитектуры. Такая церковь всюду была бы замѣчательна, но еще удивительнѣе, что она такъ правильно, съ такою легкостью и вкусомъ высѣчена въ каменной скалѣ. Должно сказать, что у Грековъ были неподражаемые зодчіе. Мы пошли изъ церкви въ крѣпость по древней крутой лѣстницѣ, только въ одномъ мѣстѣ подправленной. Отъ бывшихъ здѣсь домовъ цѣлы одни основанія, но по остаткамъ стѣнъ и башенъ можно еще судить, какъ были онѣ величественны: онѣ примкнуты къ неприступному утесу, гдѣ вовсе не было укрѣпленія. Отсюда уже не такъ высоки кажутся горы по ту сторону узкой Инкерманской лощины, и вдали показываются лиловыя горы Балаклавскія.

Сколько было въ древности городовъ на небольшемъ Ираклійскомъ полуостровѣ! Какое было здѣсь населеніе, какое богатство! Все это

разграбили Турки и Татары.—Теперь, вмѣсто Херсона, Ѳеодори и Полакіона, процвѣтаетъ Севастополь, и дивно цвѣтетъ онъ между развалинъ, его окружающихъ, но невозможно, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вознаградить вѣковыя потери, тѣмъ болѣе, что отъ коренныхъ жителей нѣтъ тому никакого содѣйствія. Всѣ мастеровые и рабочіе здѣсь изъ Россіи, которая сама слишкомъ мало населена, чтобы безъ ущерба отдѣлить сюда часть своихъ жителей. Здѣсь некому осушить и болота Инкерманскія, отъ которыхъ, при малѣйшей неосторожности, распространяются заразительныя лихорадки.

На противоположной крѣпости горѣ также церковь и много пещеръ, но мы не имѣли времени посмотрѣть ихъ, и какъ сказывали, онѣ гораздо менѣе любопытны, а попасть въ нихъ гораздо труднѣе. Но мы останавливались у древняго моста, по преданію существующаго со временъ Митридата; онъ былъ о трехъ сводахъ, цѣлъ только одинъ: изумительно, какъ онъ пережилъ столько грабежей и еще сохранилъ красоту свою.—Мы шли пѣшкомъ, чтобы лучше увидѣть какъ ломаютъ бѣлый камень. Употребляемые на это люди идутъ одинъ за другимъ на крутую гору, по вырубленной въ

ней лѣсенкѣ, и отбивая на вершинѣ ея камень, спускаютъ его по веревкамъ, и потомъ водою доставляютъ въ Севастополь. Въ древности камень этотъ возили на постройку въ Грецію.

Сюда былъ сосланъ Святый Климентъ Папа Римскій, ученикъ и преемникъ Апостола Петра, брошенный потомъ въ море, по повелѣнію Императора Траяна, въ 93 году послѣ Рождества Христова, за распространеніе здѣсь вѣры Христіанской. — И этотъ кроткій, любимый народомъ Государь гналъ Христіанъ, не понимая святости вѣры ихъ, увлекаясь злонамѣренными совѣтами. Тѣло священно - мученика отыскано было преданными ему учениками и мощи его долго почивали въ Херсонѣ, откуда часть ихъ была перевезена въ Кіевъ Великимъ Княземъ Владиміромъ, а другая, еще прежде раздѣленія церкви, взята была въ Римъ святымъ епископомъ Константиномъ (а).

Отправившись изъ Инкермана обѣдать на казенную адмиральскую дачу, Новая Голландія, мы прошли по водопроводу въ пробитый въ горѣ каналъ (туннель) для доставленія воды

(а) Карамзинъ. Томъ I. Примѣчаніе 457.

изъ Черной рѣчки въ новую цитерну и въ корабельные бассейны; Монтандонъ пишетъ, что онъ длиною сто двадцать сажень, но здѣсь сказали мнѣ, что сто сорокъ. Его работали около двухъ лѣтъ, начавъ съ обѣихъ сторонъ, и такъ хорошо было разсчитано, что по срединѣ вышло разницы только на три пальца. Услышавъ голоса товарищей, работники очень обрадовались, и дружески обнялись, когда упали между ними послѣдніе камни.—Еще водопроводъ при здѣшнемъ загородномъ садѣ, въ прекрасной лощинѣ, по здѣшнему балкѣ, между двумя горами, названной въ память нѣкогда бывшаго командира порта, Ушаковой балкой. Тамъ въ назначенные дни танцуютъ въ просторной и высокой залѣ съ хорами, на которыхъ играютъ музыканты. Сильный жаръ не позволяетъ сбираться прежде солнечнаго заката, и тогда всѣ пріѣзжаютъ водою. Пристань у самаго водопровода, бѣлыя арки котораго издалека рисуются на темной зелени, а изъ саду сквозь нихъ видно море, что съ обѣихъ сторонъ прекрасно. Садъ не широкъ, но длиненъ и хорошо разросся, какъ по крайней мѣрѣ показалось намъ при свѣтѣ двухъ большихъ фонарей, съ которыми мы въ немъ поздно гуляли.

Адмиралъ Авиновъ самъ проводилъ насъ въ городъ въ своей гичкѣ. Ночь была чудесная; звѣзды, какъ крупные алмазы блестѣвшія на небѣ, не отражались въ зеркальномъ морѣ, но берегъ его, какъ темная рама, отдѣлялъ его отъ неба. Дружные удары веселъ взбрасывали около насъ густую, серебряную пѣну и мы покойно и быстро подвигались впередъ между стоявшимъ флотомъ и по горѣвшимъ на судахъ огнямъ адмиралъ тотчасъ могъ знать, гдѣ что происходитъ.—Не могу вообразить, чтобы въ Греціи или Италіи были ночи прелестнѣе этой ночи Севастопольской. Я наслаждалась ею, какъ наслаждалась вчера обворожительнымъ мѣстоположеніемъ Георгіевскаго монастыря! Я дивилась величію Божію, отъ всей души благословляла Всемогущаго Творца за такія сладостныя минуты!

Мы вышли на берегъ у Екатерининской пристани, широкой и величественной, хотя и невысокой. Ее очень украсятъ приготовляемыя на нее колонны. Противъ нее, такъ называемый дворецъ, небольшой и вовсе не роскошный домикъ, въ которомъ останавливалась Екатерина II, и откуда она въ первые увидѣла созданный здѣсь княземъ Потемкинымъ флотъ, при са-

момъ началѣ его обѣщавшій, что судьба Турціи впредь будетъ зависѣть отъ воли Россійскихъ Государей.

═

Іюля 19.

Мы располагались сегодня выѣхать, но любезные хозяева наши пригласили насъ пробыть еще день, чтобы посмотрѣть, какъ пойдетъ въ море флотъ, чего мнѣ еще не случалось видѣть, и едва ли когда нибудь увижу, и мы, пользуясь временемъ, взглянули на вновь построенное, огромное укрѣпленіе Николаевское, въ двѣсти пятьдесятъ саженъ длиною, съ морской стороны унизанное пушками. Укрѣпленія Александровское и Константиновское не такъ обширны, но со многими другими обѣщаютъ, сколько можно полагаться на трудъ человѣческій, всегдашнюю безопасность Севастополю и всей южной Россіи.

По святому обычаю Русскому, въ Николаевскомъ укрѣпленіи устроенъ огромный краснаго дерева кіотъ, въ сажень шириною, и въ немъ стоитъ образъ святыя Троицы въ раззолоченомъ, прекраснѣйшей работы окладѣ, сооруженный въ 1835 году инженернаго корпу-

са военнорабочими № 14 роты.—Мнѣ казалось, что надъ нимъ носится благословеніе Божіе—и я глубоко тронута была усердіемъ людей этихъ, которые, не отъ избытка своего, но изъ трудовыхъ своихъ копѣекъ, по горячей своей вѣрѣ, стремились украсить святое изображеніе Того чья десница охраняетъ Царей и Царства.

Противъ Николаевскаго укрѣпленія, на горѣ, памятникъ храброму Казарскому. Къ сожалѣнію прекрасная мысль неудачно исполнена; можно похвалить только вокругъ рѣшетку и надпись:

Казарскому.

Потомству въ примѣръ.

Туть и новый булеваръ съ красивою Китайскою бесѣдкою, откуда во всѣ стороны прелестные виды. Севастополь расположенъ очень живописно, по скатамъ горъ, надъ моремъ: мы любовались имъ изъ разныхъ мѣстъ, но намъ сказали, что мы не видали его во всей его красѣ, потому что къ несчастью недавно сгорѣла стоявшая на высшей точкѣ общественная библіотека, откуда весь городъ съ его окрестностями представлялся какъ дивная, живая панорама.

Мы слушали всенощную въ церкви Петра и Павла. Она недавно построена по плану Тезеева храма въ Аѳинахъ, рисунки котораго всѣ видали. Прекрасное и обширное зданіе; но только близко виденъ надъ фронтономъ золотой крестъ, и можно разсмотрѣть, что стоящія у входа бѣлыя мраморныя статуи изображаютъ святыхъ Апостоловъ. Архитектура Византійская несравненно величественнѣе для храмовъ Божіихъ, совершенно отличая ихъ отъ жилищъ человѣческихъ.

Въ Севастополѣ недешево жить; нынче, лѣтомъ, коровье масло шестнадцать рублей пудъ, а сѣно восемьдесятъ копѣекъ. Но здѣсь можно пріятно проводить время, и нельзя сомнѣваться, что моряки очень между собою согласны, увидя въ домѣ дворянскаго собранія нѣсколько комнатъ, назначенныхъ для пріѣзжающихъ на службу офицеровъ, пока не пріищутъ они квартиру. Истинно братское попеченіе! — Зала собранія здѣсь необыкновенная; съ двухъ сторонъ въ ней по восьми оконъ, но только въ верху, потому что она среди строенья и одна въ два этажа. Это прекрасно; на балахъ не должно бояться простуды и легче освѣтить.—Тутъ разводятъ и маленькій садъ. Сады тѣмъ здѣсь прі-

ятнѣе, что около города почти вовсе нѣтъ зелени. При домѣ командира порта садъ въ нѣсколько уступовъ, какъ въ Бакчисараѣ, обсаженъ виноградомъ и плодовитыми деревьями.—Всего лучше разросся здѣсь старый бульваръ. На краю его, изъ обнесенной перилами, открытой бесѣдки видны городъ, море, и долина съ небольшими домиками и садами у подошвы безплодныхъ горъ. Я тутъ вечеромъ долго сидѣла, и слушая музыку вспоминала роднаго брата моего Павла Петровича, воспитаннаго въ морскомъ корпусѣ, гдѣ онъ въ 1805 году былъ первымъ кадетомъ, и Апрѣля шестаго, прослуживъ одну кампанію, произведенъ былъ въ мичмана. — Удостоивъ меня въ Смольномъ Своимъ милостивымъ вниманіемъ, Августѣйшая моя благодѣтельница, Императрица Марія Ѳеодоровна, изволила сказать мнѣ, что Она не можетъ ничего пожелать мнѣ лучшаго, какъ быть достойною сестрою моего брата. При необыкновенномъ умѣ, онъ былъ очень добръ и чувствителенъ, и одаренный прекрасною наружностью, глубоко былъ преданъ престолу и отечеству.—Ранняя кончина его сразила нашихъ родителей, уничтоживъ самыя вѣрныя надежды ихъ, и я въ продолже-

ніе многихъ лѣтъ не могла вспоминать о немъ безъ душевнаго волненія.—Теперь, устарѣвъ, страшусь жалѣть, что милый мой братъ въ цвѣтущей юности призванъ былъ насладиться вѣчными радостями.—Въ Севастополѣ, и прежде въ Николаевѣ неоднажды воображала я, что онъ бы могъ жить здѣсь, и оба эти города, гдѣ я принята была съ истиннымъ Рускимъ радушіемъ, оставили мнѣ особенное, какъ будто родственное воспоминаніе.

═

Іюля 20.

Мы пріѣхали немного поздно смотрѣть отправленіе флота. Корабли уже уходили одинъ за другимъ, съ распущенными кругомъ парусами, и удаляясь каждый изъ нихъ совершенно измѣнялся, иной можно было почесть старинною церковью со множествомъ главъ, другой походилъ на купу раинъ.—Прекрасно и величественно рисовались они на голубомъ небѣ, то бѣлѣли на солнцѣ какъ мраморный обелискъ, то представлялись въ тѣни, какъ древняя развалина.—Дивное созданіе ума и рукъ человѣче-

скихъ! Сами люди, какъ бы ни искусно плавали они, только нѣсколько часовъ могутъ держаться на водѣ, а сооруженное ими огромное судно съ сотнями людей, съ десятками пушекъ, съ тысячами ядеръ, безопасно обтекаетъ весь извѣстный міръ.

IX.

БАЛАКЛАВА, БАЙДАРЫ, АЛУПКА, МИСХОРЪ, ГАСПРА.

Iюля 20.

Отъ Севастополя до Балаклавы двѣнадцать верстъ; дорога идетъ по холмамъ, которые, постепенно возвышаясь, становятся настоящими горами. У подошвы ихъ разсѣяны хутора и виноградники, и изъ-за голыхъ, каменистыхъ вершинъ, различно расцвѣченныхъ солнечными

лучами, какъ призраки мелькаютъ горы южнаго берега, то грозно выставляясь, то совершенно исчезая, то какъ будто ласково маня къ себѣ путешественника.

Не встрѣтивъ ни одного живаго существа, мы вдругъ, подъѣзжая къ Балаклавѣ, увидѣли множество людей, въ праздничныхъ нарядахъ, поднимавшихся на высокую гору. Послѣ узнали мы, что они шли къ обѣднѣ, и я очень пожалѣла, что не пошла съ ними помолиться святому пророку Илiѣ, особенно почитаемому на моей родинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣла бы я вблизи этихъ Грековъ, отцы которыхъ, поселившись въ Россiи, передали дѣтямъ своимъ вѣрность свою и преданность новому отечеству.—Во время войны съ Турками, когда флотъ нашъ, подъ начальствомъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, находился въ Архипелагѣ, Греки участвовали почти во всѣхъ сраженiяхъ, и вообще оказали много услугъ Русскимъ, за что по отбытiи войскъ нашихъ грозило имъ жестокое мщенiе. Прежде, неоднажды, писавъ объ этомъ храброму Греческому капитану Мавримихали, графъ Орловъ Чесменскiй, передъ отъѣздомъ своимъ, торжественно объявилъ, что Императрица Екатерина желающимъ по-

селиться въ Россіи Грекамъ обѣщаетъ всѣ нужныя пособія и многія выгоды. Это было подтверждено указомъ Императрицы на имя графа, даннымъ въ Москвѣ 1775 года Марта 28, и нѣсколько семействъ тотчасъ этимъ воспользовались. Но не успѣвъ еще устроиться въ присоединенныхъ предъ тѣмъ къ Россіи городахъ Керчи иЕниколѣ, Греки, подъ именемъ Албанскаго войска, съ величайшимъ усердіемъ и мужествомъ содѣйствовали покоренію Крыма, и испытанная вѣрность ихъ заставила князя Потемкина поручить имъ охраненіе береговъ, отъ Севастополя до Ѳеодосіи, на разстояніи трехъ сотъ верстъ, для чего и перемѣстили ихъ въ Балаклаву, гдѣ имъ отвели земли и назначили отъ казны содержаніе. — Съ тѣхъ поръ, неусыпно охраняя Тавриду, особенно важную услугу оказали Греки въ 1812 году, когда, во время нашествія Французовъ, Крымскіе Татары, забывъ благодѣянія Русскихъ Государей, по враждѣ къ Христіанамъ вздумали отложиться отъ Россіи. Изумивъ ихъ внезапнымъ нападеніемъ, бывшій тогда начальникомъ Балаклавскаго батальона, Ѳеодосій Ревоіоти съ храбрыми своими сподвижниками разсѣялъ собиравшихся мятежниковъ, и уничтожилъ

злые умыслы (а). Справедливымъ за это воздаяніемъ были разныя милости въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича, которыя онъ еще усугубилъ въ двукратную бытность свою въ Крыму.—Благополучно царствующій Государь также облагодѣтельствовалъ Балаклавцевъ во время Его пребыванія на южномъ берегу съ Государыней Императрицей. Теперь собственно въ Балаклавѣ жителей мужеска пола слишкомъ триста, а со всѣми принадлежащими къ баталіону деревнями около девяти сотъ, и ими пополняются двѣ роты, съ 1842 года находящіяся на службѣ въ крѣпости Новороссійскѣ, на восточномъ берегу Чернаго моря.

Капитанъ Аркасъ проводилъ насъ и въ Балаклаву, гдѣ мы, познакомившись съ командиромъ баталіона М. А. Манто и его семействомъ, оставили у нихъ карету, и взявъ толстыя палки, отправились посмотрѣть развалины крѣпости, которая, по увѣренію историковъ, первоначально была основана и названа Полакіонъ Полакомъ, сыномъ Тавро-Скиѳскаго Царя Скилура (б), того самаго, о которомъ разсказываютъ, что онъ,

(а) Записки Одесскаго общества исторіи и древностей.

(б) Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму.—Бларамбергъ и пр.

передъ смертью, предлагалъ сыновьямъ своимъ переломить пукъ связанныхъ стрѣлъ, чего не могъ ни одинъ сдѣлать, но потомъ, когда развязали стрѣлы, они тотчасъ по одиночкѣ переломали ихъ, и это было имъ совѣтомъ жить въ тѣсномъ между собою союзѣ, чтó одно могло упрочить ихъ спокойствіе.

Пріѣзжающіе сюда путешественники не всегда рѣшаются взойти на самый верхъ горы, и конечно бы я на это не рѣшилась, если бы могла вообразить, что какъ ни трудно подниматься на крутую гору по мелкому камню, который скользитъ и катится подъ ногами, но еще несравненно труднѣе спускаться въ низъ. Проходя мимо, мы остановились посмотрѣть издревле знаменитую бухту, около которой такъ чудно изгибаются горы, что она совершенно похожа на Французкую букву Z, и увидя ее подъѣзжая къ Балаклавѣ, думаешь, что тутъ озерко, но она такъ глубока, что въ ней стоятъ большіе корабли, спасаясь отъ бурь.—Поднявшись нѣсколько, мы пошли ущельемъ и опять стали подниматься. Шедшій впереди Греческій солдатъ, котораго Монтандонъ и многіе зовутъ Арнаутами, какъ въ началѣ злобясь на нихъ ихъ прозвали Татары, въ слухъ разсуждалъ

самъ съ собою, довольно чисто по Русски, что онъ не постигаетъ, какъ женщины лѣзутъ туда, гдѣ рѣдко и мужчины отваживаются ходить. Но мы отъ него не отставали. Скоро бухта и ближайшія къ ней башни скрылись изъ глазъ у насъ, и только видны были, на самой высотѣ, часть крѣпости и кругомъ безплодныя горы. Пустынный видъ этотъ наводилъ грусть, и показавшійся маленькій виноградникъ Балаклавскаго унтеръ-офицера, былъ пріятнымъ развлеченіемъ. Наконецъ, достигнувъ вершины, мы были вполнѣ награждены эа трудный путь; море широко развернулось передъ нами, и вовсе некрасивый въ низу городокъ явился надъ бухтою, какъ прекрасная, обширная картина, съ отдаленною Греческою деревнею Кадикой, и близкими къ намъ скалами, пересѣкавшими одна другую.

Весело мнѣ было, что у меня достало силъ взойти на такую крутизну, о чемъ за два мѣсяца я не могла бы и подумать, но нужно было отдохнуть. Я сѣла на камнѣ, и прислонясь къ древней стѣнѣ тотчасъ записала все, что видѣла. Шедшее вдали судно боролось съ вѣтромъ, но у насъ было тихо, и мы съ полнымъ удовольствіемъ осмотрѣли хорошо сохранившуюся,

высокую, круглую башню. Въ ней нѣтъ ни дверей, ни лѣстницы, только въ три ряда окна, въ верху одно, пониже два, и наконецъ въ низу три, но и послѣднія довольно высоки. Въ одно изъ нихъ влѣзъ Татаринъ, упираясь ногами въ небольшія разсѣлины стѣнъ, и, нагнувшись оттуда, подалъ мнѣ руку, мнѣ помогли съ низу, и я сама очутилась въ древней башнѣ, посреди которой цитерна. Вѣроятно въ ней накоплялась вода чрезъ подземныя трубы изъ какого нибудъ на горѣ ключа. Жаль, что я не распросила объ этомъ нашего добраго, всезнающаго спутника, но когда видишь такое множество новыхъ, любопытныхъ предметовъ, и глаза и мысли разбѣгаются. Въ башнѣ этой еще цѣлы четыре балки вверху, и двѣ въ низу, по которымъ, какъ и по окнамъ, нельзя сомнѣваться, что она была въ три этажа. Потолокъ сводомъ изъ тесаныхъ камней, точно склеенныхъ между собою.—Мы пришли сюда въ ворота, а потомъ пошли между полуобрушившимися стѣнами. Одна изъ нихъ, простираясь до самаго края утеса, виситъ на нѣсколько саженъ далѣе, безъ всякой поддержки. Вѣроятно тутъ обрушилась подъ нею гора; тѣмъ болѣе должно дивиться искусству строителей, къ сожалѣнію теперь забытому. Едва ли и

БАЛАКЛАВА, ВЪ ДРЕВНОСТИ ПАЛАКІОНЪ.

высокую, круглую башню. Въ ней нѣтъ ни дверей, ни лѣстницы, только въ три ряда окна; въ верху одно, пониже два, и наконецъ въ низу три, но и послѣднія довольно высоки. Въ одно изъ нихъ влѣзъ Татаринъ, упираясь ногами въ небольшія разсѣлины стѣнъ, и, нагнувшись оттуда, подалъ мнѣ руку, мнѣ помогли съ низу, и я сама очутилась въ древней башнѣ, посреди которой цитерна. Вѣроятно въ ней накоплялась вода чрезъ подземныя трубы изъ какого нибудь на горѣ ключа. Жаль, что я не распросила объ этомъ нашего добраго, всезнающаго спутника, но когда видишь такое множество новыхъ, любопытныхъ предметовъ, и глаза и мысли разбѣгаются. Въ башнѣ этой еще цѣлы четыре балки вверху, и двѣ въ низу, по которымъ, какъ и по окнамъ, нельзя сомнѣваться, что она была въ три этажа. Потолокъ сводомъ изъ тесаныхъ камней, точно слеенныхъ между собою.—Мы пришли сюда въ ворота, а потомъ пошли между полуобрушившимися стѣнами. Одна изъ нихъ, простираясь до самаго края утеса, виситъ на нѣсколько саженъ далѣе, безъ всякой поддержки. Вѣроятно тутъ обрушилась подъ нею гора; тѣмъ болѣе должно дивиться искусству строителей, къ сожалѣнію теперь забытому. Едва ли и

БАЛАКЛАВА, ВЪ ДРЕВНОСТИ ПАЛАКІЮНЪ.

въ Англіи и во Франціи новыя постройки выдержатъ такое испытаніе.

Поднявшійся вдругъ вѣтеръ не позволилъ намъ обойти всю крѣпость, только издали видѣли мы древнюю церковь Генуэзскую и четыреугольную башню, въ которой Крымскій Ханъ Сайдетъ-Гирей держалъ въ заключеніи роднаго брата своего Саипъ-Гирея, бывшаго Царемъ Казанскимъ, и который потомъ царствовалъ въ Крыму. — Въ это время, въ началѣ XVI вѣка, Турецкіе Султаны назначали уже Хановъ и почти ни одинъ изъ нихъ не владѣлъ спокойно; герой Бакчисарайскаго фонтана, роскошный Керимъ-Гирей, четыре года провелъ въ изгнаніи, и многіе, нѣсколько разъ бывъ сосланы, возвращались царствовать. Это какъ будто сдѣлалось игрою для Султановъ и для Татаръ, въ которой не столько успѣвали люди даровитые, какъ смѣльчаки и проныры.

Вѣтеръ такъ усилился, что невозможно было воротиться прежнею дорогою, отъ которой мы были слишкомъ далеко, и, пославъ за лодкою, мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ могла она пристать. Не могу вспомнить объ этомъ безъ ужаса; надъ нами, подъ нами, торчали камни; должно было лѣпиться около нихъ, по ихъ закра-

инамъ, гдѣ не всегда могла помѣститься нога, и если бы камень оторвался, еслибы закружилась голова, мы бы упали въ открытыя передъ нами страшныя пропасти.—Сердце мое леденѣло, но я не дрожала; я понимала, что отъ малѣйшаго содроганія могу потерять равновѣсіе, и напрягая всѣ силы души моей подвигалась впередъ за капитаномъ Аркасомъ, который держалъ меня за руку, оберегая съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ увѣрялъ, что мы сойдемъ въ низъ благополучно, но вой вѣтра, заглушая голосъ его, умножалъ мое уныніе; я готова была остановиться и закрывъ глаза отдаться на произволъ судьбы; — вдругъ почувствовала я, что кто-то схватилъ меня за другую руку, и оглянувшись увидѣла знакомаго Татарина, на котораго опершись я нѣсколько ободрилась, хотя и самъ онъ казался встревоженъ.

Когда мы сѣли въ лодку, я не могла промолвить ни слова, но я уже не боялась, меня не страшилъ сильный вѣтеръ, онъ не грозилъ прежними муками.—Приставъ къ берегу, мы прямо пошли въ каменную церковь чудотворца Николая. — Я не могла ничего разсмотрѣть въ ней, не слыхала привѣтствія Греческаго священника, даже не могла молиться, какъ буд-

то забыла всѣ молитвы. Я только чувствовала, что спасена отъ страшной смерти, что изъ-за меня не погибнутъ мои товарищи; я помнила только, что я въ святомъ храмѣ, гдѣ возсылаются молитвы Богу Христіанскому, Богу милосердія и любви, который прежде насъ самихъ знаетъ о чемъ хотимъ просить Его, что чувствуемъ и мыслимъ.

Мы всѣ пріятно отдохнули въ домѣ М. А. Манто, куда проводилъ насъ и священникъ. — За обѣдомъ ѣли мы какую-то зелень съ ранжевыми сѣменами, похожую на самую нѣжную капусту, и вкусныхъ морскихъ ершей: сами они невелики, но съ пребольшими головами. Въ Балаклавской бухтѣ много рыбы, которую загоняютъ въ нее дельфины. — Послѣ обѣда, услужливый хозяинъ позвалъ унтеръ-офицера Греческаго батальона въ полномъ вооруженіи, которое они должны имѣть собственное. За плечами у него былъ въ сумкѣ Турецкій пистолетъ, доставшійся отъ прадѣда вмѣстѣ съ саблею, украшенною серебряною чеканкою, и онъ держалъ Албанское ружье, длиннѣе Русскихъ, и не одинаковое съ солдатскими.

Поговоривъ съ юношею, по лицу котораго тотчасъ можно было угадать благородное его

происхожденіе, мы пошли, со всѣми добрыми нашими знакомыми, гулять по городу. Улицы въ немъ очень узкія, не разъѣхаться двумъ каретамъ, и здѣсь, какъ въ Бакчисараѣ, работаютъ и пекутъ въ открытыхъ лавкахъ.—Когда Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи, здѣшніе Татары разошлись, только остались ихъ обычаи. Опустѣлые дома ихъ отданы были Грекамъ. Мы заходили къ двумъ отставнымъ солдатамъ. Ихъ живетъ четверо на маленькомъ дворикѣ; у каждаго особое крыльцо, около котораго, по связаннымъ веревками кольямъ, вьется виноградъ со множествомъ плода, теперь еще зеленаго; прелестное убѣжище отъ жару, какого въ нашихъ краяхъ не можетъ имѣть ни одинъ богачъ. Въ верхнихъ горницахъ нѣтъ потолка; прямо кровля, какъ и стѣны, хорошо выбѣленая; вообще все очень чисто, хотя полъ и земляный. Лучшее убранство образа, предъ которыми горятъ лампады: Греки очень набожны, и это облагороживаетъ всѣ ихъ движенія.—Жаль, что женщины оставляютъ прекрасный нарядъ свой; мы видѣли только одну благородную Гречанку, одѣтую по своему, что несравненно красивѣе мимолетныхъ Французскихъ модъ. Простыя женщины и дѣвушки одѣ-

ты здѣсь какъ наши горничныя, только у первыхъ на головахъ платки и по нимъ обвиваются косы.

═══

Іюля 21.

Отъ Балаклавы до Байдаръ двадцать двѣ версты. Дорога гористая; съ начала показывается мелкій, потомъ и строевый лѣсъ. На горѣ, откуда съ хорошими глазами можно видѣть Севастопольскіе маяки, окруженная тополями маленькая часовня Іоанна Предтечи съ колодцемъ. Прошлаго года убили въ ней сторожа и съ тѣхъ поръ она заперта.—Преступники легко могутъ скрываться здѣсь въ горахъ, по большей части покрытыхъ лѣсомъ.

Въ полуверстѣ отъ дороги отдѣлываютъ дачу министра внутреннихъ дѣлъ, Льва Алексѣевича Перовскаго. Я всходила на самый верхъ башни, откуда видны Байдары, но уже смеркалось и ничего нельзя было разсмотрѣть между густыми, гористыми лѣсами. Здѣсь растутъ разнаго рода дубъ, ясень, букъ, липа, грабина, но Крымскій лѣсъ вообще не такъ прямъ, какъ у насъ и очень коробится, хотя его долго сушатъ. Его болѣе употребляютъ для кораблей и на

столярную работу: строятъ по большей части изъ Русскаго лѣса.

Кто не слыхалъ о Байдарской долинѣ, прославленной путешественниками едва ли не болѣе издревле знаменитой долины Темпейской. Послѣдней я не видала и конечно никогда не увижу, но признаюсь, что, окруженная горами, долина Байдарская не сдѣлала на меня особеннаго впечатлѣнія. Это произошло, можетъ быть, и отъ того, что я слишкомъ много ожидала, или отъ того, что очень устала въ Балаклавѣ. Но я хорошо отдохнула въ Байдарахъ, гдѣ мы нашли за умѣренную цѣну покойный ночлегъ у стараго Грека.

Выѣхавъ рано утромъ, мы долго видѣли долину съ ея пашнями и садами, по извилистой дорогѣ, поднимаясь на горы, кругомъ выступающія съ ихъ обнаженными вершинами.

Съ особеннымъ удовольствіемъ познакомилась я въ Севастополѣ съ бывшимъ Таврическимъ губернаторомъ, нынѣшнимъ губернскимъ предводителемъ А. И. Казначеевымъ, и онъ далъ мнѣ записку о всемъ, что мы увидимъ по дорогѣ, до возврата въ Симферополь. Прочитавъ въ ней, что за нѣсколько верстъ отъ Байдаръ строятся ворота въ рай, то есть

на южный берегъ, я обрадовалась, увидя приготовляемые для этого камни Русскими работниками, и чтобы лучше насладиться ожидаемою восхитительною картиною земнаго рая, мы вышли изъ кареты. Насъ тотчасъ окружили Русскіе мужички, благодаря Бога, что видятъ пріѣзжихъ изъ Россіи, и могутъ объ ней поговорить. Высокая плата привлекаетъ ихъ въ Крымъ, но они скучаютъ по Россіи, гдѣ все имъ кажется гораздо лучше, люди умнѣе и добрѣе, пища вкуснѣе и питательнѣе, воздухъ здоровѣе.—Они проводили насъ съ пол-версты и разстались съ нами какъ съ родными.—Никогда не забуду я этой встрѣчи. Это были не грубые, закоснѣлые дикари, безотчетно вздыхающіе о скучной, суровой родинѣ, это были люди исполненные высокихъ, пламенныхъ чувствъ. Для пользы семействъ своихъ покинули они родной край, но никакія выгоды не могли имъ замѣнить его. Приходя сюда обыкновенно на три года, они нетерпѣливо ждутъ возращенія домой, гдѣ не выгораетъ отъ солнца трава, гдѣ нѣтъ страшныхъ, безплодныхъ горъ, гдѣ говорятъ однимъ съ ними языкомъ, гдѣ особенно всѣ молятся одному Богу, гдѣ такъ красивы воздвигнутые Ему храмы.—Великъ народъ нашъ! Ма-

лѣйшее участіе, ласковое слово глубоко его трогаютъ. Онъ готовъ всюду идти за тѣмъ, кто подобно ему благоговѣетъ къ вѣрѣ Православной, кто истинно преданъ Царю и отечеству. И какъ мало ему нужно, чтобы удовлетворить нужды его. Съ такимъ народомъ нетрудно покорить міръ и утвердить въ немъ счастіе!

Почтовая дорога по южному берегу идетъ на половинѣ горнаго хребта, называемаго Яйлою, который опоясываетъ море. Когда увидѣла я эти горы, какъ неприступныя, огромныя, каменныя стѣны возвышавшіяся съ лѣвой стороны, а съ правой безбрежное море, и между нимъ и дорогою громады скалъ, на краю которыхъ, ничѣмъ еще не огражденномъ, помчалась четвероместная наша карета по твердому, гладкому шоссе, у меня захватило духъ. Я долго молчала. —Развѣ потому только, сказала я наконецъ моей спутницѣ, также изумленной и испуганной, какъ я сама, можно назвать берегъ этотъ раемъ, что здѣсь трудно и опасно ѣхать, какъ трудно достигать царствія небеснаго среди искушеній мірскихъ!

Я совсѣмъ не того ожидала. Отъ раскинутыхъ по морскому берегу прелестныхъ, какъ всѣ увѣряютъ, дачь, видны съ дороги толь-

ко кровли; виноградники при нихъ кажутся капустниками, сады мелкимъ кустарникомъ, сгорѣвшія всюду травы рыжимъ пескомъ. И въ добавокъ къ этой грустной картинѣ, недалеко отъ воротъ, противъ Фороса, имѣнія Нарышкина, навалены по дорогѣ огромные камни, прошлаго года оторвавшіеся отъ горъ, промытыхъ дождями, съ ужаснымъ стремленіемъ льющимися съ крутыхъ ихъ вершинъ.

Мы медленно подвигались впередъ. За нѣсколько дней на Байдарской долинѣ, на совершенно ровномъ мѣстѣ, уронили карету Николая Михайловича Лонгинова, и самъ онъ тяжело ушибся: боясь этого, мы на каждомъ крутомъ поворотѣ или спускѣ шли пѣшкомъ. Это было гораздо легче, нежели воображать, что малѣйшая неосторожность ямщика можетъ опрокинуть насъ между торчавшими острыми скалами, отъ которыхъ отдѣляло насъ самое малое разстояніе, совершенно исчезавшее, когда сидѣли мы въ каретѣ.—Нѣсколько минутъ стояла я среди чудныхъ, поразительныхъ картинъ у деревяннаго креста, гдѣ въ 1834 году оторвавшаяся скала увлекла съ собою четырехъ солдатъ, работавшихъ на дорогѣ; истер-

занныя тѣла ихъ тутъ и погребены.—Объѣзжая свою епархію, Таврическій архіепископъ Гавріилъ отслужилъ здѣсь литію. Можно вообразить, какъ было величественно моленіе святителя надъ бездною морскою, подъ навѣсомъ исполинскихъ горъ! Картина, достойная краснорѣчиваго пера и знаменитой кисти! Съ тѣхъ поръ дорога отнесена далѣе на лѣво, и для большей безопасности въ одномъ мѣстѣ пробиваютъ ее въ скалѣ. Мы видѣли, какъ въ нее вколачивали длинныя желѣзныя палки, и вынувъ ихъ насыпали туда пороху, послѣ чего, когда, въ слѣдъ за нами, вышли работники, одинъ изъ нихъ осторожно зажегъ порохъ, и чрезъ минуту отъ распавшихся камней точно раздались выстрѣлы, и изъ пробитаго сводомъ отверстія пошелъ густой дымъ.

Проѣхавъ мимо Мердвена огромной, каменной лѣстницы между двумя скалами, по которой можно взбираться пѣшкомъ и верхомъ на Яйлу, но куда не допустилъ насъ слишкомъ осторожный проводникъ нашъ, увидѣли мы на полугорѣ къ морю небольшую дачу. Намъ сказали, что она принадлежитъ генеральшѣ Бюрно, и я, умирая отъ жажды,

послала попросить воды. Пригласивъ насъ къ себѣ, привѣтливая хозяйка подчивала насъ шелковицею, сливами и простоквашей. Мужъ ея на Кавказѣ, и она живетъ одна съ маленькою дочерью. По просьбѣ моей, показала она мнѣ садъ свой и огородъ; все въ нихъ поблекло и завяло отъ жару, и нельзя пособить этому: выработавъ рубль, лѣнивые Татары ни за какія деньги не примутся за работу, пока опять нечего будетъ ѣсть. Впрочемъ, эта сторона южнаго берега считается еще почти дикою, и мы очень довольны, что все лучшее у насъ впереди.

═

Іюля 21.

Чтобы вполнѣ оцѣнить дивную Тавриду, должно ѣхать верхомъ, или въ самомъ легкомъ экипажѣ, заѣзжая всюду, гдѣ замѣтно что нибудь привлекательное. Съ большой дороги, какъ я уже сказала, видны однѣ кровли приморскихъ дачь, и невозможность попасть туда истинно томительна. Я часто заглядывала въ листокъ А. И. Казначеева, и когда показалась въ дали Алупка, прочла съ большимъ удовольствіемъ, что туда спускаются въ каретѣ, только

должно ее подтормозить. — Алупка нѣсколько разъ показывалась и скрывалась, но я уже не тревожилась, что мы ее не увидимъ, и приближаясь къ ней любовалась чудною, прелестною архитектурою за́мка, которому въ Россіи нѣтъ подобнаго. Немного остается у насъ и вельможъ, живущихъ, какъ живетъ князь Воронцовъ. Посѣтители помѣстья, имъ созданнаго и украшеннаго, и въ его отсутствіе пользуются его гостепріимствомъ. Насъ приняли въ томъ домѣ, гдѣ онъ самъ жилъ до построенія за́мка, и въ продолженіе двухъ сутокъ, проведенныхъ нами въ Алупкѣ, угощали съ Русскимъ, боярскимъ радушіемъ. Я этому не удивилась,—мнѣ казалось иначе не могло быть въ домѣ князя Михайла Семеновича.

Не знаю, что болѣе достойно здѣсь любопытства и удивленія: обширный ли за́мокъ, сооруженный по плану Англійскаго архитектора Русскими работниками, изъ Крымскаго порфира, твердость котораго не могутъ сокрушить вѣка, или пространные сады съ деревьями и цвѣтами, о которыхъ даже не слыхать на сѣверѣ, которыхъ прелесть нельзя вообразить, не видавъ ихъ. За́мокъ готовили къ пріѣзду Великаго Князя Константина Николаевича, но и въ

неубранныхъ, пустыхъ комнатахъ весело было ходить, любуясь изъ оконъ дивною природою. Въ гостиной (а), во всю ширину дома, съ лѣпными, по голубымъ стѣнамъ и потолку бѣлыми цвѣтами, съ одной стороны видъ на море, съ другой на возвышающійся между Яйлою, почти на шесть сотъ саженъ отъ морской поверхности, каменный исполинъ Ай-Петри.—Въ столовой съ необыкновеннымъ дубовымъ потолкомъ, какъ по описаніямъ бывали они въ древнихъ рыцарскихъ за́мкахъ, огромная, богатѣйшая ваза пожалована Государемъ Императоромъ, въ память пребыванія Его въ Алупкѣ въ 1837 году. Въ этой комнатѣ и еще въ другихъ, вмѣстѣ съ мраморными каминами, мраморные фонтаны, въ которыхъ проведенная съ горъ вода такъ вкусна и свѣжа, что уже не захочется никакого другаго питья.

Надъ выложенною порфиромъ обширною террасою, между за́мкомъ и моремъ, съ бѣлыми мраморными вазами для цвѣтовъ и вновь приготовляемыми фонтанами, еще другая тер-

(а) Русское слово гостиная гораздо лучше Французскаго «салонъ» объясняетъ свое назначеніе, и вообще Русскимъ легко можно обойтись безъ употребленія иностранныхъ словъ, изрѣдка необходимыхъ.

раса около всей передней стороны за́мка, откуда, углубленный внутрь, сквозной входъ съ порфировыми колоннами, отъ которыхъ прелестно отдѣляются бѣлыя, съ богатою лѣпною работою стѣны. Надъ ними рисуется восточная надпись; не́кому было мнѣ объяснить ее, и я даже не знаю Турецкая она, или Арабская, но ее можно почесть заклинаніемъ, чтобы входящіе въ чудный за́мокъ гости не нарушили спокойствія его жителей, и сами насладились въ немъ всѣми утѣхами волшебнаго края.—Мы были и на кровлѣ, съ горной стороны обнесенной остроконечными зубцами, а съ моря перилами, тонко высѣченными также изъ порфира. Множество башенъ и башенокъ, вмѣстѣ съ соединенными между собою по три, по пяти и по семи трубъ, умножаютъ красу зданія, доказывающаго, что въ Россіи есть изъ чего и кому соорудить вѣковые памятники, какимъ со всѣхъ странъ Европы ѣздятъ удивляться въ Римъ, нѣкогда располагавшій судьбами народовъ и сокровищами всего міра.

Посѣтители Алупки по большей части предпочитаютъ верхній садъ нижнему. Трудно рѣшить, который изъ нихъ дѣйствительно прелестнѣе. Въ послѣднемъ цѣлый лѣсокъ кипарис-

ный, гдѣ, укрываясь отъ солнечнаго жара, забываешь, что это прелестное дерево, такъ сказать, посвящено умершимъ. Грустныя мысли недоступны въ мѣстахъ этихъ, гдѣ зрѣютъ на воздухѣ лимоны и апельсины, махровыя олеандры выростаютъ вдвое выше высокаго человѣка, и не видать зелени розъ подъ ихъ разнообразными цвѣтами. Я удивлялась простой магноліи въ славной оранжереѣ графини Браницкой, а здѣсь махровая магнолія растетъ въ саду. И сколько здѣсь различныхъ лавровъ? Одни душистые, другіе весь годъ зеленые; какія огромныя смоковницы, осыпанныя еще незрѣлыми плодами; сколько маслинъ и шелковицы черной и бѣлой, какая прелестная акація съ остатками розовыхъ цвѣтовъ! Между всѣми этими, и еще многими прекрасными деревьями, великолѣпные цвѣты, и съ одного дерева на другое перекидывается самородный виноградъ, плодомъ котораго здѣсь пренебрегаютъ, потому что онъ мельче и кислѣе посаженнаго.

Въ верхнемъ саду въ одной каменной пещерѣ могъ бы поселиться пустынникъ, въ другой погребена любимая княгинина собака, вывезенная изъ Бруссы. Каменныя лѣстницы, ущелья, водопады, пруды, лужайки и ручейки разно-

образятъ садъ этотъ, гдѣ также много тѣни и великолѣпныя деревья, и по обрывкамъ скалъ вьются плющъ или прелестные цвѣты. Мы взобрались между громадами камней на площадку, и съ удивленіемъ увидѣли подъ ногами Татарскую деревню, гдѣ на плоскихъ кровляхъ сушились сливы, у нѣкоторыхъ на холстинѣ, у другихъ просто на земляной кровлѣ, гдѣ онѣ мѣшаются со всякою грязью.

Я тѣмъ болѣе наслаждаюсь всѣмъ, что вижу въ Алупкѣ, что это подаетъ мнѣ надежду, что и весь Крымъ также будетъ со временемъ обработанъ. Не одинаковы на это средства, но всюду одно небо, одинъ воздухъ, только должно дѣйствовать осторожно, не торопясь насладиться, соображаясь со своимъ достаткомъ.

Когда темный вечеръ принудилъ насъ воротиться въ комнаты, мнѣ поставили свѣчи на обширномъ балконѣ, и я написала нѣсколько писемъ, восхищаясь, что пишу изъ Крыма, съ южнаго берега. Свѣчи ярко горѣли на воздухѣ, наполненномъ сладкимъ запахомъ кавалерскихъ звѣздъ, которыя у насъ такъ трудно выростить въ комнатѣ, а здѣсь онѣ зимуютъ въ саду и вьются по periламъ балкона во второмъ этажѣ. Послѣ ужина мы еще посидѣли тутъ,

уже безъ огня, любуясь, какъ въ тихомъ морѣ отражался ясный мѣсяцъ.

—

Іюля 22.

Добрый спутникъ нашъ М. И. Деклеисъ пріискалъ намъ маленькую бричку, и мы въ ней отправились по окрестностямъ, съ тѣмъ, чтобы на ночь воротиться въ Алупку, гдѣ оставили карету. Въ открытомъ экипажѣ несравненно пріятнѣе здѣсь ѣздить. Живописная природа видна уже не частями и отрывками, какъ изъ кареты, а во всей полнотѣ своей, и разомъ обнимаешь глазами небо, море и горы, между которыми щедрая рука Создателя на каждомъ шагу разсыпала дивныя, невоображаемыя красоты. — Миновавъ столбъ, на которомъ съ одной стороны гербъ князя Воронцова, а съ другой Льва Александровича Нарышкина, что означало, что мы уже въ Мисхорѣ, помѣстьѣ послѣдняго, мы ѣхали прекраснымъ садомъ, въ которомъ особенно замѣчательна лавровая роща. Домъ очень покойный; въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи для хозяйки, рожденной графини Потоцкой, маленькая Латинская церковь, прекрасной

архитектуры, прекрасно отдѣлана внутри: не скоро узнаешь, что бѣлыя подъ мраморъ стѣны не настоящія мраморныя, особенно потому, что мѣстами проведены по нимъ черты, какъ будто онѣ сложены изъ кусковъ. Колонны около алтаря и расписанныхъ боковыхъ оконъ также совершенно какъ порфировыя. Надъ престоломъ прекрасной Флорентинской мозаики, круглое окно съ разноцвѣтными стеклами, а надъ входомъ, чтобы не было слишкомъ темно, окно обыкновенное, во всю ширину двери. Все это вмѣстѣ очень красиво. Полъ мраморный, только у дверей кирпичный выкрашенъ бѣлою масляною краскою: не знаю, прочно ли это, но видъ очень хорошъ.

Отъ Мисхора верста до Кораиса, принадлежавшаго княгинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Голицыной, и ею устроеннаго. Домъ очень обыкновенный, съ большимъ крыльцомъ, по нынѣшнему террасой, но по скату къ морю прекрасный садъ и чудесные виды. Съ одной стороны Мисхоръ, съ другой Гаспра покойнаго князя Голицына, и наконецъ станція.—Эта дача изъ самыхъ здѣсь значительныхъ. При ней девяносто десятинъ земли и виноградники даютъ уже двѣнадцать тысячь рублей ассигнаціями доходу, а, какъ

увѣрялъ меня иностранный управитель, могутъ давать вдвое болѣе. — Церковь просторная, но вовсе не величественная. Иконостасъ плотничной съ четырьмя большими иконами въ узкихъ, золоченыхъ рамахъ, окрашенъ голубою краской. Царскія двери прорѣзныя, совсѣмъ гладкія, на срединѣ крестъ до потолка, аршинъ въ пять или выше. На лѣвой сторонѣ погребена княгиня Голицына, умершая, пятидесяти девяти лѣтъ, въ Симферополѣ, откуда сбиралась она ѣхать за границу, соскучивъ въ Тавридѣ. Говорятъ, и многіе здѣсь скучаютъ. Вѣрю, но не понимаю.

Гаспра, гдѣ владѣлецъ ея, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, никогда прежде въ ней небывавшій, поселился передъ его смертью, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большой дороги. Тополевая аллея идетъ отъ воротъ къ прекрасному дому въ два этажа съ церковью и двумя башнями. Въ одной часы и лѣстница, въ другой была часовня, отъ которой остался одинъ деревянный крестъ. Священникъ увезъ ключи отъ церкви; мы видѣли ее только съ хоръ; иконостасъ темнаго дерева, и въ алтарѣ большое разноцвѣтное окно. Странно, что князь пріѣхалъ сюда лишенный зрѣнія, когда онъ не могъ уже насла-

ждаться красотами природы. Особенно нельзя не дивиться этому, прочитавъ на стѣнѣ, подъ портретомъ князя, надписи Государя Императора и Государыни Императрицы, свидѣтельствующія Ихъ милостивое къ нему расположеніе: ему не должно было выѣзжать изъ Петербурга. Царскія надписи сохраняются подъ зеркальнымъ стекломъ въ дубовой рамѣ превосходной работы.

Сторожъ, простой крестьянинъ, принесъ намъ тарелку черной шелковицы, чрезвычайно сочной, и мы, освѣжившись ею, нѣсколько минутъ любовались картинными видами съ балкона. Кромѣ дачь Нарышкина и княгини Голицыной, виденъ еще маякъ Айтодорскій, на крутомъ мысѣ, гдѣ былъ нѣкогда монастырь святаго Ѳеодора. Тамъ еще находятъ остатки мраморныхъ колоннъ, но нельзя иначе проѣхать туда, какъ верхомъ.

X.

ДВѢ ОРІАНДЫ, ЛИВАДІЯ, ЯЛТА, МАССАНДРА, БІЮКЪ-ЛАМБАТЪ, АЛУШТА.

Іюля 13.

Въѣздъ въ Оріанду Великой Княгини Елены Павловны такъ прелестенъ, что охотно бы воротился назадъ, чтобы еще проѣхать мимо высокаго, отвѣснаго утеса Мегаби, поросшаго лѣсомъ, надъ которымъ золотой крестъ возвѣщаетъ, что прекраснымъ этимъ краемъ владѣ-

ютъ уже не хищные поклонники Магомета, опустошившіе порабощенную ими Тавриду, а исповѣдники Іисуса Христа, при которыхъ нѣкогда цвѣли здѣсь города и села. За этою скалою другая, едва ли еще не выше, съ небольшою пещерою; часть ея покрыта плющемъ необъятной величины, и она стоитъ какъ прямая стѣна, на которую, кажется, могутъ подниматься одни орлы, часто летающіе въ здѣшнихъ мѣстахъ; но съ противной стороны легко можно взойти на нее, и въ присутствіе Государыни Императрицы въ 1837 году вершина ея была иллюминована.

Изъ дому, оставшагося послѣ графа Витте, которому принадлежала дача эта, купленная имъ у господина Ашера, обширные, прелестные виды. Немного и въ Крыму такихъ видовъ.—Но не это мѣсто плѣнило покойнаго Императора, не его угодно было Ему пріобрѣсти, не здѣсь изволилъ говорить Онъ, что Ему бы хотѣлось тутъ пожить. Я не могла вообразить ничего красивѣе; но я не сомнѣвалась, что мѣсто, которое предпочелъ Императоръ Александръ, должно превзойти все, что я уже видѣла, что еще увижу, и скоро въ этомъ убѣдилась, пріѣхавъ въ избранную имъ Оріанду Государыни Императрицы. — Вотъ гдѣ Тавриду можно, должно назвать раемъ.

Здѣсь изумляютъ не безплодныя каменныя скалы, какъ въ Бакчисараѣ, не страшныя крутизны, какъ въ Балаклавѣ или Мангупъ-Кале; здѣсь нѣтъ и древнихъ развалинъ, нѣтъ еще и новыхъ обширныхъ зданій. Искусство только начинаетъ здѣсь проглядывать; но здѣсь обворожительна природа, величественная, разнообразная, изобилующая всѣмъ, что потребно человѣку, что можетъ возвысить духъ его, развеселить и растрогать его сердце!

Прежде всего взошли мы на лѣсистую скалу надъ моремъ, гдѣ Государынѣ Императрицѣ угодно было приказать поставить крестъ. Крестъ этотъ виденъ издалека, и можно представить, съ какимъ чувствомъ устремляютъ на него глаза пловцы, когда судно ихъ борется съ вѣтромъ.—Я упала на колѣна передъ изображеніемъ того святаго креста, на которомъ запечатлѣлось спасеніе міра, и пламенная молитва о благоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ вылилась изъ преданной души моей. Съ малолѣтства всѣмъ обязанная Царскому Дому, я вполнѣ убѣждена, что благо отечества безцѣнно нашимъ Государямъ, и что они готовы облагодѣтельствовать всякаго, чьи печали и нужды могутъ быть имъ извѣстны!

Срѣзавъ вѣточку съ посаженнаго по близости Государыней Императрицей еще невысокаго, но кудряваго лавра, я сѣла на самой крутизнѣ. Надо мною только было свѣтлое небо, откуда какъ будто сыпались въ море золотыя блестки; оно все казалось обширнымъ золотымъ ковромъ.—Сначала шли мы сюда широкою дорогою, по которой можно бы спокойно ѣхать въ коляскѣ, и отдохнувъ на площадкѣ, гдѣ, подъ густыми деревьями, стоятъ, изъ древесныхъ вѣтвей, сельскіе диваны, продолжали путь нашъ между нагроможденными вѣками камнями, подъ тѣнью растущихъ въ щеляхъ ясени, терпентина и можжевельника. Послѣдній вовсе непохожъ на наши можжевеловые кусты. Это здѣсь дерево, какъ наши средняго роста сосны, и изъ него дѣлаютъ щегольскую мебель, свѣтлѣе и красноватѣе орѣховой. Терпентинъ, изъ сѣменъ котораго дѣлается скапидаръ, также хорошъ для столярной работы и долженъ быть очень красивъ, когда зеленыя теперь кисти его покраснѣютъ.

Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ дорога становилась у́же, и наконецъ кончилась стезею, высѣченною въ скалѣ. Въ низу, въ глубокой долинѣ, строится дворецъ; на другомъ концѣ ея,

противъ утеса со крестомъ, выдвигается изъ лѣса такой же утесъ, на которомъ рисуются бѣлыя колонны сквозной бесѣдки. За нею виденъ между деревьями двухъ-этажный съ башнею домъ управляющаго, а далѣе, на поворотѣ, у подошвы разноцвѣтныхъ горъ, какъ будто выходитъ изъ моря прелестно въ немъ нарядившійся городокъ Ялта, и потомъ за нимъ, но гораздо выше, обширнѣйшее на южномъ берегу помѣстье князя Воронцова, Массандра, и наконецъ весь Магарачь.—Такъ называется горный скатъ къ морю, долго бывшій въ запустѣніи. Въ 1830 году, по волѣ Государя Императора, находящіяся тутъ сто двадцать десятинъ раздѣлены на сорокъ участковъ, которые и розданы всѣмъ желавшимъ садить виноградъ, безъ всякой за это платы, только съ нужными предосторожностями, чтобъ это дѣйствительно было исполнено. Съ тѣхъ поръ мало по малу мѣсто это обратилось въ обширный садъ, по кото рому разметаны прелестные домики. Сладко смотрѣть на нихъ, воображая, сколько одна высокая, благодѣтельная мысль произвела добра, надѣливъ и состояніемъ и вседневными наслажденіями трудолюбивыхъ поселенцевъ.

Я не чувствовала усталости, забывала, что давно пора обѣдать. Обѣдъ ждалъ насъ въ маленькой, досчатой палаткѣ, гдѣ отдыхаетъ угощавшій насъ подрядчикъ дворцоваго строенія. Но мы прежде посмотрѣли эту постройку, которая производится подъ присмотромъ строившаго за̀мокъ въ Алупкѣ, Англичанина Гюнта (а), но по плану, сдѣланному въ Петербургѣ архитекторомъ Штакеншнейдеромъ. Это четыреугольное зданіе съ небольшимъ внутри дворомъ и обширною террасою. Она будетъ очень великолѣпна, но еще сдѣлано только основаніе и во дворцѣ еще нѣтъ половъ; мы ходили въ немъ по доскамъ, положеннымъ для работниковъ. Стѣны изъ Инкерманскаго камня, который всѣхъ здѣсь бѣлѣе и крѣпче; лѣсъ привозятъ чрезъ Херсонъ изъ Брянска. На полы и потолки вмѣсто земли будутъ класть, въ два вершка толщиною, мелко рубленное старое сѣно, разведенное водою съ пескомъ и известью, на подобіе тѣста, а надъ окнами и дверьми, гдѣ дерево касается камня или кирпича, мажутъ его кипящею сосновою смолою. Вообще принимаютъ всѣ предосторожности, чтобы строеніе было сухо и прочно.

(а) Hunt.

Виды изъ дворца во всѣ стороны очаровательные; очаровательна и вся Оріанда. Между двумя покрытыми лѣсомъ горами блеститъ самородный водопадъ. Если теперь, послѣ сильной засухи, онъ бѣлою струею быстро стремится съ огромной вышины, по широкимъ уступамъ, можно вообразить красоту его и величіе весною и осенью. Надъ нимъ висятъ орѣшины и ясени, и онъ, обратясь въ ручей, катится потомъ по дорогѣ, ведущей къ морю, подъ крышею винограда, плюща и ломоноса (clémasites). По разнымъ въ горахъ лощинамъ цвѣтники съ кучами магнолій, бѣлыхъ и розовыхъ олеандровъ, и необычайной красоты гортензій, которыя цвѣтутъ почти цѣлые шесть мѣсяцовъ. — Но всего удивительнѣе въ главномъ цвѣтникѣ, еще въ первый разъ поспѣвающій бананъ. Около стебля въ девять рядовъ плодъ, и въ каждомъ ряду девять плодовъ, похожихъ на большіе огурцы. Они и пахнутъ огурцами; неизвѣстно, каковы будутъ зрѣлые, но зеленые вяжутъ ротъ и клеятъ руки. Индійскій плодъ поспѣваетъ въ Россіи; въ обширной Россіи соединены всѣ произведенія сѣвера и юга. Все, что въ другихъ земляхъ должно искать за дальными морями, у чужихъ народовъ, у насъ, подъ властью одного Госу-

даря, въ одной обширной межѣ. Правда, слишкомъ обширная межа эта; но со временемъ мощеныя дороги и каналы сблизятъ у насъ разстоянія, а степи и лѣса заселятся,—и если завистливые иноземцы вздумаютъ мѣшать нашей торговлѣ, одинъ внутренній промыслъ не допуститъ обѣднять тѣхъ, у кого свой хлѣбъ, свой лѣсъ, свое золото, свое желѣзо, свои стада и свои плоды.

Подивившись огромнѣйшей во всемъ Крыму смоковницѣ, слишкомъ въ десять саженъ вышиною, осыпанной еще незрѣлыми плодами, и пожелавъ, чтобы болѣе разводили красивое держи-дерево, изъ сѣменъ котораго, сказывали мнѣ, дѣлаютъ самое лучшее масло, мы спустились къ морю, какъ будто отвсюду насъ къ себѣ манившему.—Здѣсь въ новомъ видѣ представляется дворецъ; долина подъ нимъ кажется высокою горою, и онъ стоитъ на ней среди густыхъ рощей и отвѣсныхъ утесовъ, какъ чистая, блестящая жемчужина, окруженная прелестною, разноцвѣтною эмалью. Зачерпнувъ рукою морской воды, мы набрали мелкихъ, чрезвычайно гладкихъ и красивыхъ камушковъ, которые сердясь выбрасываетъ море. Ихъ накопилось тутъ четыре уступа, по которымь судить мож-

но о разныхъ степеняхъ его раздраженія. Чѣмъ выше, тѣмъ крупнѣе камни; они достигаютъ самой подошвы горъ саженъ десять отъ моря. Въ иныхъ мѣстахъ берегъ обложенъ маленькими скалами; одна, какъ будто оторванная бурею, стоитъ одиноко въ морѣ, и волны шумно около нея разбиваются. Долго гуляли мы тутъ послѣ обѣда, за которымъ гостепріимный купецъ Поливановъ подчивалъ насъ, между прочимъ, кефалью, морскою рыбою; она въ родѣ нашихъ сиговъ, но гораздо вкуснѣе.

Мы ѣхали изъ Оріанды въ Ливадію прелестными мѣстами, гдѣ развелось много дикихъ козъ, которыхъ здѣсь зовутъ данилками. Весело было глядѣть, какъ онѣ по одиначкѣ и по нѣскольку вмѣстѣ бѣгали и рѣзвились по лужкамъ и лѣсочкамъ, надъ которыми возвышаются лиловыя горы.

Изъ Ливадіи, прежде принадлежавшей генералу Ревильоти, а теперь графу Потоцкому, также живописные виды по морскому берегу; мѣстами каменныя горы спускаются до самаго моря, а одна гора вся поросла лѣсомъ, и ея густая зелень оживляетъ богатую картину разныхъ дачь. Ялта отсюда въ четырехъ верстахъ, и можно видѣть все, что тамъ дѣлается на улицахъ.

Іюля 24.

Долго пробывъ въ Оріандѣ, мы пріѣхали поздно въ Ялту, но по счастію тотчасъ нашли въ гостинницѣ хорошую комнату, гдѣ, напившись чаю, спокойно ночевали.—Здѣсь нѣкогда была крѣпость, въ XV вѣкѣ разрушенная землетрясеніемъ. Выгодная гавань снова привлекла сюда жителей, и можно надѣяться, что сдѣланная городомъ Ялта скоро процвѣтетъ. Ее особенно оживляютъ пристающіе изъ Одессы пароходы, на которыхъ пріѣзжаютъ путешественники, желающіе видѣть южный берегъ Крыма. — Постоянныхъ жителей здѣсь съ небольшимъ четыреста душъ обоего пола, и каждый годъ приходитъ до двухъ сотъ работниковъ.

Церковь въ Ялтѣ крестомъ очень свѣтлая, со множествомъ главъ разной вышины и величины. Прекрасно, но на высокомъ, открытомъ мѣстѣ очень непрочно: вѣтеръ уже сорвалъ нѣсколько главъ и кровля течетъ. Такія изогнутыя кровли могутъ хорошо дѣлать только самые искусные плотники, какихъ немного и въ Россіи. Церковь эта построена въ 1837 году и очень украшаетъ хорошенькій городокъ. Въ немъ уже три улицы и набережная, вымощенная булыжникомъ, по которому тяжело ходить,

но нельзя пособить этому: море тотчасъ уноситъ все, чѣмъ засыпаютъ неровный камень.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, версты за двѣ отъ города, славный водопадъ Акаръ-Су, но онъ отъ жаровъ совсѣмъ высохъ, и мы, до него не доѣхавъ, видѣли только маленькую церковь при Греческомъ селеніи Аутка. Старикъ священникъ не знаетъ, когда она построена, вѣроятно, при Татарахъ; это не церковь, а тѣсная, убогая хижина, снаружи, и съ кровлею, не много выше моей головы. Въ нее спускаются по тремъ ступенямъ. Иконостасъ, какъ и стѣны, каменный съ каменными же для образовъ широкими полками, на которыхъ выдолблены мѣста для свѣчь. Двери царскія, или лучше сказать мѣсто, гдѣ имъ должно быть, не шире двѣнадцати вершковъ, и только виситъ занавѣсъ. Вмѣсто оконъ два отверстія, одно въ алтарѣ, другое въ церкви, вершковъ по шести длиною и съ небольшимъ вершокъ шириною.—Тяжело все это видѣть, особенно среди Магометанъ. Жители Аутки давно бы могли построить новую церковь, оставивъ эту въ память протекшихъ страданій отцовъ своихъ, какъ въ Балаклавѣ хранится церковь Петра и Павла, подобная Аутской. Принявъ отъ Грековъ вѣру Хри-

стіанскую, Русскіе несравненно ихъ попечительнѣе о храмахъ Божіихъ. Самый бѣдный крестьянинъ нашъ, не имѣя возможности дать на это денегъ, когда въ его приходѣ строится церковь, усердно на нее работаетъ, или возитъ дрова, или готовитъ глину.

Насъ ждали въ Массандрѣ наканунѣ къ ночи, и если бы мы успѣли туда пріѣхать, могли бы гораздо лучше увидѣть прекрасное это помѣстье съ шестью стами десятинъ земли, гдѣ графиня Потоцкая замышляла основать городъ. Оно было потомъ куплено графиней Александрой Васильевной Браницкой и подарено ею внуку ея, молодому графу Воронцову. Мы здѣсь обѣдали, пользуясь, какъ въ Алупкѣ, вельможнымъ гостепріимствомъ отсутствующихъ хозяевъ.—Прекрасная здѣшняя церковь недавно построена на развалинахъ древняго монастыря, и въ ней въ подвалѣ источникъ, откуда вода течетъ подъ каменный сводъ, гдѣ прибита цѣпь съ ковшомъ для прохожихъ. По правую сторону крыльца висятъ колокола на огромномъ дубѣ, около котораго, подъ густою тѣнью, на скамьяхъ могутъ помѣститься слишкомъ двадцать человѣкъ, а вблизи подъ орѣшиною около двадцати. Церковь эта мнѣ понравилась гораз-

до болѣе Алупской въ видѣ Тезеева храма. Ее осѣняетъ огромный кленъ и кругомъ кипарисы и другія деревья.

Домъ здѣсь обыкновенный, но очень покойный и помѣстительный. Противъ него большой лугъ, какихъ еще не видали мы на южномъ берегу; но скошенное сѣно отъ жаровъ совсѣмъ желтое. Кстати скажу, что Татары свое сѣно, чтобы оно не портилось отъ дождей и не трогалъ его скотъ, вѣшаютъ на деревья. Странно видѣть это, и по одному этому судить можно о лѣности жителей, которымъ слишкомъ трудно кажется огородить возъ сѣна.

Въ Массандрѣ есть и наши сѣверныя ели, и право, онѣ не безобразны и между кипарисами. Но всему краса море, неровно окаймленное горами; ближайшія совсѣмъ зеленыя, а далѣе онѣ какъ будто накрыты синимъ флеромъ. Здѣсь разводятъ табакъ. Растеніе это съ большими его листьями и розовыми цвѣтами нарядило бы цвѣтники наши. Виноградники здѣшніе очень значительны. Главный надъ ними смотритель, Гейзеръ, сказывалъ мнѣ, что здѣсь наиболѣе дѣлаютъ Шампанское вино. Насъ подчивали изъ княжескихъ погребовъ Шампанскимъ еще въ Херсонѣ, гдѣ платятъ за бутыл-

ку четыре рубля ассигнаціями. Я очень мало въ этомъ разумѣю, но по моему вино это не хуже иностраннаго.—Въ Алупкѣ зазвалъ насъ въ погребъ главный винодѣлъ, Французъ Собисъ, изъ Бордо, и тутъ поднесъ намъ прямо изъ бочки мускатнаго вина съ пріятнѣйшимъ запахомъ и отмѣннаго вкуса. Оно нейдетъ въ продажу.—Отецъ Собисъ, подъ вѣдѣніемъ котораго плоды, принесъ мнѣ корзинку винограду и фигъ, которыя онъ непремѣнно захотѣлъ для меня срѣзать, хотя онѣ не достигли совершенной зрѣлости. На мои распросы о Французскомъ винодѣліи, онъ утвердительно сказалъ, что хорошія Крымскія вина не уступятъ Французскимъ, и со временемъ Россія можетъ освободиться отъ убыточнаго потребленія иностранныхъ винъ. Къ водѣ подавали намъ и въ Алупкѣ и въ Массандрѣ Айданилъ, такъ названный по дачѣ княжеской, гдѣ обширнѣйшіе виноградники. По мнѣ вино это гораздо лучше иностранныхъ бѣлыхъ винъ, которыя, какъ многіе увѣряютъ, и при отправкѣ и при полученіи разводятъ и подправляютъ.

За Ялтою, горы, уже не такъ высокія и угрюмыя, отчасти покрыты лѣсомъ, но лѣсъ этотъ рѣдокъ и сквозь него видны камень и песокъ.

Деревня Ай-Василь очень живописна. Проѣхавъ ее, дорога идетъ по горамъ извилинами, по нѣскольку разъ оборачиваясь около одного мѣста, и при каждомъ оборотѣ перемѣняются виды, и всюду хочется постоять, чтобы ими полюбоваться; но лошади летятъ и волшебныя картины исчезаютъ какъ призраки, какъ легкія облака, которыя гонитъ сильный вѣтеръ.—По счастію мы все еще ѣхали въ открытой бричкѣ, и это доставляло намъ наслажденіе видѣть все, что ждало насъ впереди и что оставалось за нами. Иначе я бы сказала, что странно, почему гору Аю-дагъ сравниваютъ съ лежащимъ медвѣдемъ; пока мы видѣли ее со стороны Оріанды, гора была какъ гора, но когда я, оборотясь назадъ, ее увидѣла, я схватила за руку Настасью Петровну, чтобы и она подивилась, какъ похожъ Аю-дагъ на огромнаго звѣря, припавшаго напиться въ морѣ. — Къ нему какъ будто прижался Артекъ А. М. Потемкина. Домъ и бесѣдка, какъ кажется съ дороги, на самомъ краю отвѣснаго берега, прелестно рисуются на синемъ морѣ. Помѣстье это, по словамъ Монтандона, исполнено романическихъ красотъ, но время не позволило намъ посмотрѣть его, и говорятъ, даже въ легкомъ экипажѣ очень трудно

туда проѣхать съ тѣхъ поръ, какъ уже нѣсколько лѣтъ не бывали въ немъ хозяева.

И Юрзуфъ, И. И. Фундуклея, съ прилегающими къ нему развалинами древней Генуезской крѣпости и двумя отдѣльными въ морѣ скалами, видѣли мы только издали. Артекъ скоро исчезъ, но Аю-дагъ какъ будто слѣдовалъ за нами. Противъ него въ тѣснинѣ съ каменными, изъ такъ называемаго песчаника, столбами мостъ, подъ который шумно течетъ съ утеса на утесъ величественный водопадъ. Бѣлая его пѣна рѣзко отдѣляется отъ черныхъ шиферныхъ скалъ, которыхъ куски распадались у меня въ рукахъ. По нимъ растутъ мелкая грабина и дубъ, и это лучшая земля для винограда, особенно Рейнскихъ породъ. Въ низу на водопадѣ Татарская мельница деревни Дерменкой, лучшая на южномъ берегу по количеству воды; въ сутки мелетъ отъ восьми до десяти четвертей.

Когда исчезъ Аю-дагъ, показалась окруженная садами прекрасная дача Карассанъ. За нею раскиданныя по берегу острыя скалы, какъ будто развалины древняго города торчатъ между деревьями, и потомъ снова показываются отвѣсныя каменныя горы. Все это мелькало въ

глазахъ у насъ. Мы уже не просили ямщика тише ѣхать, спѣша перемѣнить лошадей въ Біюкъ-Ламбатѣ, чтобы не запоздать на дорогѣ въ Алушту. Въ Крыму страшно ѣздить по ночамъ.

Біюкъ-Ламбатъ построенъ по скату горы, и издали Татарскія хижины съ ихъ плоскими кровлями кажутся природными террасами; только совсѣмъ подъѣхавъ къ нимъ видно, что тутъ живутъ люди. Кровли эти убиты глиною, смѣшанною съ землею, и въ дождь надо очень трудиться, чтобы ихъ не размыло, для чего лежатъ на готовѣ особые катки. Хотѣлось было и Русскимъ поживиться дешевыми кровлями, но не достало, видно, терпѣнья ихъ уколачивать, скоро всѣ обвалились.

Насъ привезъ въ Біюкъ-Ламбатъ пожилой ямщикъ съ бритою бородою. Я подумала, что онъ отставный солдатъ, но на вопросъ мой объ этомъ, онъ оборотясь отвѣчалъ, что онъ выкрестъ.—Впервые услышавъ это слово, я спросила, что оно значитъ?—Я былъ Татаринъ, сказалъ ямщикъ. —А теперь?—Теперь слава Богу Русской.—Я поняла что онъ принялъ святую вѣру нашу, и спросила еще кто его научилъ?—Богъ, отвѣчалъ ямщикъ съ глубокимъ

чувствомъ, я зашелъ посмотрѣть церковь, и мнѣ такъ сладко показалось въ ней, что я уже не захотѣлъ идти въ мечеть; слава Богу этому, уже двадцать лѣтъ. Меня глубоко тронули слова эти, особенно голосъ, съ которымъ произнесъ ихъ бывшій Магометанинъ; онъ сильно выражалъ горячую его вѣру, какъ въ ясныхъ глазахъ его и во всѣхъ его чертахъ изображалось спокойствіе.

Изъ Біюкъ-Ламбата дорога въ Алушту идетъ лѣсомъ, который, какъ будто опасаясь утомить своимъ однообразіемъ, мѣстами расширяется, чтобы показать прелестные виды. По обѣимъ сторонамъ порфиръ, снаружи желтоватый, а внутри, гдѣ расколотъ, голубой; долженъ быть въ полировкѣ безподобно хорошъ; взяла бы съ собою кусочекъ, но не видала маленькаго. — Гора Кастель, на которой, до покоренія Тавриды Татарами, какъ и на Аюдагѣ, было нѣсколько монастырей, стоитъ отдѣльно на берегу; она покрыта лѣсомъ, и особенно живописна, когда по обѣимъ сторонамъ ея видно море, а вдали, на поворотѣ, какъ легкія тѣни, другія горы. Если бы мы не подъ вечеръ проѣзжали мимо Кастеля, я бы рѣшилась взойти на нее, что, говорятъ, не очень трудно, а виды должны быть восхитительные.

ОРЕАНДА.

Дворецъ Государыни

ИМПЕРАТРИЦЫ

на южномъ берегу Крима.

чувствомъ, я зашелъ посмотрѣть церковь, и мнѣ такъ сладко показалось въ ней, что я уже не захотѣлъ идти въ мечеть; слава Богу этому, уже двадцать лѣтъ. Меня глубоко тронули слова эти, особенно голосъ, съ которымъ произнесъ ихъ бывшій Магометанинъ; онъ сильно выражалъ горячую его вѣру, какъ въ ясныхъ глазахъ его и во всѣхъ его чертахъ изображалось спокойствіе.

Изъ Біюкъ-Ламбата дорога въ Алушту идетъ лѣсомъ, который, какъ будто опасаясь утомить своимъ однообразіемъ, мѣстами расширяется, чтобы показать прелестные виды. По обѣимъ сторонамъ порфиръ, снаружи желтоватый, а внутри, гдѣ расколотъ, голубой; долженъ быть въ полировкѣ безподобно хорошъ; взяла бы съ собою кусочекъ, но не видала маленькаго. — Гора Кастель, на которой, до покоренія Тавриды Татарами, какъ и на Аюдагѣ, было нѣсколько монастырей, стоитъ отдѣльно на берегу; она покрыта лѣсомъ, и особенно живописна, когда по обѣимъ сторонамъ ея видно море, а вдали, на поворотѣ, какъ легкія тѣни, другія горы. Если бы мы не подъ вечеръ проѣзжали мимо Кастеля, я бы рѣшилась взойти на нее, что, говорятъ, не очень трудно, а виды должны быть восхитительные.

ОРЕАНДА.
Дворецъ Государыни
ИМПЕРАТРИЦЫ
на южномъ берегу Крима.

Около Біюкъ-Ламбата и въ Алуштѣ, на небольшихъ лужкахъ по горамъ, пасутся коровы. Ихъ очень мало держатъ на южномъ берегу по дороговизнѣ сѣна, которое иногда доходило до двухъ рублей ассигнаціями пудъ, а масло до сорока рублей. Дрова также очень здѣсь дороги, не по недостатку лѣса, но потому что очень трудно доставать его съ горъ, откуда и лѣтомъ возятъ его на полозьяхъ.

За Ялтою много полей съ табакомъ, отъ котораго доходъ считаютъ вѣрнѣе нежели отъ винограда; но всего прибыльнѣе въ Крыму сады яблочные, только не на южномъ берегу: здѣсь не хороша для нихъ земля, и сильные съ моря вѣтры обиваютъ плоды и даже ломаютъ деревья.

Іюля 25.

Мы, что называется, вчера летѣли въ Алушту, не обративъ даже вниманія и на вновь явившійся намъ Чатырдагъ. —Не напрасно спѣшили мы; только что мы расположились въ большомъ казенномъ домѣ, гдѣ останавливаются проѣзжіе, погасъ послѣдній свѣтъ. — Это было наканунѣ имянинъ моихъ, и когда я утромъ

проснулась, милая моя спутница, Настасья Петровна, пришла съ разными небольшими, но прекрасными вещами, которыя она везла издалека, чтобы подарить ихъ мнѣ въ этотъ день. Она такъ пріучила меня ко всевозможнымъ угожденіямъ, что я не могла удивиться новому доказательству ея дружбы, но живо тронутая обняла ее, и мы напившись шеколаду отправились въ церковь.

Церковь здѣсь прекрасная, Византійской архитектуры, но къ сожалѣнію не было священника, отлучившагося изъ города; мы зажгли только свѣчи предъ мѣстными иконами, и уединенно помолившись пошли посмотрѣть близкія развалины крѣпости, построенной въ VI вѣкѣ Императоромъ Іустиніаномъ, для защиты Тавриды.—Она не могла навсегда защитить ее, и безобразные ея остатки торчатъ между еще безобразнѣйшими Татарскими хижинами, давно замѣнившими Греческія палаты. Отъ двухъ башенъ уцѣлѣло только по стѣнѣ, у третьей сохранился круглый низъ. Оборванные Татарскіе ребятишки сидѣли на этой развалинѣ нѣкогда величественнаго зданія, сооруженнаго можетъ быть по совѣту Велисарія, который, защищая отъ Персовъ разслабленную Имперію,

вѣроятно неоднажды былъ въ Тавридѣ, и можетъ быть обдумывалъ здѣсь свои великіе, безсмертные подвиги, прославившіе имя его, и царствованіе Іустиніана, но не защитившіе его отъ зависти.—Хотя достовѣрно изслѣдовано (а), что онъ не бывалъ лишенъ зрѣнія, и не просилъ никогда милостыни, какъ разглашено было, спустя нѣсколько вѣковъ по его кончинѣ, но онъ дѣйствительно страдалъ отъ низкихъ происковъ, и слѣпая злоба враговъ его уничтожила пользу, которую его побѣды должны были принести отечеству.

Въ Алуштѣ успѣшно разводится виноградъ и много плодовитыхъ садовъ, надъ которыми, между Яйлой и другими горами, различной вышины и цвѣта, величественно поднимается Чатырдагъ, поражающій своей огромностью всѣхъ ѣдущихъ изъ Россіи, гдѣ самая высокая гора также низка противъ здѣшнихъ горъ, какъ онѣ, по описаніямъ, низки противъ Кавказа и Альповъ.

При всѣхъ выгодахъ, имъ предоставленныхъ, Татары могли бы здѣсь легко обогащаться, если бы только были трудолюбивы; но я нигдѣ еще не видала такой какъ здѣсь нечистоты и

(а). Le comte de Ségur.—Histoire du Bas-Empire.

бѣдности; по улицамъ должно идти зажавъ носъ, и тяжело смотрѣть на попадающихся жителей. Мы заходили къ двоимъ, у одного гаже было самой гадкой избы нашей и вовсе не было оконъ, только мелькалъ свѣтъ изъ трубы, и это болѣе походило на хлѣвъ, нежели на жилище человѣческое.—Но, должно сказать, что такое Татарская труба и Татарская печь; послѣдняя просто впадина, гдѣ на камняхъ или кирпичахъ раскладываютъ огонь; тутъ стоитъ таганъ, на которомъ варятъ пищу въ кастрюляхъ, или какъ здѣсь зовутъ, въ казанахъ безъ ручекъ, снимая ихъ съ огня за верхній ободокъ. Труба прямая, къ верху у́же, а къ низу шире; у иныхъ по срединѣ ея желѣзная рѣшетка, у другихъ и того нѣтъ, и нерѣдко Татары увозятъ себѣ въ трубы женъ и уходятъ чрезъ нихъ преступники. Лѣтомъ такія печи достаточны въ здѣшнемъ климатѣ, но зимою можно грѣться здѣсь только сидя на корточкахъ у огня, который часто задуваетъ вѣтеръ, или заливаетъ дождь, наводняя всю хижину. Невозможно, чтобы сами Татары не страдали отъ этого, но они тщеславятся тѣмъ, что хранятъ всѣ древніе свои обычаи коснѣя въ невѣжествѣ и предразсудкахъ.

Показавъ какъ живутъ здѣсь бѣдные, повели насъ къ другому, зажиточному хозяину. Онъ недавно воротился изъ Мекки, и заслуживъ этимъ путешествіемъ названіе хаджи, казался твердо убѣжденъ въ своей святости и превосходствѣ надъ Христіанами. — Однако онъ безъ отговорокъ показалъ намъ жену свою, пожилую женщину съ правильными, совершенно Греческими чертами, и ласковымъ но робкимъ видомъ: она была въ полушелковомъ полосатомъ платьѣ съ покрываломъ изъ рѣдкаго миткалю своей работы. Въ горницѣ у нихъ опрятно, и цѣлая стѣна завалена постелями, подушками и одѣялами. Татары особенно любятъ ими запасаться, но, какъ увѣряютъ, никогда ихъ не провѣтриваютъ, отъ чего зараждается всякая нечистота и даже портится воздухъ. — Еще принадлежность Татарскихъ хижинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, большой кованый сундукъ; кто не могъ самъ нажить его, тотъ бережетъ доставшійся ему по наслѣдству. Впрочемъ хотя у хаджи потолокъ выбѣленъ и по перекладинамъ развѣшаны полотенца, и у него въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, масляная бумага, а полъ земляной, обмазанъ глиною съ остатками льна. Истинное благодѣяніе, что здѣсь для путешественниковъ выстроенъ отъ казны большой

двухъ этажный домъ, въ которомъ могутъ спокойно помѣститься нѣсколько семействъ. Изъ него слышно какъ шумитъ море, по берегу котораго посажены раины. Это очень красиво, и въ тихую погоду должно быть пріятно гулять здѣсь, но при насъ волны уныло ревѣли, разбиваясь бѣлою пѣною, и мы благодарили Бога, что нигдѣ не было видно судовъ, и что сами ѣдемъ сухимъ путемъ.

На десятой верстѣ отъ Алушты фонтанъ въ память князя Кутузова, который здѣсь былъ раненъ въ глазъ, въ сраженіи съ Турками, бывъ тогда еще генералъ-маіоромъ. Напрасно не сказано, въ которомъ году это было.

Проѣхавъ далѣе три версты, мы вышли изъ кареты, увидя пирамиду, поставленную на мѣстѣ, гдѣ изволилъ отдыхать покойный Императоръ Александръ, въ послѣднее Его пребываніе въ Крыму. На передней сторонѣ надпись: «Повелѣніемъ Императора Александра Перваго, дорога отъ Симферополя до Алушты, чрезъ хребетъ «Яйлы, начата въ 1824 году, устроена 1826 года и прочее.»—Въ Монтандонѣ надпись эта иначе показана, и нѣкоторые наши путешественники, не списавъ ее сами, переведя Монтандона, подтвердили ошибку. Такъ и во многомъ бываетъ.

Мы тутъ посидѣли: уединенное мѣсто это располагаетъ къ мечтамъ. Надъ плоскою вершиною Чатырдага легкія облака носились какъ дымъ, изъ огромнаго кадила, поднимавшійся къ престолу Вышняго. Я невольно, безотчетно, слѣдила за ними, и—какъ будто ничего не думая, много передумала.

XI.

ЯНИСАЛА, КИЗИЛЬ-КОБИ, УСТЬЕ САЛГИРА, ЧАТЫРДАГЪ.

Намъ не случилось отвѣдать въ Крыму дичи; Татары не охотники стрѣлять, а Русскимъ нѣкогда этимъ заниматься. Намъ вездѣ подавали цыплятъ, и на станціи въ Таушанъ базарѣ, въ чистомъ домикѣ, окруженномъ лѣсомъ, изготовили намъ вкусный супъ съ

цыпленкомъ и жаренаго цыпленка. — Пообѣдавъ тутъ мы отправились въ Янисалу, помѣстье Н. Ф. Гротена, къ которому было у меня письмо отъ Таврическаго вице-губернатора И. Ф. Браилки, чтобы отдохнувъ тутъ съѣздить въ пещеры Кизиль-Коби, къ устью Салгира, и на Чатырдагъ. Мы прiѣхали въ четвертомъ часу по полудни, но не было дома хозяина. За нимъ тотчасъ послали, и онъ поспѣшилъ воротиться къ прiему нежданныхъ гостей.—Можно сказать, что наше путешествiе началось въ добрый часъ: погода все время прекрасная, и всюду принимаютъ насъ съ величайшимъ радушiемъ.

Жалѣя, что жена его уѣхала въ Симферополь, потому что хотѣли переправлять домъ, изъ котораго уже и мебель была вынесена, Несторъ Филипповичъ Гротенъ отдалъ его въ наше распоряженiе, и самъ тотчасъ проводилъ насъ въ Кизиль-Коби, за четыре версты. Отправившись туда на его лошадяхъ, въ маленькой колясочкѣ, мы остановились на минуту въ деревнѣ Чавки, гдѣ къ бывшимъ съ нами четверымъ Татарамъ просоединился еще надежный проводникъ Мамбетъ съ товарищемъ, и мы скоро потомъ стали взбираться

пѣшкомъ на гору, гдѣ два ряда пещеръ. Сначала было это очень легко, но съ каждымъ шагомъ гора становилась крутѣе, и ноги скользили по мелкому камню.—Нѣкоторые изъ Татаръ были босые, но имъ это не мѣшало твердо идти, какъ по паркету, по коловшимъ мнѣ въ башмакахъ ноги, во всѣ стороны катившимся камнямъ, и они насъ славно поддерживали. Я бы не побоялась идти съ ними и въ верхнія пещеры, еще слишкомъ тридцать сажень выше, что стоитъ тысячи ступеней, но Гротенъ убѣдилъ меня отъ этого отказаться, увѣряя, что дорога туда еще гораздо тяжелѣе, и мы не успѣемъ засвѣтло воротиться къ нему на ночлегъ, за что можемъ дорого заплатить.—И здѣсь водопадъ, мимо котораго проходили мы, такъ высокъ, что едва было слышно, какъ перебирались подъ камнями непримѣтныя его струйки.—На половинѣ горы крупные камни, по которымъ легко взошли мы въ широко отверстую, свѣтлую пещеру съ куполомъ, и разбросанными обломками скалъ, гдѣ я отдохнула, пока высѣкали огонь. Въ ней чрезвычайно сыро; за нѣсколько шаговъ подулъ изъ нее холодный воздухъ, заставившій меня надѣть фланелевый плащъ мой.

Я читала описаніе пещеръ этихъ въ Монтан-

донѣ, неразлучномъ путеводителѣ всѣхъ Крымскихъ путешественниковъ, но всякія описанія, и мое собственное могутъ дать о здѣшнихъ мѣстахъ только слабое, невѣрное понятіе. Самое названіе Кизиль-Коби, то есть красная пещера, вовсе не соотвѣтствуетъ настоящему ея виду. Мы пошли на лѣво, и вмѣсто ожидаемыхъ красныхъ, увидѣли совсѣмъ черныя, низкія пещеры, безъ малѣйшей примѣси другаго цвѣта, со многими во всѣ стороны ущельями, изъ которыхъ казалось готовы выскочить притаившіеся разбойники, или голодные звѣри.—Зажженныя свѣчи мелькали въ рукахъ нашихъ проводниковъ, которые то поднимали ихъ до потолка, то опускали до полу, заглядывая съ ними въ ущелья, и ихъ загорѣлыя лица, непонятный намъ языкъ, и странная одежда, при общей блѣдности другихъ спутниковъ, воспламеняли воображеніе. Мнѣ начало казаться, что я въ обширной могилѣ; все меня окружавшее напоминало адъ, гораздо страшнѣе, какъ представляютъ его на театрѣ, съ летающими разноцвѣтными дьяволами, и пылающими огнями.

Мы дошли до мѣста, откуда обыкновенно стоящая вода принуждаетъ воротиться, но

къ общему удивленію нашихъ проводниковъ тутъ не было воды, и Гротенъ, по близости живущій уже десять лѣтъ, и Мамбетъ, всегдашній проводникъ любопытныхъ путешественниковъ, въ первый еще разъ прошли съ нами по этому мѣсту, откуда, какъ полагаютъ, течетъ высохшій теперь водопадъ. Земля была мокра какъ послѣ сильнаго дождя, но къ ногамъ не приставало грязи, и это напомнило мнѣ, что тутъ кругомъ должна быть черная глина, о которой пишетъ Монтандонъ, что она очень хороша для чубуковъ.—Я не могла тутъ долго оставаться; къ прежнимъ моимъ страхамъ присоединился еще страхъ болѣе основательный, что остановившаяся вода, источникъ которой неизвѣстенъ, можетъ внезапно хлынуть и погасить у насъ огонь.—Мамбетъ казалось самъ радъ былъ, что я не пошла далѣе, и предложилъ мнѣ посмотрѣть другія пещеры, съ правой руки отъ входа. Я влѣзла туда на колѣнахъ, но только что, вставъ на ноги, успѣла разсмотрѣть, при четырехъ свѣчахъ, которыя держали два Татарина, что эта пещера вовсе не похожа на первыя, явилась Настасья Петровна, которую я убѣждала не ходить со мною, видѣвъ, что она устала и напугалась

гораздо болѣе меня. Ее вели подъ руки два Татарина также со свѣчами, и она мнѣ обрадовалась, какъ будто уже вѣкъ не надѣясь меня увидѣть. Ей также пришли въ голову страшныя мысли, но совсѣмъ противныя; она вообразила, что меня убьютъ Татары, слышавъ передъ тѣмъ, что, дни за два, чуть не зарѣзали на дорогѣ прохожаго, котораго спасъ стукъ подъѣзжавшей коляски. Милая моя спутница не разсудила, что со мною не могло этого быть; проводники наши были люди извѣстные, и съ нами были еще товарищи, отставшіе только на нѣсколько шаговъ. — Послѣ Настасья Петровна сама смѣялась надъ своимъ страхомъ, какъ я надъ моими мечтами. Но въ минуту испуга разсудокъ не дѣйствуетъ, и я, видя крайнее изнеможеніе преданной мнѣ подруги, тѣмъ скорѣе рѣшилась не ходить далѣе, что хотя на воздухѣ совершенно свѣтло было, но по часамъ, пора было заботиться о возвращеніи.

Близь входа въ большія пещеры, на право, маленькая пещера, гдѣ гнѣздятся летучія мыши, а на лѣво въ скалѣ совершенное подобіе огромной львиной головы, какъ будто свирѣпо глядящей. Вообще въ Крымскихъ скалахъ не трудно отыскать самые странные очерки:

инымъ кажется, что они видѣли человѣческій бюстъ, другимъ и цѣлаго человѣка.

Мы пошли назадъ другою дорогою, чрезъ такъ называемыя проводниками батареи, которыхъ считаютъ восемь. Мы видѣли ихъ двѣ; въ каждой могутъ помѣститься два, три человѣка, и стрѣлять изъ нихъ въ небольшія отверстія. Трудно рѣшить, природа или люди выдолбили эти чудныя впадины.—Спускаться было очень легко, и я шла одна, подпираясь только палкою; но отъ скользившихъ подъ ногами камней вдругъ я невольно сѣла. Смѣхъ мой успокоилъ моихъ спутниковъ, и я, вынувъ тетрадку, записала все что видѣла. Предо мною была вершина Чатырдага; около нее тѣснились горы, закрывая долину, въ которой оставили мы лошадей; дорога казалось вела въ тѣсное ущелье, какъ говорится въ воронку.—Любуясь этими картинами, я спокойно отдыхала, но вдругъ крикъ Татаръ заставилъ меня встать, и я оборотясь изумилась, увидя сѣрые и красные каменные утесы куда мы предъ тѣмъ поднимались. Они казались совершенно прямыми стѣнами, и на вершинѣ ихъ ходили овцы, отъ которыхъ поспѣшили остеречь меня, зная, что онѣ часто роняютъ съ верху камни, и что съ такой вы-

соты и самый маленькій, попавъ въ голову, убьетъ человѣка. Надо было скорѣе бѣжать отъ кроткихъ животныхъ, которыя невольно могли доказать намъ, какъ, въ пройденныхъ нами батареяхъ, легко можно отразить наступающихъ непріятелей.

Мы благополучно воротились въ гостепріимную Янисалу, условившись съ Мамбетомъ, что онъ на слѣдующее утро проводитъ насъ на устье Салгира и на Чатырдагъ. Сумерки застали насъ въ дорогѣ, и когда мы на большой открытой террасѣ пили чай, въ саду, противъ насъ, почти также черно было, какъ въ пещерахъ Кизилькобскихъ.—Видѣвъ сильное впечатлѣніе, сдѣланное надъ нами страшными этими пещерами, Гротенъ увѣрялъ насъ, что мы не въ силахъ будемъ взойдти на Чатырдагъ, а если и взойдемъ, то это можетъ сильно разстроить наше здоровье, не вознаградивъ за опасный трудъ.—Изъ десяти путешественниковъ, говорилъ онъ, не всегда одному удастся вполнѣ насладиться волшебною картиною съ высоты Чатырдага; во первыхъ надо быть тамъ до восхожденія солнца, во вторыхъ, чтобы не было вовсе тумана, а ни за то, ни за другое никто не можетъ поручиться. Иные мужчины рѣшались

туда отправиться съ вечера, и ночевавъ возвращались съ сильною лихорадкою, а женщины долго страдали отъ сильнаго потрясенія нервъ. Но, прибавилъ Несторъ Филипповичъ, вы можете побывать на половинѣ Чатырдага, гдѣ я вамъ покажу пещеры, несравненно любопытнѣе верхнихъ Кизилькобскихъ. Ихъ никто почти не видалъ, и повѣрьте, что вы мнѣ скажете за это спасибо.—Тяжело мнѣ было отказаться отъ намѣренія взойдти на Чатырдагъ, что въ мои годы было бы особенно пріятно вспоминать, но я чувствовала, что не должно отвергать безкорыстный совѣтъ добраго нашего хозяина, и помолчавъ отвѣчала, что согласна на всѣ его предложенія.—Онъ повторилъ, что я сама буду этимъ довольна, и взялъ на себя всѣ заботы слѣдующаго дня, что надобно было заранѣе распорядить.

26 Іюля.

Янисала стоитъ на возвышенной долинѣ между горами, которыхъ нижняя часть покрыта лѣсомъ, а вершины каменныя. Во вновь разведенномъ саду еще мало тѣни, но много плодовъ. Молоко и масло удивительно здѣсь вкус-

ны, а баранина такая, что записные лакомки съ радостью бы промѣняли на нее рябчиковъ и фазановъ. Крымскія овцы и наружностью вовсе непохожи на нашихъ, но онѣ также ручны: я видѣла въ Татарской избѣ раскормленную овцу, которая готова была лечь ко мнѣ на колѣна. Прелестныя животныя; голова и лапы у нихъ коричневыя, а на спинѣ, сверхъ коричневой низкой шерсти, бѣлый кудрявый пухъ. Воздухъ здѣсь очень здоровый. Несторъ Филиппович сказывалъ, что онъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга уже немолодой и совсѣмъ чахлый, а теперь, чрезъ десять лѣтъ, удивительно какъ онъ свѣжъ и проворенъ.—Я сама третью недѣлю въ Крыму, и уже чувствую большую въ себѣ перемѣну; кажется, если бы прожить мнѣ здѣсь три мѣсяца, набралась бы здоровья на нѣсколько лѣтъ. Мнѣ совсѣмъ здѣсь нежарко, только что въ пору, подъ вечеръ даже надѣваю стеганую мантилью. Но мнѣ такъ легко здѣсь дышать, такъ легко ходить, все меня веселитъ! Давно этого не бывало.

Отъ Янисалы до устья Салгира то же разстояніе, что до Кизиль-Коби. Длинный спускъ ведетъ въ тѣснину, гдѣ, между известковыми горами, на которыхъ изрѣдка видны тернъ и

шиповникъ, по небольшимъ порогамъ журчитъ, по здѣшнему рѣка, а по нашему ручеекъ Салгиръ, который перешли мы не замочивъ ногъ. По берегамъ его навалилось съ горъ много камня, и казалось еще готовы были обрушиться новые обломки. Молодой Татаринъ ловилъ въ немъ форелей; другой сидѣлъ на высокомъ камнѣ, окруженномъ водою, въ живописной пещерѣ, откуда вытекаетъ Салгиръ, и весело звалъ насъ посмотрѣть глубину его источника, надъ которымъ свѣтилось солнце, сквозь чудную въ скалѣ разсѣлину. Для одной такой картины стоитъ потрудиться придти сюда. Самъ Татаринъ въ бѣдномъ рубищѣ, съ прекрасною Италіанскою головою, могъ бы служить превосходнымъ образцемъ искусному живописцу. И романистъ съ пылкимъ воображеніемъ, могъ бы тутъ легко придумать жалостную повѣсть о предкахъ Татарина, благородныхъ Генуезцахъ, и какъ ихъ малодушные потомки, отступивъ отъ истинной вѣры, съ чертами знаменитыхъ обладателей богатой Кафы, пресмыкаются въ невѣжествѣ и нищетѣ.

Мы всходили, близь Салгира, на принадлежащія наслѣдникамъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова мраморныя горы, за кото-

рыми не видать ничего, кромѣ вытравленныхъ пастбищъ. Кругомъ пустыня—не слышно никакого звука, негдѣ укрыться отъ скользящихъ по скаламъ, солнечныхъ лучей; но мнѣ не вредитъ жаръ, и я здѣсь посидѣла, распрашивая о употребленіи мрамора. Здѣсь дорога́ только работа, мраморъ отдаютъ почти даромъ; онъ по большой части здѣсь красный съ бѣлыми жилами; есть изъ чего построить сотни палатъ, и великолѣпны были бы эти палаты.

Татаринъ, у котораго остановились мы обѣдать, верстъ за пять отъ источника Салгира, въ большой деревнѣ Біюкъ-Янкой, по Татарски новая деревня, по видимому довольно богатъ, у него много оловянной посуды, и по перекладинамъ развѣшаны платки и полотенцы, но такъ нечисто и смрадно въ избѣ, что невозможно было пробыть въ ней пяти минутъ. Мы отыскали за угломъ мѣстечко, гдѣ не палило солнце, и тамъ сѣли на сафьянныхъ подушкахъ, которыхъ заботливый Гротенъ взялъ съ собою цѣлый возъ. Онъ надѣялся къ привезенному имъ обѣду еще прибавить двухъ форелей, купленныхъ на Салгирѣ, за двадцать копѣекъ серебромъ, но хозяинъ, взявшійся сварить ихъ, такъ ихъ состряпалъ, что гадко было на нихъ

взглянуть. Всѣхъ болѣе жалѣлъ объ этомъ добрый Несторъ Филипповичъ, твердя, что жена его была бы въ отчаяніи, увидѣвъ какъ онъ худо насъ угощаетъ. Но мы не могли пожелать лучшаго угощенія; одной бараниной, какой въ Петербургѣ не найдешь ни за какія деньги, можно было до сыта наѣсться, а съ нами была не одна баранина.

Около насъ толпились Татарки, которыя здѣсь, какъ и на южномъ берегу, ходятъ съ открытыми лицами. Иныя стоя пряли, другія няньчили ребятъ; у одной шея была обвѣшана золотыми и серебряными деньгами, а сама была въ лохмотьяхъ. Онѣ вообще были очень ненарядны, и ихъ особенно безобразили спереди и сзади въ безпорядкѣ висѣвшіе волосы и оранжевые ногти. Никогда не забуду я этого обѣда. Вѣрно будетъ долго его помнить и боязливо подбиравшая у насъ куски хлѣба и кости, едва двигавшаяся отъ худобы собака, которыхъ Татары вовсе не кормятъ.

Послѣ обѣда явилась, изготовленная для поѣздки нашей на Чатырдагъ, запряженная, попарно, четырьмя волами, Татарская маджара, то есть огромная корзина изъ прутьевъ, на деревянныхъ перекладинахъ, съ неокованными и

худо сколоченными колесами. Ихъ вѣкъ не мажутъ, и хотя для насъ и щедро помазали, но все таки они очень скрипѣли.—Настлавъ въ эту колесницу привезенныя изъ Янисалы, подушки, покрыли ихъ большимъ ковромъ, и Несторъ Филипповичъ, съ помощію Мамбета, посадивъ насъ на нихъ, другъ къ другу спинами, самъ сѣлъ впереди между колесами. Хозяева пожелали намъ счастливаго пути; Мамбетъ, въ нарядномъ суконномъ кафтанѣ, отправился верхомъ съ товарищами, а кучеръ нашъ, оборванный и босой, съ длиннымъ хлыстомъ, пошелъ пѣшкомъ возлѣ воловъ, смиренно потащившихъ огромную, скрыпучую маджару. Я долго громко смѣялась, какъ смѣивалась только въ молодости, когда не теряла родныхъ и благодѣтелей и не имѣла понятія о тяжбахъ.

Проѣхавъ Салгирскую долину, покрытую полями и лугами, между которыми разбросаны деревья, мы оставили въ сторонѣ Тавли, прекрасное селеніе съ церковью и стали подниматься. Кругомъ были голыя скалы, но скоро показался лѣсъ, и на каждомъ шагу виды становились прелестнѣе. Съ лѣвой стороны каменныя вершины покрытыхъ лѣсомъ горъ можно почесть остатками огромныхъ, древ-

нихъ крѣпостей; съ правой точно разметанный по горамъ безконечный, живописный садъ съ извивающимися по немъ дорожками.—Мы отправились на Чатырдагъ на волахъ, въ маджарѣ, по рѣшенію Мамбета, утвердительно сказавшаго, что коляска, въ которой пріѣхали мы въ Біюкъ-Янкой, на горѣ опрокинется и съ лошадьми. Сначала казалось, что ему хотѣлось доставить этимъ прибыль своимъ землякамъ, которые впрочемъ очень недорого за все взяли, но подъ конецъ узнали мы его справедливость: дорога, по которой можно было бы ѣхать въ каретѣ, возвышаясь такъ прорыта была водою, что страшно было на нее глядѣть. Только въ длинной, широкой маджарѣ, и на покорныхъ волахъ, могли мы безопасно совершить такой путь, не рѣшаясь ѣхать верхомъ.—И на волахъ можно доѣхать только до площади, на которой стоитъ крутая, угрюмая половина Чатырдага, точно такая же отсюда высокая, какъ высока кажется изъ долины вся гора: здѣсь поняла я огромную вышину ея, около восьми сотъ саженей надъ поверхностью моря (а).

Взявъ наши палки, очень помогавшія намъ, пошли мы по обширной равнинѣ, поросшей сѣ-

(а) Montandon. Guide du voyageur en Crimée.

рою, почти бѣлою травою съ толстыми, будто суконными листками. Они никогда не вянутъ; только сохнутъ стебли ихъ. Въ первую минуту можно подумать, что на этой равнинѣ былъ нѣкогда кровопролитный бой: во множествѣ на ней лежащіе бѣлые камни очень похожи на кости, и всѣ до одного странно источены водою или вѣтромъ. Въ одномъ нашла я прекрасно выдолбленный крестъ. Онъ былъ слишкомъ тяжелъ и великъ, чтобы взять его съ собою, но очень было бы пріятно имѣть такой образецъ; я бы дорого за него заплатила.—Въ иныхъ мѣстахъ мертвое однообразіе оживляютъ деревья, которыми опушены обрывки скалъ. Особенно замѣчательна глубокая впадина, совершенно похожая на величественный амфитеатръ, какъ будто обнесенный стѣною съ обширными каменными ступенями; возлѣ, небольшой зеленый лужокъ, въ низу нѣсколько пещеръ съ человѣческими костями, неизвѣстно какого народа и какихъ временъ.

Намъ не попадалось ни одно живое существо: мы не видали ни овецъ, которыя иногда здѣсь пасутся, ни собакъ, о которыхъ пишетъ Монтандонъ, что онѣ очень злы. Кругомъ далеко простирались виды, но хотя надъ нами яр-

ко сіяло солнце, все что было ниже насъ казалось въ туманѣ, и я начинала понимать, какъ мы обязаны Гротену, уговорившему насъ, не предпринимая опаснаго труда, внимательно осмотрѣть почти вовсе неизвѣстную, чрезвычайно любопытную нижнюю часть Чатырдага. Мы шли все на лѣво къ выросшимъ надъ входомъ въ пещеры буковымъ деревьямъ, издали казавшимся мелкими кустами. Спускъ между ними и большими, сѣрыми камнями, такъ крутъ и тѣсенъ, что мы за нихъ держались, и вдругъ въ глубокой пещерѣ увидѣли зажженныя нашими проводниками свѣчи, блестѣвшія тамъ, какъ въ темную ночь блестятъ на небѣ звѣзды.—Ихъ съ нами было десять, но мало было бы и десяти факеловъ, чтобы вполнѣ насладиться дивнымъ зрѣлищемъ. Огромная пещера, гдѣ могли бы свободно помѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ, при входѣ, кругомъ покрыта зеленымъ мохомъ, но подавшись впередъ, или лучше сказать спустясь ниже, видно, что она изъ бѣлаго камня съ высокимъ, почти совершенно правильнымъ куполомъ, по которому проложены мохомъ разные узоры, какъ будто гирлянды плюща, вьющіяся по стѣнамъ, подпертымъ круглыми и четыреугольными огромными столба-

ми. Подъ ногами очень сыро, но любопытство, удивленіе, особенно благоговѣніе ко Всемогущей рукѣ, въ нѣдрахъ земли воздвигнувшей дивныя палаты, уничтожали всякой страхъ, и я бодро шла впередъ, не помышляя ни о простудѣ, ни о встрѣчѣ съ какимъ нибудь звѣремъ или гадами.—Изъ первой пещеры, которую одну, и то очень коротко, описываетъ Монтандонъ, прибавляя, что путешественники по большой части не заглядываютъ далѣе, вошли мы въ другую, не такъ обширную, но еще болѣе любопытную, со множествомъ сводовъ и столбовъ, какихъ никогда не производила и не можетъ произвести рука человѣческая. Съ потолковъ живописно спускаются окаменѣвшія, бѣлыя и сѣрыя водяныя сосульки (сталактиты), какъ будто покрытыя корою: только разбивъ ихъ видны блестящіе слои, но стѣны мѣстами блестятъ, и при большомъ освѣщеніи можно было бы подумать, что онѣ унизаны дорогими камнями.—Далѣе точно памятники изукрашенные мельчайшею рѣзьбою, или каѳедры, готовыя для проповѣдника, или лѣстницы, манящія къ себѣ любопытныхъ. Не только мы, сами Татары были въ восторгѣ, перебѣгая со свѣчами изъ мѣста въ мѣсто, какъ будто готовя великолѣп-

ныя залы для великолѣпнаго торжества. Здѣсь хорошо бы побывать искусному архитектору: было бы что занять у Всемогущаго Зиждителя, который, не придерживаясь условныхъ правилъ и очерковъ, единымъ словомъ творитъ невоображаемыя красоты.—Если бы Монте-Кристо, по разсказамъ Александра Дюма́ обладавшій несмѣтными милліонами, увидѣлъ эти пещеры, онъ бы вѣрно захотѣлъ въ нихъ пожить, и это бы ему стоило гораздо дешевле другихъ его прихотей: только бы надо было настлать полы, и, снабдивъ чудныя комнаты приличною мебелью, всюду развѣсить лампы.

Не слыхано, чтобы здѣсь бывали женщины, и, во всю жизнь мою нигдѣ не писавъ на стѣнахъ моего имени, я написала его здѣсь, въ маленькой пещерѣ за тремя столбами. Конечно, сырость скоро истребитъ его, но мнѣ было весело начертить его карандашемъ: это какъ будто было свидѣтельствомъ здоровья, силъ, и сладкихъ воспоминаній. Къ сожалѣнію вода, вершковъ въ шесть глубиною, скоро принудила насъ воротиться назадъ. Въ козловыхъ, не сапожкахъ, а настоящихъ сапогахъ, безъ снурковъ, съ резинковыми калошами, можно было бы смѣло пройти тутъ, но мы не подумали за-

пастись ими, и въ двѣ недѣли истоптавъ по горамъ болѣе обуви, нежели въ обыкновенное время нужно въ два мѣсяца, до пріѣзда въ Симферополь должны были щеголять въ старыхъ башмакахъ, по счастью только съ толстою подошвою.

Пещеры эти простираются очень далеко; можетъ быть на нѣсколько верстъ, по всей нижней части Чатырдага, котораго основаніе, по мнѣнію Палласа, десять верстъ длиною и около шести шириною. Никто еще не знаетъ, гдѣ имъ конецъ. Гротенъ однажды гулялъ по нимъ цѣлый день, и выразительно уподобляетъ ихъ калейдоскопу, въ которомъ при каждомъ оборотѣ, изъ однихъ и тѣхъ же камней, являются новые рисунки.—Замѣтивъ, сажени на полторы отъ полу, глубокое отверстіе, я предложила Татарамъ осмотрѣть его. Одинъ изъ нихъ влѣзъ туда со свѣчею и поднявъ ее сказалъ, что вовсе не видать потолка. Онъ скоро исчезъ и съ огнемъ, и я испугалась, чтобы онъ не упалъ въ какую нибудь яму, но онъ откликнулся на голоса товарищей, кричавшихъ, чтобы онъ долго тамъ не оставался, и воротясь сказалъ, что и тутъ должны быть обширныя пещеры. Можетъ быть онѣ возвышаются однѣ надъ други-

ми въ нѣсколько рядовъ: очень было бы любопытно все это изслѣдовать, и нельзя сомнѣваться, что такой трудъ былъ бы вполнѣ награжденъ; но на это потребно много времени, и только человѣкъ молодой и совершенно здоровый можетъ рѣшиться прожить здѣсь нѣсколько дней, запасшись пищею, свѣчами и теплою одеждою.

Время быстро летѣло, и заботливый Несторъ Филипповичъ, смотря на часы напоминалъ, что должно засвѣтло пріѣхать на ночлегъ.—Я отъ всей души благодарила его за доставленное имъ наслажденіе. Какъ бы ни были великолѣпны виды съ вершины Чатырдага, но я имѣла объ нихъ понятіе, а въ пещерѣ Чатырдагской все было для меня совершенно ново; я бы не могла этого вообразить, и въ таинственныхъ этихъ чертогахъ, еще сильнѣе нежели на свѣтѣ солнечномъ, чувствовала я вездѣсущность Создателя міра и Его благое всемогущество. Можно подумать, что, побывавъ въ подобныхъ пещерахъ, Царственный Пророкъ написалъ, полный восторга, псаломъ свой: «Хвалите Господа съ небесъ.»

Воротясь въ первую пещеру я остановилась, изумленная дневнымъ свѣтомъ, показавшимся

изъ-за деревьевъ въ обширномъ отверстіи. Это было какъ небывалое, неизъяснимое видѣніе. Въ послѣдній разъ окинула я глазами величественную, подземную храмину, и скоро увидя ясное небо, и какъ будто до него достигавшій огромный Чатырдагъ, повторила весь дивный псаломъ.

Мы ѣхали назадъ только на парѣ воловъ, чтобы они не скоро бѣжали подъ гору; Мамбетъ по прежнему ѣхалъ впередъ, и также останавливался класть предписанные Магометомъ земные поклоны, не на голой землѣ, а на коврѣ. Прочіе Татары объ этомъ не заботились, какъ вовсе не заботился нашъ вожатый, чтобы волы шли по дорогѣ. Они прижимались все къ лѣсу, стараясь освѣжиться его тѣнью, и мы должны были безпрестанно остерегаться, чтобы не стегнула по глазамъ вѣтка.

—«Этотъ лѣнтяй везетъ насъ какъ дрова,» сказалъ Гротенъ, напрасно заставлявшій Татарина смотрѣть за волами.—Онъ его слушался, но чрезъ минуту все забывалъ.

Проходя мимо фонтановъ, которыхъ два на дорогѣ, бѣдные волы каждый разъ бросались къ нимъ утолить жажду. Наконецъ и намъ захотѣлось пить, но ключь былъ еще далеко,

и Мамбетъ, какъ изъ лука стрѣла, поскакалъ за водою и привезъ ее въ чистомъ кувшинчикѣ, висѣвшемъ у него на поясѣ. Все это напоминало востокъ, о которомъ я всегда любила мечтать, ребенкомъ наслушавшись, отъ старшаго брата, «Тысяча одной ночи».—Мнѣ очень полюбилась ѣзда на волахъ, въ маджарѣ; никакія рессоры не могутъ быть покойнѣе; насъ нигдѣ не тряхнуло; можно было все замѣтить и вполнѣ всѣмъ насладиться. Вдали, гдѣ блестѣло море, сказали намъ, стоитъ Евпаторія; ближе въ горахъ можно было отличить Чуфутъ-Кале; и вдали и вблизи все было чудно хорошо.

Карета ждала насъ въ Чавкахъ у крещенаго Татарина Василья, женатаго на Чухонкѣ, привезенной сюда изъ Петербурга прежнею помѣщицею Янисалы, госпожею Офренъ. Здѣсь, въ Крыму, захотѣлось ей перейти въ православіе, и полюбившій ее Татаринъ окрестился, чтобы на ней жениться. — Трогательно видѣть этихъ бездѣтныхъ, трудолюбивыхъ стариковъ, родившихся такъ далеко одинъ отъ другаго, и которыхъ Господь свелъ вмѣстѣ, милосердуя о Татаринѣ, вѣроятно заслужившемъ, чтобы ему жить въ надеждѣ, не чув-

ственнаго рая Магометанскаго, а вѣчнаго созерцанія величія Божія, по словамъ Христа Спасителя.—Бывшій за два года падежъ воловъ очень разстроилъ ихъ состояніе, но у нихъ все въ большомъ порядкѣ и мы, побывавъ въ одинъ день на устьѣ Салгира, на мраморныхъ горахъ и въ пещерахъ Четырдагскихъ, хорошо отдохнули, проспавъ ночь на мягкихъ постеляхъ доброй хозяйки, сохранившей въ Татарской деревнѣ, гдѣ Богъ судилъ ей жить, всю природную дѣятельность и опрятность.

XII.

СИМФЕРОПОЛЬ, КАРАСУ-БАЗАРЪ, ЦЕРКВИ, ЛАВКИ, ИСТОЧНИКИ КАРАСУ.

Іюля 27.

Въ Симферополѣ по пятницамъ торгъ на большой площади, куда привозятъ на продажу сельскія произведенія. Намъ хотѣлось посмотрѣть это, и все такъ удавалось намъ, что удалось и сюда воротиться, именно въ пятницу. Только мы опоздали; въ одиннадцать часовъ все

лучшее было распродано и не осталось и половины бывшаго народа. Мы объѣхали шагомъ площадь, на которой, подъ навѣсами изъ прутьевъ, накрытыхъ рогожами, навалены были дыни, арбузы, сливы, груши, яблоки, кукуруза и другіе овощи. Огурцы, вдвое больше нашихъ большихъ Турецкихъ, продаются здѣсь по грошу, по одной цѣнѣ съ кукурузою. Послѣднюю надо варить умѣючи; если положить въ нее соли, такъ окрѣпнетъ, что не разжуешь.

Между Татарами, по большой части бывшими въ полосатыхъ халатахъ и красныхъ шапочкахъ съ черными кистями, можно было тотчасъ узнать хаджей, то есть бывшихъ на поклоненіи гробу Магометову, въ Меккѣ, по обернутымъ бѣлыми полотенцами чалмамъ и по особенной важности. Они вообще были и лучше одѣты: надо быть человѣкомъ зажиточнымъ, чтобы совершить такое путешествіе.

Татарскіе мальчики продавали вареную кукурузу; мнѣ очень хотѣлось поѣсть ее, но не рѣшилась у нихъ отвѣдать, видѣвъ близко какъ неопрятна Татарская кухня. Другіе мальчики разносили на желѣзныхъ лоткахъ жареные въ маслѣ пирожки и блины.

По дорогѣ изъ Чафокъ нѣсколько дачь и земли хорошо обработанныя, орошаемыя Салгиромъ и Гангарою, другою такою же маленькою рѣчкою. — Спѣша въ Симферополь, мы не останавливались въ Ески - Сараѣ, гдѣ видны значительные остатки, по мнѣнію однихъ, Ханскихъ палатъ, а по другимъ Генуэзскаго укрѣпленія. Особенно жалѣю я, что мы не видали, въ десяти верстахъ отъ города, Кильборуна, дачи Н. Н. Перовскаго. Не бывъ съ нимъ прежде знакомы, мы посовѣстились, рано проѣзжавъ мимо, попросить, чтобы намъ все показали, и это лишило насъ большаго удовольствія. Намъ сказали въ Симферополѣ, что Кильборунъ достоинъ особеннаго вниманія своими постройками и садами, и что гостепріимный хозяинъ охотно принимаетъ путешественниковъ.

Остановившись въ прежней Греческой гостинницѣ, мы пробыли сутки въ Симферополѣ, ожидая заказанныхъ нами башмаковъ, шляпъ и чепчиковъ, въ замѣнъ изношенныхъ и полинялыхъ на жару, по горамъ и пещерамъ. Все нужное было намъ изготовлено не дурно, но гораздо дороже Петербургскаго.—Время это провели мы очень пріятно съ нашими новыми здѣсь знакомыми. Они уже слышали о нашемъ

путешествіи и удивились, какъ мы успѣли много увидѣть въ двѣ недѣли: не всѣ жители Симферопольскіе бывали далѣе Бакчисарая.—Но если бы это зависѣло отъ меня, я бы воротилась, не чрезъ двѣ недѣли, а развѣ чрезъ два мѣсяца. Тогда бы только я могла все хорошо увидѣть и запомнить. Теперь многаго не доглядѣла, не доспросила; все пролетѣло мелькомъ, какъ волшебный сонъ.—Если бы я не записывала всего на мѣстѣ, я бы скоро не только не могла ничего пересказать другимъ, и самой себѣ не могла бы ни въ чемъ дать отчета: необходимо всегда имѣть при себѣ карандашъ и книжку; даже не заглядывая въ нее скорѣе вспомнишь, что было записано.

Н. Ф. Гротенъ познакомилъ съ нами жену свою, бывшую на вершинѣ Чатырдага, и она сказала, что мы очень счастливы, избавившись такой мучительной поѣздки, причемъ всѣ подтвердили, что можно побывать десять разъ на Чатырдагѣ и не видать ничего, кромѣ сыраго тумана; но что о пещерахъ, въ которыхъ были мы съ такимъ удовольствіемъ, почти вовсе неизвѣстно, и самая равнина, туда ведущая, достойна особеннаго вниманія.

═

Іюля 28.

По общему совѣту рѣшилась я ѣхать въ обратный путь, на Екатеринославль, не прежнею большою дорогою чрезъ Перекопь, но чрезъ Карасу-Базаръ, Ѳеодосію, Арабатскую стрѣлку и Менонитскія колоніи: тутъ почти сто верстъ лишнихъ, но несравненно болѣе любопытныхъ предметовъ, и я очень благодарна Таврическому губернатору, тотчасъ все распорядившему для спокойнаго нашего путешествія.

Карасу-Базаръ при Татарахъ, вмѣстѣ съ Акмечетью (Симферополемъ), принадлежалъ Калгѣ Султану (а). Въ 1737 году, когда онъ взятъ былъ и сожженъ фельдмаршаломъ Лассіемъ, въ немъ было слишкомъ три тысячи каменныхъ домовъ и жители были очень богаты (б). Доселѣ это лучшій Татарскій городъ въ Крыму, но не знаю далеко ли онъ виденъ; когда мы пріѣхали, было уже совершенно темно.

Здѣсь живетъ вдова храбраго генерала Рудзевича, уѣхавшая теперь въ Ѳеодосію. Только старшая дочь ея, фрейлина, Марія Александровна, съ которою я за нѣсколько лѣтъ познакоми-

(а) Географическій словарь Щекатова.

(б) Записки Манштейна.

лась при Дворѣ, осталась на время съ братомъ въ Карасу-Базарѣ, гдѣ она такъ дружески приняла насъ, что вмѣсто одного утра, которое располагались мы пробыть здѣсь, пробыли мы безъ малаго двое сутокъ, и все время были неразлучны. — Первый выѣздъ нашъ былъ, въ воскресенье, въ церковь собственно Русскую. Она очень хороша по городу, гдѣ такъ мало Русскихъ, и мнѣ жаль, что я не слыхала въ ней обѣдню, но она не начиналась, и дорожа всѣми минутами, я поѣхала посмотрѣть соборъ Греческій, построенный скоро по присоединеніи Крыма. Онъ съ четырьмя тонкими столбами и едва примѣтнымъ куполомъ; довольно обширенъ, и съ пространными хорами; съ правой стороны мѣсто архіерейское, съ лѣвой для проповѣдника, надъ обоими двуглавый орелъ. Живопись особеннаго вкуса, очень блѣдная и пестрая; иконы всѣ вообще на золотомъ полѣ. Мы пріѣхали послѣ Херувимской, и остались дослушать обѣдню, для насъ совсѣмъ необыкновенную, попеременно на двухъ языкахъ, Русскомъ и Греческомъ. — Когда сбирали на тарелку деньги, всѣмъ, кто клалъ серебро, давали печатное изображеніе Святителя Николая, во имя котораго построенъ храмъ. Насъ очень

тронулъ этотъ обычай, и мы навсегда сохранимъ полученные нами, съ Греческими надписями, листочки, въ Карасу-Базарскомъ соборѣ.—Николай чудотворецъ написанъ совершенно по нашему, но я замѣтила священнику, что архангела Михаила нигдѣ такъ не пишутъ, какъ здѣсь, въ чемъ онъ согласился, прибавивъ, что это для простаго народа. Здѣсь, какъ и въ Бакчисараѣ, ставятъ на полу свѣчи, въ память усопшихъ.

Армянскій Латинскій соборъ, съ большимъ, свѣтлымъ куполомъ, несравненно величественнѣе и богатѣе Греческаго. Въ немъ семь престоловъ и хоры въ два яруса; на нижнихъ стоятъ женщины, а на верхнихъ органъ: Латины всегда и всюду находили средства строить большія и прекрасныя церкви.

Послѣ обѣдни заѣхали мы посмотрѣть здѣшній бытъ къ градскому головѣ. Первая комната у него убрана по Европейски, а за нею другая по Татарски. Насъ подчивали хорошимъ, только очень крѣпкимъ кофеемъ, и разными вареньями. Самъ голова, высокій, вялый Татаринъ, все молчалъ. За него говорилъ своякъ его, старшій бургомистръ Халиль, умный и бойкій: нельзя узнать, что не Русскій. — Женщины

не прятались отъ бывшихъ съ нами мужчинъ. Онѣ были въ парчахъ и бархатахъ съ жемчужными на груди рѣшетками; но богатый нарядъ не могъ придать имъ ловкости и красоты; Монгольскія лица и глаза ихъ вовсе не имѣютъ выраженія: онѣ кажутся совсѣмъ безсмысленными созданіями. Только четырехлѣтняя дочь Халиля, малютка Емине, очень мила была въ малиновомъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ золотыми галунами, и въ такой же шапочкѣ. Мы ее расцѣловали и тѣмъ пріобрѣли преданность отца ея, который всюду послѣ провожалъ насъ.

Четыреугольный гостиный дворъ, съ двумя воротами и одною калиткою, называемый Ташханъ, прежде былъ крѣпостью. И теперь онъ снаружи болѣе походитъ на крѣпость, по его высокимъ стѣнамъ и оставшимся въ верху бойницамъ. Внутри въ немъ въ два яруса лавки съ галереею, бѣдныя и темныя, крыты черепицею. На дворѣ колодезь и близь него кофейня, въ которой также все очень незатѣйливо, двѣ печи на подобіе Русскихъ, двѣ кадки съ водою, на полкахъ деревянная посуда; хороши только маленькія фарфоровыя чашки съ посеребрянными поддонками, въ которыхъ продаютъ здѣсь кофей, по десяти копѣекъ ассигнаціями, съ саха-

ромъ. Два отдѣленія, нѣсколько возвышенныя, покрыты войлоками и кругомъ обложены подушками; по срединѣ на столикѣ, въ четверть вышиною, мѣдная чаша для углей раскуривать трубки.—Я совсѣмъ не того ожидала, и по грубой простотѣ этой, совершенно противной общимъ понятіямъ о восточной роскоши, должно полагать, что или вовсе нѣтъ здѣсь богачей, или они не любятъ посѣщать кофейни.—При насъ еще никого тутъ не было, только на улицѣ подходилъ къ намъ Телаль, по Русски, какъ зовутъ въ деревняхъ, торгованъ. Онъ продавалъ разныя вещи, которыми весь былъ обвѣшанъ, ожерелья, цѣпочки, платья, чубуки, и прочее, и притомъ держалъ въ одной рукѣ часы а въ другой ружье. Любопытно было бы послушать такого человѣка, который всюду ходитъ и долженъ знать много семейныхъ приключеній, но онъ не говоритъ по Русски, и некогда было съ нимъ толковать чрезъ переводчика.

Здѣсь много въ городѣ лавокъ, и онѣ точно стойла, по обѣимъ сторонамъ тѣсныхъ проулковъ, гдѣ лежатъ огромныя кучи разныхъ овощей, огурцы, просо, и глыбы черной, Крымской соли.—Мы накупили дешевыхъ стеклянныхъ браслетъ черныхъ и цвѣтныхъ;

они сдѣланы довольно грубо, но ихъ всѣ здѣсь носятъ, даже вмѣстѣ съ золотыми.—Хорошихъ, щегольскихъ товаровъ не видали. Мнѣ хотѣлось, и нужно было, купитъ себѣ платье, но канаусы были очень дурны, а красивыхъ, полушелковыхъ матерій было въ кускѣ только по шести аршинъ, и не могли прибрать двухъ одинаковыхъ.—Главный здѣсь торгъ скотомъ, войлоками и сафьяномъ. Послѣдній по большой части желтый, на видъ гораздо хуже нашего, но удивительно проченъ. Мы купили для рѣдкости нѣсколько паръ башмаковъ, вышитыхъ серебромъ; видъ ихъ престранный, внутри ничѣмъ не подложены, но говорятъ, на ногѣ очень покойны; Настасья Петровна не могла нарадоваться, наживъ такую обувь, но я на свою ногу не нашла ни одной пары, пройдя весь длинный, башмачный рядъ. Тутъ продаются разныя сафьянныя вещи, пояски, мѣшечки и прочее: все сработано очень грубо, какъ работали лѣтъ за двѣсти или далѣе. Я изумилась увидя женскіе зимніе башмаки, на толстой подошвѣ съ желѣзными подковами; ихъ, конечно, не проймутъ ни грязь, ни вода, но они такъ огромны и тяжелы, что, кажется, я бы сама въ нихъ опрокинулась въ лужу.

Лавки очень темны отъ навѣсовъ, которые, поднимаясь съ обѣихъ сторонъ, по срединѣ не сходятся только вершковъ на шесть; но эти навѣсы очень хорошо придуманы: они ничто иное, какъ широкія складныя двери въ лавкахъ, которыя днемъ висятъ на крюку, чтобы защитить отъ солнца. Скамьи, также на петляхъ, на ночь поднимаются и сверхъ нихъ опускаютъ двери, которыя прикрѣпляютъ деревянными запорами, продѣтыми въ большія скобы на притолкахъ между лавками, съ висячими замка́ми.

Улицы здѣсь чрезвычайно узки и только видны стѣны домовъ, которые, кромѣ малаго числа принадлежащихъ Христіанамъ, окнами на дворы съ нѣсколькими деревьями. Иныя улицы по сторонамъ высоко вымощены большими камнями, и въ срединѣ впадина, гдѣ стоитъ грязь и стекается всякая нечистота; есть и проулки для пѣшеходовъ, не шире нашихъ домовыхъ коридоровъ. Это совершенно Азіатскій городъ и въ немъ неподвижно все, какъ въ Азіи. Иные думаютъ, что этому причиною жаркій климатъ; но ему должно еще сильнѣе дѣйствовать на временно приходящихъ сюда Русскихъ работниковъ, и однако онъ имъ не препятствуетъ трудиться и наживать деньги.

Нельзя сказать, чтобы Татары слишкомъ были тупы: главною, единственною причиною застоя въ промышлености и образованіи ихъ должно полагать гаремную жизнь и нравственное униженіе женщинъ, совершенно неспособныхъ воспитать дѣтей своихъ.

Церковь наша и правительство издревле славятся терпимостью; никогда въ Россіи никого не принуждали перемѣнить вѣру, но нельзя сомнѣваться, что добрыми примѣрами и усерднымъ исполненіемъ закона Евангельскаго можно сильно дѣйствовать на умы Магометанъ и язычниковъ, доказавъ имъ своею жизнью, какъ вѣра Христіанская превосходна, сколько наслажденій даруетъ она и въ здѣшнемъ мірѣ. Проповѣдники, подобные Епископу Иннокентію, просвѣтившему Алеутовъ, и Архимандриту Веніамину, обновившему въ Пекинскихъ Албазинцахъ забытую любовь ко Христу, могли бы убѣдить Татаръ, что самъ Магометъ вѣрилъ божеству Іисуса, но отвергалъ его, чтобы, пользуясь славою и отличіемъ законодателя, вполнѣ удовлетворить необузданное свое сластолюбіе, столь противное ученію Іисусову.—Умный и хитрый, онъ искусно воспользовался бѣдственными раздорами Христіанъ и ихъ преніями о

вѣрѣ, и самъ сдѣлавшись главою новаго ученія, распалилъ сердца учениковъ своихъ жаждою покорить міръ, истребляя въ немъ науки и художества, чтобы, всюду утвердивъ права сильнаго, погасить въ людяхъ все, что могло вразумить ихъ; какія слѣдствія влечетъ это право, и какъ безуменъ и жестокъ законъ, осуждающій половину рода человѣческаго, пресмыкаясь въ вѣчномъ невѣжествѣ и рабствѣ, жить одною плотскою жизнью.

Прочитавъ съ хорошимъ наставникомъ, одно за другимъ, Евангеліе и коранъ, одаренный здравымъ смысломъ Магометанинъ долженъ постигнуть, что Іисусъ истинный Богъ, убѣдившись, что человѣкъ, дерзнувшій себя поставить выше Іисуса, называетъ его Мессіей, зачатымъ отъ Духа Святаго (а). Не ясно ли, что онъ сознается въ этомъ по невозможности объ этомъ молчать, какъ будто принужденный вышнею силою исповѣдать великое таинство. Онъ призналъ и Марію, Мать Іисусову, Дѣвою (б). Какъ должна быть свята эта Дѣва, чьей чистоты не смѣлъ помрачить

(а) Le Koran. Chapitre III. — 37, 40, 42.—Chapitre IV.—69. — Примѣчаніе. 7.

(б) Le Koran. Chapitre LXVI. — 12. — Примѣчаніе 8.

и развратный врагъ дѣвства! — И если бы Магометъ не понималъ, что Христіане покланяются въ Троицѣ единому Богу, онъ бы не назвалъ Евангеліе книгою, которая просвѣщаетъ и руководствуетъ (а).

Предокъ мой, какъ я уже писала, былъ Татаринъ, и сохранившаяся во мнѣ капля крови его невольно заставляла меня, съ самаго пріѣзда въ Крымъ, обращать особенное вниманіе на старинныхъ его жителей. Но нигдѣ не мечтала я столько о возможности, чтобы, по большей части, бывъ потомками Христіанъ, они нѣкогда обратились въ Христіанство, и о всей пользѣ частной и общей, которая бы проистекла отъ этого, какъ въ Карасу-базарѣ, въ домѣ генерала Рудзевича, именемъ котораго справедливо могутъ гордиться дѣти его. — Отецъ его, Татаринъ, Якубъ Измаилъ, много содѣйствовалъ присоединенію Крыма къ Россіи. Наградивъ его за важныя услуги, Императрица Екатерина осыпала милостями оставшихся послѣ него двухъ сыновей и двухъ дочерей. Они привезены были въ Петербургъ, гдѣ у нихъ были воспріемниками при Святомъ крещеніи сама Императрица, Великіе Князья Александръ и Константинъ и

(а) Le Koran. Chapitre V. — 50. — Примѣчаніе 10.

Великая Княгиня Елисавета, именами которыхъ были они названы.—Переживъ младшаго своего брата, Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ посвятилъ жизнь свою Россіи. Одаренный высокимъ умомъ, онъ совершенно воспользовался превосходнымъ воспитаніемъ, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался храбростью, будучи притомъ искуснымъ инженернымъ офицеромъ. Раненный въ сраженіи съ Поляками, перерѣзавшими Русскихъ въ Варшавѣ, онъ потомъ исполнилъ страхомъ Горцевъ на Кавказѣ, и во время войны съ Французами пріобрѣлъ уваженіе опытныхъ военачальниковъ, особенно отличившись при защитѣ Суассона и взятіи Монмартра (а). — Достойно награжденный покойнымъ Императоромъ, генералъ Рудзевичъ въ послѣднюю Турецкую войну, славно совершилъ переходъ чрезъ Дунай въ присутствіи Самаго Государя и, имѣвъ счастіе заслужить Его благоволеніе, получилъ осыпанную бриліантами золотую шпагу съ надписью: «За переходъ «чрезъ Дунай 28 Мая 1828 года» (б).

Генерала Рудзевича почитали способнымъ предводительствовать цѣлой арміей,

(а) Императоръ Александръ и его сподвижники.

(б) Сообщено семействомъ.

но самъ онъ былъ чрезвычайно скроменъ, и исполненный чувствительности, не могъ пережить сына, убитаго подъ Варною, прежде разстроивъ здоровье свое неусыпною дѣятельностью и славными трудами. Онъ скончался пятидесяти трехъ лѣтъ, и доказательствомъ превосходства его дарованій служитъ рескриптъ Государя Императора ко вдовѣ его, изъ благородной Греческой фамиліи Нотара.

«Мареа Евстафіевна! Съ душевнымъ соболѣз«нованіемъ получилъ Я извѣстіе о кончинѣ до«стойнаго супруга вашего. Ревностное и знаме«нитое служеніе его на полѣ чести, отличныя «дарованія, его украшавшія, важныя услуги, «оказанныя имъ и въ продолженіе настоящей «войны, содѣлываютъ потерю его столь же для «Меня чувствительною, сколь она должна быть «горестна его семейству. Принимая живѣйшее «участіе въ скорби вашей и искренно оную раз«дѣляя, Мнѣ остается изъявить вамъ надежду «Мою, что вы со смиреніемъ Христіанскимъ «перенесете постигшее васъ несчастіе, и въ «обѣтованіяхъ святой нашей вѣры обрѣтете «утѣшеніе въ справедливой горести вашей. Въ «полной признательности къ заслугамъ покой«наго вашего супруга, Я повелѣлъ произво-

«дить вамъ все то содержаніе, коимъ онъ поль-
«зовался» (а).

Знаменитый этотъ воинъ, нѣжный отецъ этотъ, родился въ Карасу-базарѣ, Магометаниномъ. Благоговѣя къ его памяти, старшая дочь его, Марія Александровна, высокая умомъ и образованіемъ, благословляетъ его особенно за то, что онъ былъ ревностнымъ Христіаниномъ. Когда мы пріѣхали въ церковь, она, съ горячимъ усердіемъ помолившись, взяла меня за руку. Никогда не забуду я, съ какимъ чувствомъ сказала она, что не можетъ равнодушно вообразить, что и она могла быть Магометанкой. Дѣйствительно, ужасна участь Магометанокъ! Справедливо умная княгиня Балатукова уподобила жизнь ихъ вѣчной могилѣ!

Къ несчастію, какъ было во времена Магомета, такъ и теперь иногда бываетъ, что сами Христіане, своими ссорами, обманами, пьянствомъ и жадностью къ деньгамъ уничтожаютъ почтеніе ко святой вѣрѣ своей, заставляя сомнѣваться, чтобы она усовершенствовала человѣка. — И одно легкомысліе много мѣшаетъ истинному сближенію съ нами Татаръ. Бургомистръ Халиль, живо тронутый, что мы

(а) Императоръ Александръ I-й и Его сподвижники.

приласкали четырехлѣтнюю дочь его, явился съ нею, взявъ еще пожилую родственницу въ домъ Рудзевичевыхъ. Марія Александровна такъ ласково приняла ихъ, что добрый Халиль въ восторгѣ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ учитъ дочь свою по Русски.

— « Наши жены, прибавилъ онъ, не могутъ ничего дѣлить съ нами; я хочу по крайней мѣрѣ, образовавъ по Русски дочь мою, имѣть въ ней со временемъ друга....

— А знаешь ли, Халиль, перервалъ нѣкто Т***, Русскій гость, если ты дочь выучишь по Русски, она уже не захочетъ быть женою Татарина.

Я едва удержалась, чтобы не сказать на это грубости.

Халиль понялъ мое неудовольствіе. — До этого еще далеко, сказалъ онъ, оборотясь къ гостю, некстати хлопотавшему о замужствѣ маленькой Емине. Я непремѣнно возьму для дочери Русскаго учителя, а тамъ — она выйдетъ замужъ за кого захочетъ.

По этому судить можно, что не слишкомъ было бы трудно, мало по малу, связать тѣснѣйшимъ съ нами союзомъ народъ, который, какъ сказано при описаніи Балаклавы,

еще въ 1812 году, готовъ былъ возстать на насъ. — Это навсегда истребило бы опасеніе плачевныхъ происшествій, съ небольшимъ за двадцать лѣтъ опустошившихъ островъ Хіо, — и наградивъ ихъ лучшимъ понятіемъ о Богѣ, о своихъ обязанностяхъ и о своемъ назначеніи въ будущей жизни, добровольно ими принятая вѣра Христіанская скоро обратила бы лѣнивыхъ, закоснѣлыхъ, но умныхъ и чувствительныхъ Татаръ въ людей бодрыхъ и дѣятельныхъ, которые бы стали заботиться объ обработкѣ прекрасной земли своей, гдѣ, до водворенія въ ней Магометанства, процвѣтали земледѣліе и торговля.

Говоря только чрезъ переводчика съ княгинею Балатуковой, я не могла обо всемъ ее разспрашивать, но, здѣсь бойкая Татарка Занепа разсказала мнѣ много любопытнаго о семейной жизни ихъ. Она за третьимъ мужемъ, у котораго четыре жены, всего наглядѣлась, все испытала. Слушая ее, я взглянула на святыя иконы, всюду разставленныя въ истинно Русскомъ, Православномъ домѣ генеральши Рудзевичь, и отъ всей души благословила Христа Спасителя за высокое счастіе слѣдовать Божественному Его ученію!

Іюля 29.

Въ бытность Ея въ Крыму, Екатерина II посѣтила и Карасу-Базаръ, гдѣ для пріѣзда Ея выстроенъ былъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, на высокой горѣ, дворецъ, несравненно обширнѣе Севастопольскаго, между обнесеннымъ службами дворомъ, и садомъ, откуда виденъ весь городъ съ его церквами и минаретами, среди которыхъ раскиданы зеленыя пирамиды раинъ. Надъ всѣмъ этимъ возвышаются горы, и одну, бѣлую, совершенно отвѣсную, можно почесть богатымъ зданіемъ. — Императрица пожаловала живописное помѣстье это, съ нѣсколькими тысячами десятинъ земли, флотскому капитану Качони, за его услуги во время послѣдней предъ тѣмъ войны съ Турками. Такая награда могла на вѣкъ обезпечить состояніе потомковъ Качони, но сынъ его продалъ все безъ остатку богатому Караиму Симу Бобовичу, который почти никогда не живетъ здѣсь, будучи Таврическимъ гахановъ (высшее духовное званіе).—Все кругомъ пусто; садъ заглохъ; ничто не напоминаетъ присутствія Екатерины и Ея образованныхъ, веселыхъ спутниковъ, съ восторгомъ за Нею слѣдовавшихъ

по вновь покоренной оружіемъ Ея, знаменитой въ исторіи, плѣнительной Тавридѣ.

Два Еврея отворили намъ домъ духовнаго главы своего съ какою-то трусливою подозрительностью, можетъ быть вообразивъ, что мы пріѣхали покупать его. Прежній владѣлецъ, Качони, давно измѣнилъ видъ жилища Царскаго; въ немъ остались только стѣны со множествомъ комнатъ, которыя мы всѣ обошли. Здѣшніе жители, не видавшіе ничего лучшаго, превозносятъ ихъ убранство, но мы видѣли только притязанія на щегольство и роскошь. Въ большой залѣ, между собранными изъ разныхъ мѣстъ простыми, соломенными стульями, два старые краснаго дерева дивана, обиты вышитымъ въ восточномъ вкусѣ атласомъ, совсѣмъ полинявшимъ, потому что стоитъ непокрытый. Въ гостиной, при шелковой во всю стѣну софѣ съ бархатными подушками, рыночные стулья зеленаго барана.—Картины, которыми Татары и Евреи любуются, какъ мы работою Шебуева или Воробьева, должны быть куплены, и съ ихъ потальными рамами, въ Петербургѣ, и мнѣ кажется я неоднажды видала, какъ тамъ носили по улицамъ эти самые пейзажи и портреты, издали поражающіе своими пестрыми красками.

Трогательно видѣть, что всѣмъ хочется украсить жилище свое Царскими портретами, но они часто вовсе не даютъ понятія о изображаемыхъ лицахъ, и даже совершенно измѣняя ихъ, заставляютъ жалѣть, что не существуетъ законъ Александра Македонскаго, по которому только искусные художники могли передавать потомству черты его.

Здѣсь провела послѣднее время жизни своей госпожа Криднеръ, которая, въ молодости написавъ романъ Валерію, заставившій плакать всѣхъ его читателей, потомъ обратила на себя вниманіе такими же горячими возгласами о таинственныхъ дѣйствіяхъ вѣры.—Я никогда ее не видала, но много объ ней слышала различныхъ толковъ, и совсѣмъ неожиданно была на ея могилѣ. Она пріѣхала въ Крымъ съ княгиней Анной Сергѣевной Голицыной въ 1823 году, и на слѣдующій годъ умерла здѣсь, въ домѣ Сима Бобовича. Очень было бы любопытно узнать, что принудило пламенную баронессу искать убѣжища въ Татарскомъ городѣ, у Еврея, чѣмъ она занималась, что думала и чувствовала передъ кончиною?—Некому было объяснить это, и только можно было задуматься о превратностяхъ жизни человѣческой.—Госпожа Криднеръ

погребена близь Карасу-Базара, по дорогѣ въ Ѳеодосію, при часовнѣ, называемой Шицевой, потому что она была построена генеральшей Шицъ надъ гробомъ ея мужа. Часовня эта, самой простой архитектуры, обсажена деревьями и обнесена небольшою рѣшеткою.

Въ шести верстахъ отъ Карасу-Базара видѣли мы источники рѣки Карасу; дорога туда очень пріятная, по обѣимъ сторонамъ лощины съ садами, кругомъ зеленыя горы и разноцвѣтныя каменныя скалы. — Мы отправились въ четырехмѣстной коляскѣ съ Маріей Александровной; братъ ея Михайла Александровичъ со своимъ Арапомъ и Татарскимъ проводникомъ ѣхали верхами. За версту, или немного ближе, отъ источниковъ, не доѣзжая до находящейся тутъ мельницы, пошли мы пѣшкомъ, и неоднажды переходили по камнямъ Карасу, которая не шире, только полноводнѣе Салгира и прямо течетъ въ Сивашъ. Ущелье, изъ котораго выходитъ она, вдругъ открылось передъ нами какъ живописныя развалины великолѣпнаго зáмка, гдѣ еще можно насладиться роскошнымъ отдыхомъ на зеленыхъ лужайкахъ, подъ тѣнью прелестныхъ деревьевъ; казалось даже самъ хозяинъ приглашалъ насъ къ себѣ смотря

въ полукруглое окно на завороте стены. Я издали подумала, что тутъ действительно стоитъ опершись человекъ, прежде насъ сюда пришедшій, и съ трудомъ поверила, что это игра природы.

Жары уничтожили верхній источникъ, но можно легко вообразить, какая тутъ весною и осенью волшебная картина, когда съ пеною и ревомъ стремится вода, прорывая скалу, въ которой образовала она чешуйчатый сводъ, съ толстымъ посреди столбомъ. Монтандонъ иначе описываетъ это место. Это доказываетъ, что въ продолженіе десяти летъ видъ его можетъ совсемъ измениться отъ различнаго напора воды.—Другой источникъ, немного далее, также теперь высохъ; мы только видели широкое отверстіе, изъ котораго въ полноводіе низвергается онъ шумнымъ потокомъ. Потомъ ходили мы по обломкамъ скалъ смотреть другаго рода, и еще необыкновеннее, диковину, трещину въ горе; я бросила въ нее небольшій камень, и судя по времени, когда услышали мы, что онъ упалъ, должно быть тутъ очень глубоко.

Мне такъ было пріятно, я чувствовала такую въ себе бодрость, что, опередивъ товарищей и не сказавъ имъ о своемъ намереніи, взошла

на самую крутую здѣшнюю гору, придерживаясь только за розовые кусты, и окружающіе источники, высокія скалы очутились у меня подъ ногами.—Нѣсколько минутъ стояла я тутъ одна съ особеннымъ, неизъяснимымъ наслажденіемъ, какъ будто навсегда избавившись земныхъ суетъ, стремясь душею и всѣми чувствами къ небу. Одно оно было надо мною съ его вѣчною красотою, съ его непостижимымъ величіемъ, скрывая, за голубымъ своимъ покровомъ, Творца всего видимаго и невидимаго, благоговѣйное поклоненіе Которому всюду распространяетъ тишину и веселость, забывая о Которомъ люди уподобляются безсмысленнымъ животнымъ, превосходя ихъ лукавствомъ и злобою.

Когда мы воротились ко ждавшей насъ коляскѣ, застоявшіяся лошади, едва давъ намъ въ нее сѣсть, полетѣли во весь духъ. Сначала мнѣ было очень весело такъ скоро ѣхать по гладкой дорогѣ, но лошади стали бить задомъ, и мы съ ужасомъ вспомнили о горѣ, на которой стоитъ домъ Бобовича. Спускъ съ нее очень трудный, изворотами, и должно было ожидать, что бѣшеныя лошади прямо бросятся тамъ съ отвѣсной крутизны.—Марія Александровна, которую за

нѣсколько мѣсяцевъ опрокинули и чуть не убили подобнымъ образомъ, хотѣла выскочить изъ коляски; я ее удержала крѣпко обнимая, сама испытавъ, что въ такомъ случаѣ должно совершенно отдаться на волю Провидѣнія. Михайла Александровичъ старался обогнать насъ, но наши лошади, испугавшись этого, еще съ бо́льшею яростью понесли насъ. Вдругъ стоявшій на запяткахъ слуга Рудзевичевыхъ вскочилъ въ коляску, не знаю какъ, по колесу, или ухватясь за верхъ: я думаю, онъ и самъ не зналъ этого, заботясь единственно спасти добрую свою госпожу. Онъ выхватилъ у ямщика возжи, которыми послѣдній не могъ уже владѣть, и крѣпко дернувъ ихъ, остановилъ изумленныхъ лошадей. Михайла Александровичъ успѣлъ броситься передъ ними, насъ выпустили изъ коляски, и мы побѣжали по дорогѣ, боясь оглянуться, чувствуя только, что мы обязаны нашимъ спасеніемъ милосердію Божію и преданности вѣрнаго слуги. Долго не помышляли мы ни о чемъ другомъ; наконецъ мы замѣтили, что начинаетъ смеркаться и что мы совершенно однѣ: мужчины остались у лошадей, не воображая, что мы далеко уйдемъ, и вовсе неслышно было голосовъ ихъ. Кругомъ

разстилалась широкая, пустынная равнина, на которой не было ни жила, ни лѣсу. Новый страхъ овладѣлъ нами: на насъ могли напасть волки; еще того скорѣе могли мы простудиться въ нашихъ легкихъ платьяхъ.

Мы пошли назадъ, и, сѣвъ въ коляску, шагомъ, съ величайшею осторожностью, воротились въ городъ, гдѣ давно ждали насъ двоюродныя сестры Маріи Александровны, тревожась отъ чего мы такъ запоздали.—Можно подивиться, что никто изъ насъ не занемогъ лихорадкою: мы этому обязаны конечно тому, что долго шли пѣшкомъ; это насъ согрѣло и успокоило наши нервы.

Карасу-Базаръ построенъ въ лощинѣ между горами. Одна изъ нихъ, называемая Ак-кайя, то есть Бѣлая, по преданію, во времена Хановъ, служила мѣстомъ казни. Съ нее свергали преступниковъ, какъ нѣкогда въ Римѣ съ Тарпейской скалы: если можно тотчасъ убиться до смерти, казнь эта должна быть самая легкая. Въ Бѣлой горѣ есть пещеры, о которыхъ очень много разсказовъ, между прочимъ, что въ одной изъ нихъ жилъ змѣй, который, выходя напиться, пробороздилъ своимъ ползаньемъ глубокую дорогу. Долго не смѣли подходить къ этимъ

пещерамъ; наконецъ Русскій смѣльчакъ взялся побывать въ нихъ: онъ взошелъ на гору и оттуда спустился на веревкахъ, которыя держали два его товарища. Но только что вошелъ онъ въ пещеру, его какъ будто оттуда вытолкнули; испуганные крикомъ его товарищи уронили веревку, и несчастный убился до смерти.—Это случилось не такъ давно: нельзя сомнѣваться въ истинѣ этого происшествія, но въ немъ ничего нѣтъ сверхъестественнаго. Въ пещерѣ водились пчелы, и вѣроятно цѣлый рой ихъ бросился на любопытнаго, который, вовсе того не ожидавъ, тотчасъ потерялъ присутствіе духа.

XIII.

ѲЕОДОСІЯ, КРѢПОСТЬ ГЕНУЕЗСКАЯ, МУЗЕУМЪ, ДРЕВНІЯ ЦЕРКВИ.—АРАБАТЪ.—АЗОВСКОЕ МОРЕ.—ГЕНИЧЕ.

Іюля 31.

Окружающія Карасу-Базаръ горы постепенно понижаются по дорогѣ въ Ѳеодосію, гдѣ видно по сторонамъ нѣсколько деревень, и при одной изъ нихъ прудъ, что здѣсь большая рѣдкость. Насъ везли очень скоро, но мы выѣхали не рано послѣ обѣда изъ гостепріимнаго дома

Рудзевичевыхъ, и уже взошелъ мѣсяцъ, когда мы увидѣли море и на берегу его городъ, въ сумракѣ казавшійся прекраснымъ и величественнымъ. На булеварѣ было много людей; одни гуляли, другіе сидѣли; по улицамъ раздавалась музыка: можно было подумать, что новая Ѳеодосія, на развалинахъ Кафы, также процвѣтаетъ, какъ на развалинахъ древней Ѳеодосіи ско́ро процвѣла Кафа, бывшая нѣкогда богатѣйшимъ городомъ во всей Тавридѣ, и славившаяся вообще на Черномъ морѣ не менѣе самаго Константинополя.—Но видно, какъ у людей невозвратно проходитъ молодость, такъ и города и области, утративъ свое величіе, не могутъ уже по прежнему его возстановить. Днемъ при солнечномъ свѣтѣ, Ѳеодосія совсѣмъ не такова, какъ при свѣтѣ лунномъ. Дома ея не такъ уже кажутся высоки, особенно не такъ красивы, многіе изъ нихъ совсѣмъ обветшали, и надъ ними печально возвышаются развалившіяся стѣны и башни возбуждавшей завистъ Венеціянъ нѣкогда могущественной Кафы.

Много видѣла я въ Крыму развалинъ; но ни однѣ не наводили на меня такого унынія, какъ здѣшнія. Не все истребляющее время, не его собственное безсиліе были причиною паденія

здѣшняго города; онъ палъ, среди величія своего и роскоши, жертвою корыстолюбія и измѣны собственныхъ гражданъ. Мысль эта стѣсняетъ сердце; страшно вообразить, что нѣсколько подлецовъ могутъ уничтожить всѣ средства, употребляемыя для защиты отечества!—Но Господь попустилъ Кафянамъ погибнуть отъ подкупленныхъ измѣнниковъ, потому что сами Кафяне, нѣкогда, за шестьдесятъ тысячъ золотыхъ монетъ, помогли Туркамъ перебраться въ Европу, стремясь отмстить восточнымъ Императорамъ за союзъ ихъ съ Венеціянами (а). Потомъ, въ 1723 году, при осадѣ Константинополя Султаномъ Амуратомъ, въ царствованіе Императора Мануила, Генуэзецъ Андорно открылъ Туркамъ еще имъ неизвѣстную силу огнестрѣльнаго оружія (б), и въ первый разъ подъ Византіей раздался громъ пушекъ, подъ распоряженіемъ Христіанина, въ станѣ Магометанскомъ. Заботясь единственно о своихъ выгодахъ, Генуэзцы не стыдились помогать врагамъ Христіанства; но когда въ послѣдствіе Провидѣніе грозно наказало за это ихъ потомковъ, въ ихъ бѣдственной долѣ еще должна бы-

(а) Sistrzenceviez. livre XV.

(б) Le Comte de Ségur. Histoire du Bas-Empire.

ла терзать ихъ мысль о справедливомъ возмездіи.

Извѣстно, что нынѣшняя Ѳеодосія основана въ XIII вѣкѣ, подъ именемъ Кафы, Генуэзцами, купившими у Татаръ участокъ земли. Они скоро укрѣпили его и, мало по малу завладѣвъ большою частью южнаго берега, распространили торговлю свою до Китая и Индіи. Сначала старались они заслужить общее уваженіе и довѣренность безкорыстіемъ и справедливостью, но потомъ расчеты купеческіе сдѣлались единственною ихъ цѣлью. Они участвовали въ походѣ Мамая противъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича, и сами много потерпѣвъ отъ этого, въ угожденіе новому Хану Тохтамышу, и чтобы овладѣть огромными его сокровищами, убили Мамая, прибывшаго въ Кафу, гдѣ онъ искалъ спокойнаго пристанища (а). Поступокъ этотъ много повредилъ самой вѣрѣ Христіанской, и между тѣмъ возрастающая сила и богатство города распаляли ревность и ненависть Магометанъ. Кафяне надѣялись отвратить опасность, съ особеннымъ уваженіемъ содержавъ у себя взятаго ими въ плѣнъ

(а) Исторія Карамзина. Томъ V.—Примѣчаніе 88.

Султана Менгли Гирея, сына Хана Хаджи Девлетъ Гирея, при которомъ Крымъ сдѣлался особеннымъ, независимымъ государствомъ. Но, перенявъ у нихъ все, что нужно было знать ему, и потомъ возведенный ими на престолъ, который по смерти отца его попеременно занимали старшіе его братья, Менгли Гирей былъ однако тайнымъ врагомъ Генуэзцевъ, и въ послѣдствіе, когда Кафою овладѣли Турки, довершилъ гибель несчастныхъ, льстившихся, что они навсегда пріобрѣли довѣренность и любовь его.

Давно жаждавъ, истребивъ въ Тавридѣ Христіанъ, овладѣть источниками богатства ихъ, Турецкій Султанъ Магометъ II исполнилъ это въ 1475 году, спустя двадцать два года послѣ покоренія имъ Константинополя. Безразсудство Генуэзцевъ доставило ему въ этомъ скорый успѣхъ. Взявъ шесть тысячь червонныхъ съ Татарина Сейтака, консулъ Габелла и его совѣтники утвердили его въ должности главнаго Татарскаго судьи въ Кафѣ, на которую назначенъ былъ Ханомъ Татарскій князь Еминекъ. Послѣдній, жестоко этимъ оскорбившись, тотчасъ предложилъ Магомету II овладѣть Тавридою, и самъ осадилъ Кафу во ожиданіи Турецкаго флота,

который скоро высадилъ сильное войско.

Только пять дней продолжалась осада, и, вдругъ, на шестой день, обманутые своими правителями, давно къ этому готовившимися, вмѣсто того, чтобы до послѣдняго издыханія защищаться въ своихъ твердыхъ укрѣпленіяхъ, жители, въ числѣ семидесяти тысячь, безусловно покорились Туркамъ.—Одни тотчасъ переселены были въ Константинополь; другіе, среди облитыхъ кровью развалинъ великолѣпнаго города, обремененные нищетою и рабствомъ, съ отчаяньемъ остались оплакивать невозвратныя потери. Тутъ погибло много и Русскихъ, имѣвшихъ въ Кафѣ значительные торги. — Предатели получили достойное воздаяніе; сами Турки скоро наказали ихъ за гнусную измѣну, но отъ злодѣйства ихъ разорены были процвѣтавшія въ Тавридѣ владѣнія Христіанскія, и цѣлые три вѣка Крымскіе Ханы, какъ хищные разбойники, вовсе незаботясь о земледѣліи и торговлѣ, стремились только всюду грабить и разрушать, и съ уменьшавшимся годъ отъ году населеніемъ укоренялись безпечность и лѣность, обратившія въ пустыни одну изъ лучшихъ въ мірѣ странъ, издревле славившуюся своимъ изобиліемъ и богатствомъ.

Турки не заботились сохранять Генуэзскія укрѣпленія, но они такъ прочно были построены, что за пятьдесятъ лѣтъ, во времена Палласа, почти совершенно были цѣлы. Въ 1834 году Монтандонъ писалъ, что уже многое совершенно обрушилось, но еще и теперь можно судить, какъ были обширны и величественны эти стѣны и башни, которыхъ остатки заставляютъ грустно мечтать о непостоянствѣ счастія и тлѣнности всего земнаго. При въѣздѣ въ городъ на берегу круглая, толстая стѣна съ двумя башнями; одна четыреугольная, кажется, еще долго простоитъ, и по ней видѣть можно, что строители заботились не объ одной прочности, но и о красотѣ зданій. Верхъ башни отдѣланъ такъ изящно, что хорошо было бы подражать этому въ какой нибудь нарядной залѣ.—Отъ другой башни остался цѣлъ только нижній ярусъ, гдѣ также можно подивиться превосходному своду изъ тесаныхъ камней. Тутъ берегутъ теперь сѣно, и около стѣны надѣланы сарайчики, въ которыхъ стоятъ волы.—Для отвращенія наводненія, былъ здѣсь выложенный камнемъ широкій каналъ; онъ давно совсѣмъ засорился, но въ бытность его здѣсь градоначальникомъ, А. И. Казначеевъ

приказалъ отрыть часть этого канала и это тотчасъ оказало важную пользу.

Разсчитывая время, чтобы застать въ Нижнемъ Новгородѣ ярмарку, чего намъ очень хотѣлось, и еще того болѣе боясь, чтобы не застигли насъ на дорогѣ осенніе дожди, мы могли только сутки пробыть въ Өеодосіи. Это слишкомъ мало для здѣшняго города; мы были почти вездѣ, но вездѣ только что заглянули, ничего не успѣвъ хорошо осмотрѣть. Я уже писала, что Александръ Ивановичъ Казначеевъ снабдилъ меня въ Севастополѣ короткимъ, но весьма полезнымъ указателемъ примѣчательныхъ мѣстъ по южному берегу. Онъ теперь губернскій предводитель дворянства въ Таврической губерніи, гдѣ былъ губернаторомъ, и по этому судить можно, какъ его уважаютъ здѣсь. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Өеодосіи, онъ очень ее любитъ, и самъ все намъ показывалъ въ древнемъ этомъ городѣ, гдѣ всюду грустныя воспоминанія прежняго богатства и величія. — Дорогою въ карантинъ, увидѣвъ нѣсколько отверстій на обросшемъ травою возвышеніи, я подумала, что тутъ пещеры, но мнѣ сказали, что это остатки древнихъ домовъ, засыпанные землею. Если бы позволяло время, я бы

тутъ побывала, подъ этими подземными, несокрушимыми сводами, но я не успѣла даже обойти крѣпость съ немногими въ ней уцѣлѣвшими башнями. — Остатки этой крѣпости, сильнѣе всякихъ историческихъ описанiй, показываютъ, какъ роскошь и тщеславiе развратили Кафянъ. Нагло притѣсняя окрестныхъ жителей и прiѣзжавшихъ къ нимъ торговать иностранцевъ, они ограбили и многихъ Русскихъ купцовъ, за что Великiй Князь Iоаннъ Васильевичъ требовалъ удовлетворенiя, и потомъ побоялись защищаться за твердыми своими стѣнами и предпочли славной смерти постыдное рабство.

Все, что послѣ разрушенiя и долговременнаго порабощенiя Кафы отыскано было достойнаго вниманiя въ ея развалинахъ, хранится въ прежде бывшей опустѣлой мечети. Я видѣла въ ней мраморныя плиты съ высѣченными на нихъ гербами знаменитыхъ, благородныхъ семействъ и полуистертыми Греческими и Латинскими надписями.—Огромный кувшинъ на подобiе цитерны служилъ нѣкогда богатымъ Кафянамъ для сбереженiя вина, которое и лѣтомъ не портилось въ немъ отъ сильныхъ здѣшнихъ жаровъ.—Прелестныя статуйки, изъ какой то особеннаго рода глины, вѣроятно ук-

рашали прежде комнаты, какъ у насъ теперь любятъ наполнять ихъ произведеніями такого рода, не столь изящными.—Всего здѣсь значительнѣе собраніе медалей, но я тотчасъ объявила услужливому господину Граперону, завѣдывающему этимъ хранилищемъ, что я вовсе не понимаю достоинства медалей, хотя и везу ихъ нѣсколько, подаренныхъ мнѣ въ Тавридѣ, храня въ память пріятнаго знакомства.—У входа въ музеумъ лежатъ два бѣлые льва, найденные близь Тамани въ морѣ: они, вѣроятно, тамъ погружены были нѣсколько вѣковъ: не скоро узнаешь, что это львы. Но если справедливо полагаютъ, что двѣ раковины, въ четверть величиною, до потопа принадлежали устрицамъ, можно судить по нимъ, какъ въ первобытные вѣка все въ природѣ было огромно и изобильно.—Все это, какъ сказано выше, помѣщено въ бывшей Турецкой мечети съ четырьмя въ углахъ впадинами и красивымъ куполомъ. И это зданіе, въ которомъ поклонники Магомета, сбираясь на молитву, считали себя предназначенными овладѣть всѣмъ міромъ, истребивъ въ немъ вѣру Христіанскую, служитъ хранилищемъ пережившихъ могущество Магометанъ памятниковъ Христіанскихъ.

Безъ малаго пятьсотъ лѣтъ, какъ построена здѣсь крѣпость, при консулѣ Готфредѣ Зоаліо, въ половинѣ XIV-го вѣка, и потомъ она распространена въ началѣ XV-го. Изъ прежде бывшихъ въ Тавридѣ крѣпостей это самая обширная, и въ ней теперь, между древними стѣнами и башнями, карантинъ, гдѣ изъ оконъ прекрасный видъ на море и поднимающіяся надъ нимъ строенія. Особенно здѣсь замѣчательна небольшая, прекрасной архитектуры древняя Армянская церковь съ куполомъ; въ ней сохранилось много надписей и лѣпной работы Спаситель съ двѣнадцатью апостолами. Входъ изъ паперти, съ четырьмя столбами, заложенъ, но примѣтно, гдѣ была дверь и по обѣимъ ея сторонамъ окна, чтобы слышать и видѣть служеніе.—Въ древней церкви Греческой сводъ каменный и на стѣнахъ остатки живописи; но ясно видно только изображеніе Пророка Аввакума.

Гавань Ѳеодосійская имѣетъ то важное преимущество, что никогда не мерзнетъ, и хотя послѣдніе годы отпускъ и привозъ товаровъ очень уменьшились здѣсь (*), многіе надѣются, что со временемъ Ѳеодосія будетъ снова въ числѣ луч-

(*) Новороссійскій календарь. 1845.

шихъ на Черномъ морѣ торговыхъ Русскихъ городовъ.—Около Ѳеодосіи сбираютъ по берегу прекраснѣйшія разной величины и разнаго цвѣта раковины, бѣлыя, перламутровыя, коричневыя и другія, изъ которыхъ дѣлаютъ цвѣты, ларчики и разныя другія вещи гораздо лучше тѣхъ, которыя привозятъ въ Петербургъ изъ-за границы.

Небольшой городской садъ разведенъ здѣсь А. И. Казначеевымъ и въ немъ уже довольно тѣни, что доказываетъ возможность съ успѣхомъ садить здѣсь деревья. Если бы жители болѣе объ этомъ заботились, это бы очень украсило городъ, и ожививъ пустынныя его окрестности, было бы очень полезно и здоровью.—Александру Ивановичу должны быть благодарны и всѣ, кто любитъ живопись за то, что онъ, угадавъ высокое дарованіе здѣшняго урожденца Айвазовскаго, способствовалъ ему сдѣлаться однимъ изъ славнѣйшихъ художниковъ нашего времени. Вѣрно Айвазовскій еще ребенкомъ ходилъ на высокую гору, надъ Ѳеодосіей, смотрѣть на опустѣлый, но еще живописный городъ, и на море, нѣкогда ему доставлявшее сокровища всего міра, и тутъ можетъ быть въ первый разъ почувствовавъ въ

себѣ призванiе изображать подобныя картины, старался онъ изучить южное небо со всѣми оттѣнками его облаковъ, и море со всѣми его измѣненiями, то исполненное плѣнительной красоты, когда оно отражаетъ въ ясномъ своемъ зеркалѣ солнце или звѣзды, то грозное и ужасное, когда, во время бури, высокiе кипящiе валы его изъ бездны въ бездну бросаютъ, какъ легкiе мячи, огромныя суда.

Многiе, по ихъ устройству и по качеству морской воды, предпочитаютъ здѣшнiя купальни Одесскимъ, куда съѣзжаются болѣе потому, что тамъ можно веселѣе проводить время и дешево накупить прекрасныхъ товаровъ. Но Крымскiе жители, заботящiеся о здоровьѣ, проводятъ лѣто въ Ѳеодосiи, и я, возобновивъ здѣсь знакомство съ почтенной Марѳой Евстафьевной Рудзевичевой, прiѣхавшей сюда съ меньшими ея дочерьми, имѣла удовольствiе вновь познакомиться съ Варварой Дмитрiевной Казначеевой.

Мы почти не разставались съ двумя этими любезными, семействами и вмѣстѣ были въ Караимской синагогѣ, гдѣ было при насъ краткое молебствiе. Передняя стѣна закрыта занавѣсомъ, за которымъ хранится въ шкафѣ

библія, въ кругломъ ящикѣ, съ серебряными обручами и разными украшеніями. Она очень древняя и писана столбцемъ на клееныхъ листахъ, которые навиваются на продѣтыя въ ящикѣ палочки.—Изъ синагоги заходили мы къ раввину, молоденькая жена котораго приняла насъ въ простомъ ситцевомъ платьѣ, а на головѣ былъ у нее богатый съ золотомъ платокъ; не знаю, для нашего ли прихода она его на себя накинула, или такъ всегда одѣваются здѣшнія Еврейки, совсѣмъ иначе, нежели всѣ тѣ, которыхъ видѣли прежде.—Караимы живутъ въ отдѣльной части города, улицы у нихъ чрезвычайно тѣсныя, съ такими же проулками: ничто тутъ не напоминаетъ знаменитой въ древности Кафы.

Лучшій домъ въ Ѳеодосіи, въ которомъ мы останавливались, принадлежитъ Италіянцу Аморетти. Его не было въ городѣ, но жена его, гостепріимная, пригожая Француженка, сказала намъ, что мужъ ея поселился здѣсь горячо полюбивъ Россію и наше правительство. У нихъ большое семейство, и старшій сынъ, уже служащій, говоритъ по Русски какъ Русскій. Пріятно встрѣчать такихъ иностранцевъ; можно пожелать, чтобы ихъ болѣе къ намъ пріѣзжало.

Мы выѣхали изъ Ѳеодосіи еще позже нежели въ нее пріѣхали. Добрый полицеймейстеръ, котораго мнѣ случалось встрѣчать въ Петербургѣ, проводилъ насъ до большой дороги. Я очень жалѣла, что уже вовсе не было видно города и его окрестностей, но, удаляясь, отъ всей души желала, чтобы надъ нимъ исполнилось значеніе возвращеннаго ему Екатериною прекраснаго, древняго его имени, Ѳеодосія, что по Гречески значитъ: даръ Божій.

═

Августа 1.

Мы ночевали въ Арабатѣ, за тридцать верстъ отъ Ѳеодосіи. Горенка чистая, только полъ въ ней земляной и на низкомъ потолкѣ такъ погнулись балки, что мы боялись, чтобы онѣ совсѣмъ на насъ не обрушились. По утру ходили мы смотрѣть остатки значительной Турецкой крѣпости. Она была съ одной стороны ключемъ къ Крыму, какъ съ другой Перекопь, и долго Крымскіе Ханы почитали себя въ безопасности, владѣя этими путями. Но спустя годъ послѣ взятія Перекопи фельдмаршаломъ Минихомъ, фельдмаршалъ Ласси, узнавъ, что самъ Ханъ ждетъ его съ войскомъ въ

Арабатѣ, обошелъ кругомъ по морскому заливу съ конницею въ бродъ, а пѣхоту и обозы перевезли на плотахъ (а), слѣдствіемъ чего было бѣгство Татаръ и взятіе Карасубазара. Въ 1771 году князь Долгорукій-Крымскій взялъ приступомъ Арабатъ, который при заключеніи міра возвращенъ былъ Татарамъ и они владѣли имъ до самаго присоединенія къ Россіи всего Крыма.

Здѣсь начинается Арабатская стрѣлка, то есть узкая полоса земли между Азовскимъ моремъ и Сивашемъ или Гнилымъ моремъ, длиною сто тридцать пять верстъ, а шириною отъ Арабата на протяженіи семидесяти верстъ, не болѣе версты, а иногда и менѣе, такъ что оба моря разомъ видны и отъ одного къ другому перелетаютъ чайки. Далѣе полоса эта расширяется, и по ней нѣсколько небольшихъ соляныхъ озеръ. Мы вздумали въ одномъ мѣстѣ пройти по такому озерку, блестѣвшему на солнцѣ какъ ледъ, и сначала намъ показалось это очень забавно, но вдругъ стали вязнуть ноги, и подъ ними такъ стало горячо, что я по неволѣ вспомнила Эдгара Равенсвуда, по разсказу Вальтеръ-Скотта утонувшаго въ

(а) Записки Манштейна.

сыпучихъ пескахъ. Еще было бы ужаснѣе утонуть въ соленомъ озерѣ, и едва ли бы, кромѣ родственниковъ и друзей, многіе пожалѣли объ насъ; еще бы, можетъ быть, посмѣялись надъ нашимъ любопытствомъ. — Насъ выручилъ Мурза Аметча, подъѣхавъ къ намъ въ своемъ дилижансѣ, огромной, но очень легкой повозкѣ, въ которой можетъ помѣститься человѣкъ восемь, и кажется еще болѣе, какъ намъ случалось встрѣчать. Благородный этотъ Татаринъ, добрѣйшій человѣкъ, заботился о насъ какъ о родныхъ, даже, не понимаю какъ, досталъ намъ къ обѣду воды со льдомъ, что истинно драгоцѣнно въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ вода такъ дурна, что я не могла ее пить и въ чаю. Мурза Аметча вовсе не напоминаетъ ужасныхъ, кровожадныхъ Татаръ, нѣкогда опустошавшихъ Россію, и на которыхъ еще мы видѣли много похожихъ суровыхъ лицъ. Его скорѣе можно почесть Русскимъ, деревенскимъ дворяниномъ, который за ласковое слово радъ служить всею душею.

Не знаю, какъ не видали мы въ Крыму верблюдовъ, о которыхъ много пишутъ путешественники; мы только видѣли тамъ воловъ и однажды буйволовъ. Верблюдовъ въ первый разъ

увидѣли мы на стаціи Тревожной, слишкомъ за сто верстъ отъ Ѳеодосіи. У худыхъ горбы едва примѣтны, спускаясь какъ мѣшки, но у жирныхъ издали какъ будто два человѣка сидятъ верхомъ одинъ за другимъ.—Не доѣзжая до Тревожной, начали попадаться стада мериносовъ, но не слишкомъ многочисленныя.

═

Августа 2.

Гениче, обширное, богатое село на берегу Азовскаго моря, рукавъ котораго отдѣляетъ его отъ Арабатской стрѣлки. Перевозъ хорошій, и мы спокойно ночевали здѣсь у добраго Малороссіянина, купца Пароваго. Здѣсь удивила насъ дешевизна гусей. Мы встрѣтили Еврея, который гналъ ихъ цѣлую дюжину, купленную имъ за пять рублей ассигнаціями, и онъ еще жаловался, что съ него лишнее взяли.

Послѣ крутыхъ, величественныхъ утесовъ, живописными изворотами облегающихъ Черное море, Азовское море съ его плоскими, почти прямыми берегами, наводитъ тоску, заставляя опасаться, что оно при малѣйшей бури затопитъ окрестности. Берега его усыпаны мелкими раковинами, не такими разнообразными и

красивыми, какъ около Ѳеодосіи, но и изъ нихъ можно дѣлать прекрасныя вещи; особенно хорошо было бы убрать ими бесѣдку и даже стѣны маленькаго кабинета. Набравъ ихъ порядочный узелокъ, мы остановились посмотрѣть, какъ сердито набѣгали морскіе валы одинъ за другимъ, и я, поднявъ шестъ, вытащила имъ изъ воды родъ большаго пузыря, какихъ тутъ много плавало. Цвѣтомъ и свойствомъ онъ очень походилъ на густо свареный рыбный клей, но когда я стала шевелить его, изъ него вышелъ какъ будто прекрасный фонарь съ листьями и корнями. На вопросъ мой объ этомъ, проходившая пожилая женщина сказала, что у нихъ зовутъ это морскимъ сердцемъ, и очень больно, когда оно прильнетъ во время купанья. Можетъ быть это очень извѣстное морское произведеніе, но намъ оно было совершенно ново; мы не видали ничего подобнаго и, какъ я неоднажды повторяла, я ничего не пропускаю, описывая все, не для ученыхъ, которымъ мои описанія могутъ казаться даже смѣшны, но для тѣхъ, которые видѣли не болѣе моего, пока я не ѣздила такъ далеко.

XIV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я не успѣла привести въ порядокъ остальныя записки мои, и не знаю удастся ли мнѣ, когда нибудь исполнивъ это, также ихъ напечатать. Скажу объ нихъ нѣсколько словъ.—Стремясь, сколько возможно болѣе, узнать Россію, я возвращалась изъ Крыма въ Петербургъ

не прямою дорогою, чрезъ Екатеринославль и Курскъ въ Москву, но изъ Тулы поворотила въ Рязань, а оттуда, проѣхавъ въ Нижній Новгородъ, была потомъ въ Костромѣ, Ярославлѣ и Владимірѣ. Выѣхавъ изъ Ѳеодосіи я уже не видала тѣхъ дивныхъ красотъ природы, которыя въ Тавридѣ на каждомъ почти шагу заставляютъ путешественника съ восторгомъ останавливаться; но и въ коренной Россіи есть мѣста живописныя, и въ ней много предметовъ тѣмъ болѣе любопытныхъ, что они нигдѣ не были описаны. Напримѣръ, я съ величайшимъ удовольствіемъ пробыла двое сутокъ въ Суздалѣ, откуда обыкновенно всѣ спѣшать уѣхать, вовсе не зная, какъ въ немъ много достойнаго вниманія. Одна плащаница, въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ, у которой только ликъ живописный, а весь Спаситель обернутъ пеленами, съ чуднымъ искусствомъ вышитыми, по серебру и золоту, жемчугомъ, заслуживаетъ, чтобы проѣзжіе посѣтили знаменитую издревле обитель. — Въ мужескомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, и въ древнемъ городскомъ соборѣ также много замѣчательнаго; въ послѣднемъ огромное рукописное Евангеліе изумляетъ превосходствомъ письма, рисунковъ и разнообраз-

ныхъ арабесковъ, которыми кругомъ обведены всѣ листы. На верхней серебряной, вызолоченой доскѣ его, также превосходно изображены святые лики, какимъ-то Аѳанасіемъ Трухменскимъ, во времена Царя Ѳеодора Алексѣевича; Евангеліе гораздо древнѣе, но неизвѣстно, когда и откуда пріобрѣтено оно.

Въ Англіи и другихъ земляхъ, гдѣ путешественники и жители равно гордятся открытіемъ самой ничтожной древности и забытаго произведенія художествъ, всѣ бы считали обязанностью побывать въ древнемъ городѣ, гдѣ много трогательныхъ воспоминаній для историка и для поэта. Если бы у насъ то же было, стеченіе посѣтителей скоро бы оживило опустѣлый Суздаль, и возникшая въ немъ промышленость доставила бы средства обновить разрушающіяся его зданія и вымостить топкія улицы.—У насъ о Суздалѣ извѣстно только, что онъ былъ нѣкогда удѣльнымъ княженіемъ, а теперь въ немъ хорошо родится капуста, и дурно пишутъ иконы, которыя раскупаетъ простой народъ. И объ этомъ не всѣ знаютъ; умная, образованная дама высшаго круга увѣряла меня, что она, впервые объ этомъ отъ меня услышавъ, очень мнѣ благодарна, искренно желая, но не имѣя

случая узнать, что есть въ Россіи примѣчательнаго.

Не въ однихъ городахъ, и въ простыхъ селахъ видѣла я много такого, о чемъ во всю жизнь пріятно будетъ вспоминать.—Особенно было мнѣ сладостно видѣть набожность, преданность престолу и отечеству и гостепріимство дворянства, духовенства, купечества и народа. Какъ ни старались иностранные воспитатели и промышленики осмѣять коренныя добродѣтели Русскихъ, имъ не удалось еще истребить ихъ. И теперь бѣдственныя событія въ западной Европѣ сильнѣе прежняго должны убѣждать насъ, какъ мудро поступилъ равноапостольный Князь Владиміръ, избравъ Православную восточную вѣру. Торжественные, неизмѣнные обряды ея сильно дѣйствуютъ на воображеніе, и каждое слово научаетъ, въ чемъ состоятъ наши обязанности, отъ исполненія которыхъ зависятъ частное и общее благополучіе.

Благоговѣйное вниманіе, съ которымъ молится въ церквахъ народъ нашъ, стараясь затвердить святое ученіе Спасителя, Апостоловъ и угодниковъ Божіихъ, чтобы руководствоваться имъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и занятіяхъ, ставитъ безграмотныхъ мужичковъ нашихъ го-

раздо выше надменныхъ своею наукою писателей, которые, раскрывая гнуснѣйшіе страсти и пороки человѣческіе, и часто ихъ оправдывая, и даже похваляя, стремятся уничтожить въ людяхъ надежду на жизнь будущую, отравляя жизнь настоящую.—Но, при всѣхъ отличныхъ его качествахъ, извѣстно по исторіи, каковъ и нашъ народъ въ разгарѣ страстей. Ужасно вспоминать о временахъ Самозванцевъ и Пугачева. Избави Боже, если и крестьяне наши станутъ читать переводы Парижскихъ тайнъ, вѣчнаго Жида, и тому подобныя книги!

Чудно хорошо и справедливо безсмертный Крыловъ написалъ свою басню: «Сочинитель и разбойникъ,» изъ которой отрывокъ помѣщаю здѣсь, гордясь, что это написано Русскимъ, равно почитаемымъ за умъ его и качества душевныя.

«И ты-ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
«Передъ твоей ничто его вина.
«По лютости своей и злости,
«Онъ вреденъ былъ,
«Пока лишь жилъ;
«А ты . . . уже твои давно истлѣли кости,
«А солнце разу не взойдетъ,
«Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.

«Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
«Но, разливаяся, вѣкъ-отъ-вѣку лютѣетъ.
«Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,—
«Отчаянье отцовъ и матерей:
«Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены?
тобою.
«Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
«Супружество, начальства, власти,
«Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
«И связи общества рвался расторгнуть?
ты.
«Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
«Не ты-ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
«И страсти и порокъ?
«И вонъ опоена твоимъ ученьемъ,
«Тамъ цѣлая страна
«Полна
«Убійствами и грабежами,
«Раздорами и мятежами,
«И до погибели доведена тобой?

Однажды, въ избранномъ обществѣ уподобляли свободу книгопечатанія древу познанія добра и зла, до плода котораго Богъ запретилъ

касаться Адаму и Еввѣ, но они нарушили законъ этотъ, и, согрѣшивъ сами, поработили своихъ потомковъ пагубнымъ слѣдствіямъ своеволія и гордости.—Это сравненіе очень справедливо: свобода печатать все что взбредетъ на умъ въ припадкахъ злобы, зависти, или жажды прославиться и обогатиться, уничтожаетъ всѣ связи родственныя и дружескія, всѣ чувства почтенія и благодарности; эта свобода заглушаетъ совѣсть, научаетъ клеветать и обманывать. Особенно вредно людямъ, живущимъ своими трудами, читать книги, которыя волнуютъ умъ и воображеніе; имъ скоро опротивѣетъ работа, и они отъ праздности обнищавъ, легко отважатся на злодѣйство.—Прекрасно писалъ объ опасностяхъ излишняго развитія умовъ ученый Французскій путешественникъ Мишо, въ своемъ сочиненіи:—«Correspondance d'orient 1830—1831, par M. Michaud de l'académie Francaise. Tome troisiéme, Lettre LVII» (a).—Грустныя предчувствія, его тревожившія, вполнѣ нынѣ сбылись.

Со временъ Вольтера, Даламберта, Дидерота и Вейсгаупта, въ продолженіе почти цѣлаго вѣ-

(a) Переписка съ востока 1830—1831, M. Мишо, члена Французской академіи. Часть третья. Письмо LVII.

ка, стремились, въ западной Европѣ, волновать народъ несбыточными, безумными мечтами о возможности жить независимо и праздно, завладѣвъ чужою собственностью и трудами (а), и уже давно во Франціи не слыхали Евангельскихъ словъ: «Воздадите Божія Богови, и Кесарево «Кесареви (б), когда Спаситель міра, платя требуемую дань, сотворилъ чудо, чтобы подать примѣръ покорности властямъ.—И кому заплатилъ онъ дань эту?—Тиверію.—Это могло бы тронуть самихъ Французовъ, которые, переставъ читать Евангеліе, за что ихъ видимо казнитъ Богъ, вѣрятъ всему, что имъ проповѣдуютъ властолюбивые мятежники: по крайней мѣрѣ они узнали бы, какъ ихъ обманываютъ говоря противное.

Православный народъ Русскій нельзя такъ обмануть; онъ вседневно слышитъ во святыхъ храмахъ, на понятномъ ему языкѣ, слово Божіе, и напомнивъ ему слышанное, нетрудно склонить его на все доброе и полезное. — Утѣшаюсь надеждою что святая наша вѣра и мудрое правительство навсегда оградятъ насъ

(а) Abrégé des mémoires pouv servir à l' histoire du Jacobinisme, par l'abbè Barruel, 1799.

(б) Святое Евангеліе отъ Матѳея.—Отъ Марка.—Отъ Луки.

отъ злыхъ примѣровъ, и преклоняя колѣна, отъ всей души, молю Христа Спасителя, да сбудутся надъ Россіей послѣднія слова, сказанныя Имъ въ здѣшнемъ мірѣ Его Апостоламъ. «Се Азъ съ вами есмь во вся дни, до «скончанія вѣка» (а).

(а) Святое Евангеліе отъ Матѳея.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.—На топографическомъ планѣ Ираклійскаго полуострова, черта подъ буквою А показываетъ, гдѣ находился водопроводъ, откуда отведена была вода во время осады Херсона Великимъ Княземъ Владиміромъ, что и рѣшило сдачу города.

Буквы В. В. означаютъ бывшія дороги изъ древняго Херсона къ морю.

Цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, показываютъ остатки большихъ и малыхъ древнихъ зданій, болѣе или менѣе сохранившихся, изъ которыхъ въ одномъ колодезь и при нѣкоторыхъ систерны или цитерны. Подъ 12 цифрою нѣсколько родниковъ, снабжавшихъ хорошею водою новый Херсонъ.

2.—На планѣ развалинъ новаго Херсона, буквы А, Д и всѣ прочія означаютъ остатки древнихъ зданій, изображенные на особомъ листѣ подъ названіемъ: виды новаго Херсонеса.

АЛКОРАНЪ.

Новый переводъ съ Арабскаго на Французскій языкъ, М. Казимирскимъ. 1840.

Примѣчаніе 3.—Глава II.—173.—О правовѣрные! отмщеніе предписано вамъ за убійство. Свободнаго человѣка за свободнаго, невольника за невольника, женщину за женщину.

175.—Въ законѣ отмщенія жизнь ваша, о люди, одаренные понятіемъ.

4.—Глава III.—40.—Ангелы сказали Маріѣ: Богъ возвѣщаетъ тебѣ Слово свое. Его назовутъ Мессіей, Іисусомъ сыномъ Маріинымъ, и будутъ почитать въ здѣшнемъ мірѣ и въ будущемъ.

5.—Глава III.—13.—Скажи: что могу я возвѣстить лучшаго боящимся Бога, какъ сады орошенные рѣками, гдѣ будутъ они вѣчно пребывать, женъ ничѣмъ непомраченныхъ.

Глава XIX.—62.—Ихъ введутъ въ сады Едемскіе.

63.—Они не услышатъ тамъ никакой праздной рѣчи; но слово Миръ. Имъ будутъ раздавать пищу утромъ и вечеромъ.

6.—Глава XXXIII.—47.—О пророкъ! тебѣ позволено брать за себя женъ, которымъ дашь

LE KORAN.

TRADUCTION NOUVELLE FAITE SUR LE TEXTE ARABE PAR M. KASIMIRSKI. 1840.

3.—Chapitre II.—173.—O croyants! la peine du talion vous est prescrite pour le meurtre. Un homme libre pour un homme libre, l'esclave pour l'esclave, et une femme pour une femme.

175. — Dans la loi du talion est votre vie, o hommes doués d'intelligence!

4.—Chapitre III.—40. — Les anges dirent à Marie : Dieu t'annonce son Verbe. Il se nommera le Messie, Jésus fils de Marie, honoré dans ce monde et dans l'autre.

5.—Chapitre III.—13. — Dis : Que puis-je annoncer de plus avantageux à ceux qui craignent Dieu, que des jardins arrosés par des fleuves où ils demeureront éternellement, des femmes exemptes de toute souillure.

Chapitre XIX.—62. — Ils seront introduits dans les jardins d'Eden.

63. — Ils n'y entendront ancun discours futile; mais le mot Paix. Ils recevront la nourriture le matin et le soir.

6. — Chapitre XXXIII. — 47. — O prophète! il t'es permis d'épouser les femmes que tu auras

приданое, плѣнницъ, которыхъ предалъ въ руки твои Богъ; дочерей твоихъ дядей и тетокъ по отцѣ и по матери, убѣжавшихъ съ тобою, и всякую вѣрную жену, которая отдастъ сердце свое пророку, если пророкъ самъ хочетъ на ней жениться. Жалуемъ тебѣ это право надъ всѣми вѣрующими.

7.—Глава III.—37.—Ангелы сказали Маріѣ: Богъ тебя избралъ; онъ тебя спасъ отъ всякой нечистоты, ты избрана имъ между всѣми женами вселенной.

40.—Смотри выше.

42.—Господи, отвѣчала Марія, какъ будетъ у меня сынъ? Я не знаю никакого мужа. Такъ отвѣчалъ Ангелъ, Богъ творитъ что Ему угодно. Онъ речетъ: да будетъ, и бысть.

8.—Глава IV.—69.—Мессія, Іисусъ сынъ Маріи, Апостолъ Божій и Слово Его имъ вселенное въ Марію: Онъ духъ происходящій отъ Бога.

9.—Глава LXVI.—12.—Марія дочь Амрама сохранила свое дѣвство.

10.—Глава V.—50.—Мы послали Іисуса сына Маріина для подтвержденія пяти книгъ Моисеевыхъ. Мы дали ему Евангеліе, заключающее просвѣщеніе и руководство.

dotées, les captives que Dieu a fait tomber entre tes mains, les filles de tes oncles et de tes tantes maternels et paternels qui ont pris la fuite avec toi, et toute femme fidèle qui livrera son coeur au prophète si le prophète veut l'épouser. C'est le privilège que nous t'accordons sur les autres croyants.

7.—Chapitre III.—37. — Les anges dirent à Marie: Dieu t'a choisie, il t'a rendue exempte de toute souillure, il t'a élue parmi toutes les femmes de l'univers.

40. — Ci-dessus.

42. — Seigneur, répondit Marie, comment aurais-je un fils? Aucun homme ne m'a approchée. C'est ainsi, reprit l'ange, que Dieu crée ce qu'il veut. Il dit: soit, et il est.

8.—Chapitre IV.—69.—Le Messie, Jésus fils de Marie, est l'apôtre de Dieu et son Verbe qu'il feta dans Marie : il est un esprit venant de Dieu.

9. — Chapitre LXVI. — 12. — Et Marie fille d'Amram qui a conservé sa virginité.

10.—Chapitre V.—50. — Nous avons envoyé Jésus fils de Marie pour confirmer le Pentateuque. Nous lui avons donné l'Evangile qui contient la lumiére et la direction.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

стран.

I.—Одесса. Булеваръ. Соборъ. Биржа. Музеумъ. Институтъ. Карантинъ 1.

II.—Архіерейскій домъ. Михайловскій монастырь, Домъ Князя Воронцова. Цитерны. Гостиный дворъ. Театръ. Хуторъ Рено. . 21.

III.— Николаевъ. Купеческая церковь. Спасскій садъ. Гидрографическое депо. Адмиралтейство. Обсерваторія. 41.

IV.—Херсонъ. Соборъ Святыя великомученицы Екатерины. Памятники въ крѣпости. Училище Торговаго Мореплаванія. Памятникъ Говарду. Канатный заводъ. 56.

V.—Алешки.—Перекопь.—Симферополь. . . 68.

VI.—Бакчисарай. Дворецъ Ханскій. Мечети. Кладбище. Сады. Свадебный пиръ . . . 83.

VII.—Церковь Успенія Божіей Матери. Чуфутъ-Кале. Коралесъ. Мангупъ - Кале. Черкесъ - Кермень. 107.

VIII.—Севастополь. Георгіевскій монастырь. Развалины Херсонеса. Корабль XII Апостоловъ. Инкерманъ. Водопроводы. Новая крѣпость. Гулянья 135.

стран.

IX.—Балаклава.—Байдары.—Южный берегъ.—Алупка.—Мисхоръ.—Гаспра. 166.
X.—Двѣ Оріанды.—Ливадія.—Ялта.—Массандра.—Бiюкъ-Ламбатъ.—Алушта 193.
XI.—Янисала.—Кизиль-Коби.—Устье Салгира.—Бiюкъ - Янкой.—Пещеры на Чатырдагѣ.—Чавки. 218.
XII.—Симферополь.—Карасу - Базаръ. Церкви. Лавки. Источники рѣки Карасу. . . .
XIII.—Өеодосія. Крѣпость Генуэзская. Музеумъ. Древнія церкви. — Арабатъ. — Азовское море.—Гениче. 258.
XIV.—Заключеніе. 289.
Примѣчанія. Выписка изъ Корана 299.

—

Къ этой части приложены: Топографическій планъ Ираклійскаго Полуострова.—Планъ развалинъ Новаго Херсонеса, и виды: Новаго Херсонеса.—Одесскій Институтъ.—Фрегатъ Флора.—Ханская мечеть въ Бакчисараѣ.—Гробница Маріи въ Бакчисараѣ.—Балаклава.—Оріанда Государыни Императрицы.

ОПЕЧАТКИ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стран:	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
13.	14.	обширна у	обширна; у
23.	25.	Якова	Іакова
28.	9.	показалось	показалась
29.	22.	въ домъ	въ домѣ
33.	23.	ктоего	кто его
51.	24.	млекихъ	мелкихъ
139.	26.	Tauridue	Taurique
150.	2.	средтво	средство
178.	22.	предводителемъ	предводителемъ дворянства
285.	18.	нѣскоколько	нѣсколько.
283.	3.	кленыхъ	склеенныхъ
303.	19.	feta	jeta

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ ИРАКЛІЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА

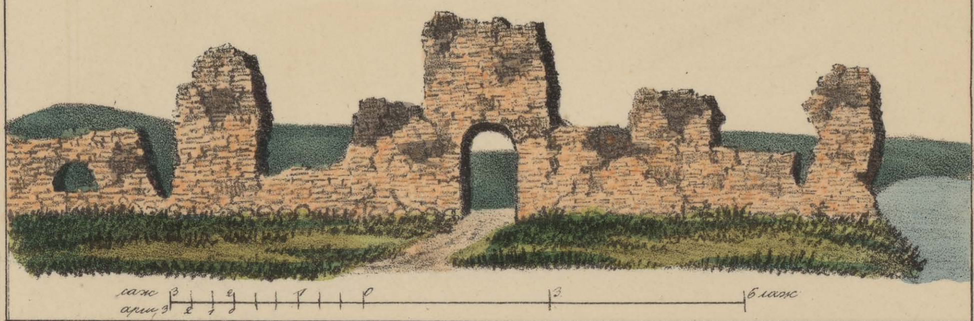

ПЛАНЪ РАЗВАЛИНЪ НОВАГО ХЕРСОНЕСА.

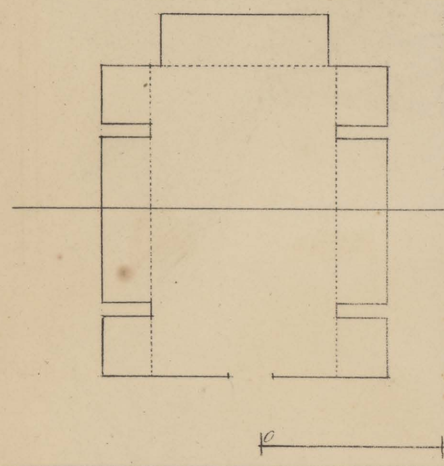

ВИДЫ НОВАГО ХЕРСОНЕСА.

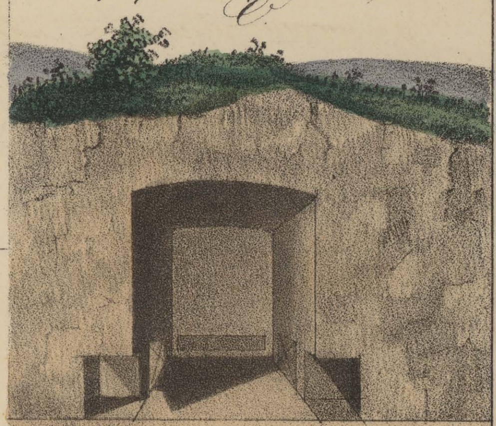
А
Видъ части западной крѣпостной стѣны

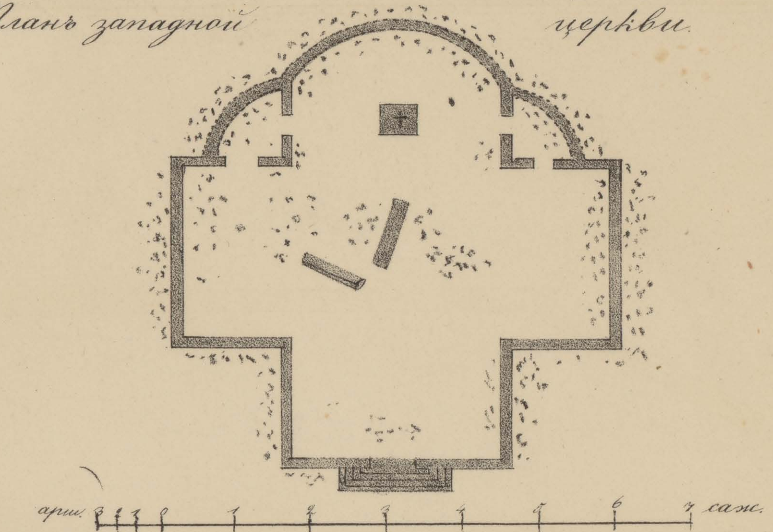
N. Планъ гробницы

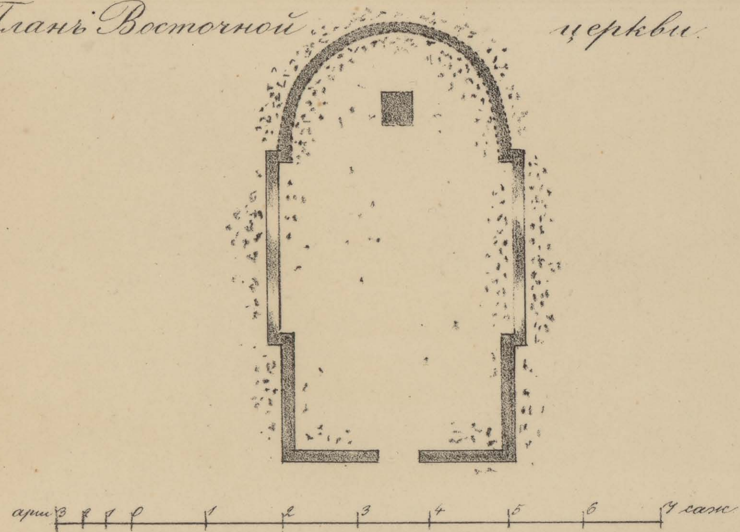
Профиль гробницы C.

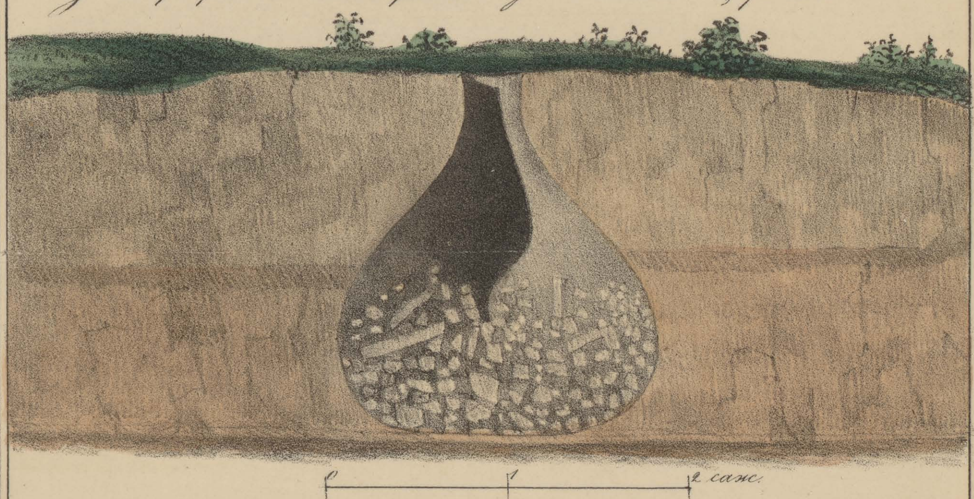
D. Планъ западной церкви

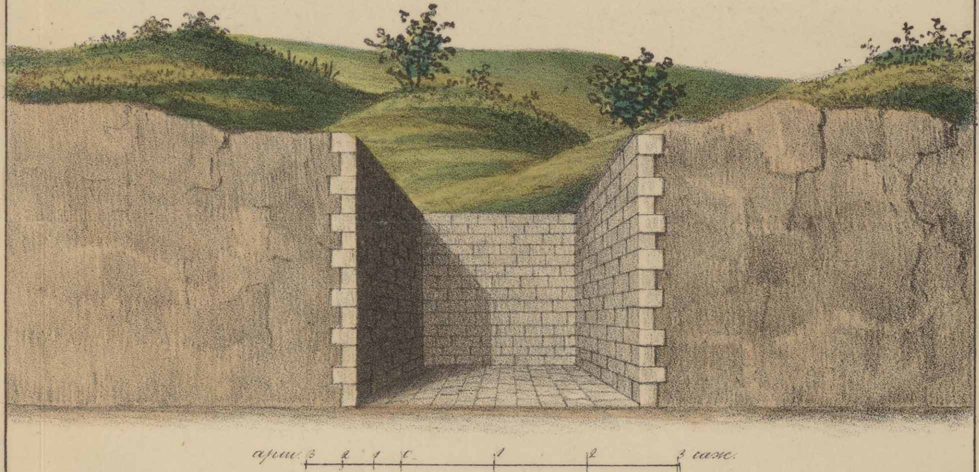
E. Планъ Восточной церкви

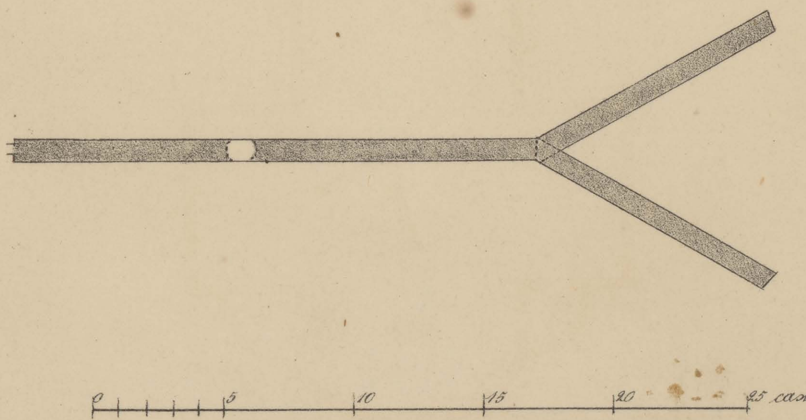
G. Профиль систерны у Южной церкви

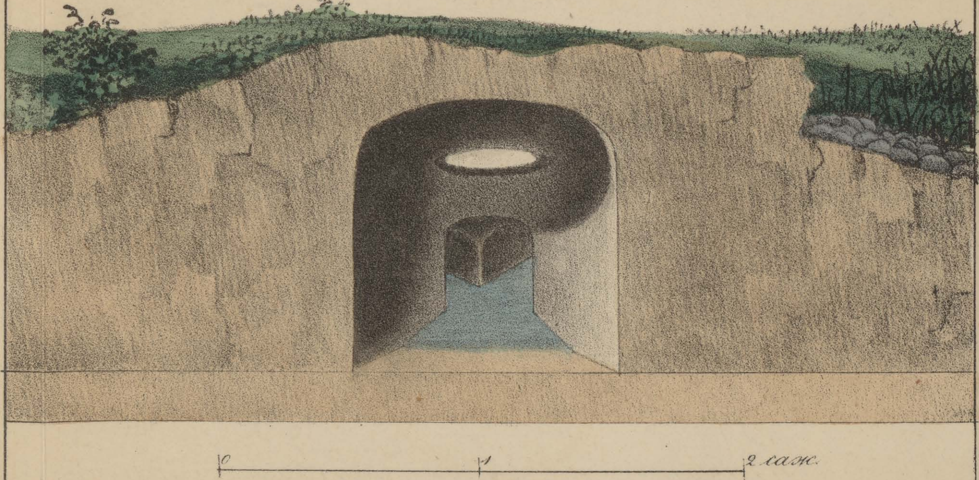
H. Профиль систерны у церкви E.

L. Планъ подземнаго колодезя.

M. Профиль подземнаго колодезя.

Сост. Капит. 1го ранга Аркасъ.

2007040222